

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 14

+

Сборники „Надежда” – Христианское Чтение – составляются и редактируются в России. Издание их осуществляется при поддержке Православного Дела.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев”.

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

*Архиепископ Антоний
Женевский и Западно-Европейский*

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 14

НАДЕЖДА

Составитель: свящ. Владимир Шibaев

Обложка работы художника Адама Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1988
Frankfurt/Main
Printed in Germany

**ЕЖЕДНЕВНАЯ МОЛИТВА
СТАРЦА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
ИЕРОМОНАХА НЕКТАРИЯ**

Господи! Дай мне с душевным спокойствием встретить все, что даст мне сей день.

Господи! Дай мне вполне предаться воле Твоей святой. На всякий час этого дня во всем настави и поддержи меня. Открой мне волю Твою для меня и окружающих меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, дай мне принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя.

Господи, великий, милосердный! Во всех моих делах, словах руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть, что все ниспослано Тобю.

Господи! Дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая, никого не смущая.

Господи! Дай мне силу перенести утомление сего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи молиться и любить всех лицемерно. А м и н ь.

МОЛИТВА ЕЖЕДНЕВНАЯ ИЕРОСХИМОНАХА ПАРФЕНИЯ

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Не попусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей.

О, мой Господи, Создатель мой, все упование мое! не остави меня без удела в блаженной вечности; соделай, да и я последую святому примеру Твоему, буду покорен христолюбивым властям, надо мною поставленным; даруй мне сию чистоту духа, сию простоту сердца, которые делают нас достойными любви Твоей. К Тебе, о Боже мой! возношу душу мою и сердце мое, не попусти погибнуть созданию Твоему, но избавь меня от единственного и величайшего зла — греха. Сделай, Господи, да переносу с таким же терпением беспокойства и скорби душевные, с какою радостью приемлю удовольствия сердечные. Если Ты хочешь, Господи, можешь очистить и освятить меня. Се предаю себя Твоей благодати, прося истребить из меня все противное Тебе и присоединить к сонму избранных Твоих. Господи!

отыми от меня праздность духа, погубляющую время, суетность мыслей, мешающую Твоему присутствию и развлекающую внимание мое в молитве; если же, молясь, я уклоняюсь от Тебя моими помыслами, то помоги мне, дабы сие развлечение было произвольно и, отвращая ум, да не отвращу от Тебя сердце. Исповедую Тебе, Господу Богу моему, все грехи моего беззакония, ныне и прежде соделанные перед Тобою, отпусти мне их, ради имени Твоего Святого, и спаси душу мою, которую Ты искупил драгоценною кровию Твоею. Вручаю себя милосердию Твоему, предаюсь в волю Твою, твори со мной по благодати Твоей, а не по злобе и беззаконию моему; научи меня, Господи, располагать дела свои так, чтобы они споспешествовали прославлению имени Твоего Святого. Умилосердись, Господи, о всех христианах, услыши желание всех вопиющих к Тебе, избави от всякого зла, спаси рабов Твоих (имена), пошли отраду, утешение в скорбех и милость Твою святую. Господи! молю Тебя особенно о тех, которые меня чем-либо обидели, оскорбили и опечалили, или какое-либо зло сделали: не наказывай их, ради меня грешного, но пролей на них благодать Твою. Господи! молю Тебя о всех тех, которых я, грешный, опечалил, обидел или соблазнил словом, делом, помышлением, ведением и неведением. Господи Боже! отпусти нам грехи наши и взаимные оскорбления; изжени, Господи, из сердец наших всякое негодование, подозрение,

гнев, памятозлобие, ссоры и все то, что может препятствовать любви и уменьшать братолюбие. Помилуй, Господи, тех, кто поручил мне, грешному, недостойному молиться за них. Помилуй, Господи, всякого просящего Твоей помощи. Господи! сотвори сей день днем милосердия Твоего, подай каждому по прошению его, буди Пастырем заблудших, Вождем и Светом неверующих, Наставником немудрых, Отцем сирых, Помощником угнетенных, Врачом больных, Утешителем умирающих и приведи нас всех к желанному концу, к Тебе, Пристанищу нашему и блаженному упокоению. А м и н ь.

МОЛИТВЕННОЕ ВОЗНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ДЕТЕЙ СВОИХ

Боже и Отче, Создатель и сохранитель всех тварей! Облагодатствуй моих бедных детей Духом Твоим Святым, да возжет Он в них истинный страх Божий, который есть начало премудрости и прямое благоразумие, по которому кто поступает, того хвала пребывает вечно. Облаженствуй их истинным познанием Тебя, соблюди их от всякого идолослужения и лжеучения, сделай, чтоб возросли в истинной спасающей вере и во всяком благочестии, и да пребудут в них постоянно до конца.

Даруй им верующее, послушное, смиренное сердце и разум, да возрастают в летах и в благодати пред Богом и пред людьми. Насади в сердце их любовь к Твоему Божественному Слову, чтобы они были благоговейны в молитве и в богослужении, почтительны к служителям Слова и со всяким искренни в поступках, стыдливы в телодвижениях, целомудренны в нравах, истинны в словах, верны в делах, прилежны в занятиях, счастливы в исполнении

обязанностей своих, разумны и праведетельны ко всем людям. Соблюди их от всех соблазнов злого мира и да не развратит их худое общество. Не попусти им впасть в нечистоту и нецеломудрие, да не сократят сами себе жизни своей и да не оскорбят других. Будь защитой их во всякой опасности, да не подвергнутся внезапной гибели. Соделай, чтоб не увидели мы в них себе бесчестия и посрамления, но честь и радость: чтоб умножилось ими Царство Твое и увеличилось число верующих, и да будут они на небеси окрест Трапезы Твоей, как небесные масличные ветви, и со всеми избранными да воздадут Тебе честь, хвалу и прославление чрез Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Блаж. Д и а д о х, епископ Фотики

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО,
разделенное на сто глав деятельных,
исполненных ведения
и рассуждения духовного

ИЗВЛЕЧЕНИЕ*

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О БЛАЖЕННОМ ДИАДОХЕ

О происхождении и ранней жизни св. Диадоба до епископства ничего не известно. На епископстве же он славился и жизнью святою, и учением премудрым. Виктор, епископ Утики, что в Африке, в предисловии к своей Истории о мучительствах вандалов (Migne. Patr. lat. t. 58), писанной им около 490 г., называя себя учеником его, в честь себе ставит такое название и прибавляет, что "сей блаженный Диадоб достоин быть превознесенным всякими похвалами, так как он оставил весьма много памятников православного учения о догматах и жизни христианской". Почему надо заключить, что он процветал во второй половине V века и, может быть, немного

* Из "Добротолюбия", т. 3. Афон: Пантелеимонов монастырь, 1900.

не дожил до конца его, как можно догадываться из того, что в послании Епирских епископов к императору Льву (457-473) значится и его подпись. Другие обстоятельства его жизни неизвестны.

Из его писаний донныне известны: а) два слова: одно на Вознесение Господне, с изложением православного учения о воплощении Бога Слова, другое — против ариан; б) 100 глав подвижнических о жизни духовной, с 10-ю предшествующими указаниями последних пределов совершенства главнейших добродетелей.

О подвижнических его главах, отдельные из которых мы выберем в свой сборник, блаженный Фотий отзывается так:

”Слово сие (т. е. 100 глав) премного полезно подвижающимся и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего неясного; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом”.

Св. Церковь чтит память св. Диадоба, вместе со всеми святыми, просиявшими подвижнически, в сырную субботу. На службе в сей день во 2-й песне поется: ”пою и Диадоба, купно с Евстафием и Ювеналием отцеврховными”.

*

1. Духовным созерцаниям, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь — и наипаче любовь; ибо те (две — вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

2. По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существенно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре настолько соделается сущою в Боге, насколько она по силе своей возжелает того, и деятельно взыщет; ибо сказано: *будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на небесах* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

3. Зла нет в естестве, и нет никого злого по естеству; ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество со вне чрез навык, — так как то есть, а этого нет, — разве только когда содевается. [...]

8. Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богато осиявается благодатию Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них; ибо там скудость светлых помышлений облакает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовью Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак, к богогла-

голивым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то же время вожделенное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтобы учащий первым вкусил от плода ведения, источаемого любовью. *Трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6). [...]

11. Слово духовное хранит душу не тщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолюбию; потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце), и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовного Слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией, при беспопечительном молчании.

12. Кто себя любит, тот Бога любить не может; а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и

Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда — одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы, так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно, в исполнении всех творимых ею заповедей, искать единой славы Божией, относительно же себя — услаждаться смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а человеку — смирение, чтобы чрез него соделываться нам своими Богу; что если хотим творить и мы, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *оному подобает расти, а нам малиться* (Иоан. 3, 30). [...]

15. Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт; такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова; но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо, возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью воспримлет любовь к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или понесен

большой вред; потому что тогда сладостию Божию совершенно поглощается горечь разлада.

16. Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо душа в действленную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда, как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтобы таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Иоан. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтесь Бога вси святии Его* (Пс. 33, 10), а где: *возлюбите Господа вси преподобнии Его* (Пс. 30, 24), — давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам, с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышле-

ния, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит Пророк: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

17. Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств, и чрез то приходят в совершенное исцеление; так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божиим; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное некое врачевство, страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и таким образом, мало-помалу очищаясь, достигает, наконец, совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умалется страх, пока приидет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрашие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а наконец, любовь, — полнота закона совершенства во Христе.

18. Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе

сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтобы у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести)...

19. Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее. Тогда (когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на весах чаши весовые), и трезвенным пребывает в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20. Вера без дел и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтобы доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если бы он не привел плода ее — сына своего на жертву Богу.

21. Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действительного (устанавливающего его на едином) отвеса преславной любви. Только *вера, любовь действующая* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22. Исследующий глубину веры обуревается волнами помышлений; а созерцающий ее в простосердечном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не

терпит, чтобы в нее смотрели, или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтобы таким образом dospеть в пристань воли Божией. [...]

27. Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здравы, могут все хорошо видеть до малейших комаров и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены, или влажным чем покрыты, тогда, что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения; так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда, и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, — как сказано: *праведнии исповедятся имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда, если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели, и не стыдится с жаром защищать их, несчастная. [...]

34. Есть любовь в душе естественная, и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном

напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действия (энергии), источает обильный некий поток любви и радования. [...]

36. Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкусом ощущает божественное утешение, но не так, чтобы при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого; *ибо ныне мы верою ходим, а не видением*, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвизающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, — и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устранимся от Бога (2 Кор. 5, 6), т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных. [...]

40. Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделывается весь светлым, так что сам богато видит сей, сущий в нем, свет, в этом не дол-

жно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огонь, как учит божественный Павел, говоря, что и сатана иногда *преобразуется в Ангела света* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде (т. е. в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтобы сатана не нашел поэтому душу предуготованною к восхищению ее в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтобы достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, — что и есть *любить Бога всюю душою, всем сердцем и всем помышлением* (Лк. 10, 27). В ком действуется сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира. [...]

42. Воздержание есть принадлежность всех добродетелей почему *подвизающийся должен от всего воздерживаться* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает; так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо

какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолубии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения? [...]

46. Когда, при приходе каких-либо братьев, или какого-либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надывая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47. Пост хотя как орудие, благоустраивающее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже

служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

48. Как земля умеренно напаяемая с большим приплодом изращает вметаемое в нее чисто семя, а упоемая слишком обильными дождями приносит только тернии и волчцы: так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только тернии и волчцы всеми помыслами своими. [...]

54. Когда мы крайне тяготимся приключаящимися нам расстройтвами телесного здравия, ведать должно, что душа наша еще поработчена телолюбию. Почему, как вещественных вождевшая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготю — не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. Если же она с благодарностию переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она не далеко от пределов бесстрастия. Почему с радостию ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55. Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мірскому). Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только

настоящего – присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвижающемуся не подобает помышлять ни о деревьях ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, – равно как вспоминать и о богатых приношениях, если случилось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностью, жизнь же сию почитать неким странническим путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в жизнь вечную. [...]

58. Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим, или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разленяющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отогнать от себя неразумное оное разленение.

59. Ум наш, когда памятью Божиею затворим

ему все исходы, имеет нужду, чтобы ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтобы сказанное речение (Господи, Иисусе Христе, и проч.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостью содержимо мыслию, очень ощутительно попадает всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огонь есть, поядаяй* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда, наконец, Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовождевленное Имя, укосневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисеронный многоцветный, который стяжевают, продав

все свое имение с неизреченною радостью об обретении Его. [...]

70. Как двери в бане, часто отворяемые, скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверью. От сего ум лишается, наконец, чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании; ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегаёт многословия. Молчание же, напротив, благотворно, будучи матерью премудрых помышлений.

71. Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многие толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспeyания ее в духовной жизни. Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотолe, хотя и видит правду как-нибудь попираемую иными, равнодушно к тому остается; ибо, занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне

правду Божию оставляемую, но гневается и возмущается на злоторцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ее достоинство, по действию благочестивого помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит; потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ее завеса — тело — бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем, гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их; ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтобы боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно. [...]

73. Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства), а за вторым — слеза духовная, и потом радование некое безмолвье-любивое; ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настроивает сердце производить слезотворные некие и в себя углубляющие помышления. В этом воистину можно видеть семена молитвы, со слезами, радостно, однако же, сеемые на земле сердца, в верной надежде

обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалию, тогда надо немного громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбные вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии. [...]

83. Износит сердце и само из себя помышления добрые и не добрые; впрочем, помышления не добрые произрастает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в нем в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом, наиболее злых, зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца: почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящее из уст из сердца исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 18, 20). Не знают же они, что ум наш, по действию тончайшего некоего чувства, и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как, по действию плоти, тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем как, увлекает душу, по причине срастворения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе,

когда вожделеваем соуслаждаться ими; что, укоряя, Господь, как само божественное являет слово, и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаню в него всеваемыми, и память о них как бы нарисует в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли? [...]

90. Дух Святой в самом начале преуспеяния, если человек горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтобы святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что бес нелюбия иногда с такою силою налегает на души подвизающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действие неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что, тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви), не может возыметь ее в чувстве, по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы

таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех Святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, — чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого божественною любовью какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: *несть Царствие Небесное брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом, часто здесь вкушать действие любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно *пожерто мертвенное животом* (смертное поглощено жизнью) (2 Кор. 5, 4). [...]

92. Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению, досадив кому-либо, соделываем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира

сего прогневляется на нас, хотя бы то и несправедливо. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему, сущи всецело любовью, не попускает мысли нашей расширяться в порождении божественных созерцаний, если наперед не воспримет опять в любовь и несправедливо гневающегося на нас. В случае если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, при яв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым изливанием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую.

93. Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и претрашным, не потому, чтобы он был сам по себе таков, но потому, что человеческое естество с самого исхода из чрева матери привыкает жить странно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным: ибо, когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми

навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях; вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что тесен и прискорбен путь, вводящий в жизнь, и мало тех, кои идут им (Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего, насилуемую некоею волею исполнять святые заповеди Божии, чтобы благий Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю с удовольствием прочее покорствоваться преславным Его волениям: *от Господа бо уготовляется хотение* (Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что *Бог есть действующий в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Фил. 2, 13).[...]

98. Бесстрашие есть не то, чтобы не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтобы когда они борют нас, пребывать неборимыми подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, неуязвляемы однако же бывают ими, по причине

твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел — облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтобы не делать более зла, но паче то, чтобы всеусильною ревностью о добре в конец потребить в себе злое.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СОРСКИЙ*

Преподобный Нил для русского иночества был таким же наставником-писателем, каким для восточного были преподобные отцы Исаак Сирин, авва Дорофей, Варсонофий Великий, Иоанн Лествичник, Нил Синайский и другие.

К сожалению, подробного жития его не сохранилось; есть только краткие известия. Он происходил из дворянского рода Майковых, родился в 1433 году и положил начало иноческой жизни в Кирилловой обители, где пользовался советами мудрого и строгого старца Паисия Ярославова. Спустя несколько времени он пошел вместе с учеником своим и сотрудником, монахом Иннокентием, из рода бояр Охлебниных, к святым местам восточным и несколько лет про-

* Перепечатано из Троицкого патерика. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896. Современное состояние Нил-Сорской пустыни описано в "Надежде", вып. 5, сс. 221-232: О. В. Монастырских стен силуэт.

вел на Афонской горе и в монастырях Константинопольских. Тут он изучил все виды монашеского подвижничества, в особенности — неизвестный ему дотоле вид *скитского* жития. Главным образом он везде старался вникнуть в смысл и дух так называемого *умного иноческого делания*, внутреннего самоиспытания, все применяя к себе, к собственной духовной жизни. Он внимательно изучал и опытом проходил наставления богомудрых древних отцев: Антония Великого, Ефрема и Исаака Сириных, Варсонофия, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских.

На Афоне у него явилась мысль начать, по возвращении на родину, новый *скитский* образ жизни по образцу восточных подвижников. До него на Руси было два вида иночества: общежительный и отшельнический. Нил положил начало третьему — среднему пути подвижничества: иноки селились один от другого в таком расстоянии, чтобы можно было только слышать голос друг друга, а подвизались каждый особо.

Возвратясь в Белозерский монастырь, преподобный Нил уже не остался жить в нем, но срубил себе келью недалеко от него; потом отошел за 15 верст, где, водрузив крест, поставил сперва часовню и уединенную келью, и при ней ископал кладезь, а когда собралось к

нему для сожигания несколько братьев, то построил деревянную церковь Сретения Господня. Отсюда писал он к другу своему Иннокентию:

”Когда мы жили вместе с тобою в монастыре (Кирилловом), ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Священному Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего пришел я опять в монастырь, устроил себе вблизи его келью, жил сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божиею место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкования, и предания апостольские, потом жития и наставления святых Отцев. О всем том размышляю, и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать, и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай святому Писанию и следуй по стопам отцев или повинуйся тому, кто известен тебе, как муж духовный в слове, жизни и рассуждении. Святое Писание жестоко лишь для

того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Священное Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто писание не для нас писано, не должно быть выполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в нынешние, и во все века, слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро; заповеди Господни для них дороже золота и камней драгоценных, слаще меда и сота”.

Как для себя, так и для учеников своих преподобный Нил поставил правилом не общежительное житие, а строгое скитское. При построении храма надлежало сделать на болотистой почве высокую насыпь, тем более что под церковь назначалась братская усыпальница. Руками богомудрого старца и живших при нем скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Кельи поставлены на возвышении; каждая — от другой и от храма — на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям и праздникам; в прочие дни каждый молился и трудился в своей келье. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь в полном смысле слова: за каждую кафизмою предлагалось по три и четыре чтения из Отцев. Во время литургии пели только трисвятую песнь, аллилуиа, херувимскую и достойно; все прочее

читалось протяжно, нараспев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших.

В завещании ученикам преподобный Нил так изображает внешнюю сторону скитского жития: "а) Пропитание снискивать трудами рук, но не заниматься даже земледелием, так как оно по сложности своей неприлично отшельнику. б) Только в случае болезни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому в огорчение. в) Не выходить из скита. г) В церкви не иметь никаких украшений из серебра, даже и для священных сосудов, а все должно быть просто. д) Здоровые и молодые должны утомлять тело постом, жаждою и трудом, а старцам и слабым дозволяется успокоение в известной мере. е) Женщинам отнюдь не входить в скит".

Немногосложны правила для наружной жизни. Но преимущественный труд и подвиг скитского жития состоит во внутреннем подвижничестве, строгом наблюдении над состояниями души, в очищении ее молитвами и богомыслием. Сие-то подвижничество преподобный Нил изображает довольно подробно в завещании для учеников своих и в обширном сочинении: "Предание о жительстве от святых Отец учеником своим", или скитском уставе. Отличительная особенность сего "Предания" или устава преподобного Нила Сорского от всех других уставов, писанных основателями монастырей, состоит именно в том,

что все внимание преподобный Нил сосредоточивает на *внутренней* духовной жизни во Христе, на чисто духовном воспитании человека-христианина.

Слава блаженного Нила воссияла гораздо далее стен русских обителей. Его знали и уважали русские иерархи. Когда в Новгороде открылась ересь жидовствующих и всюду распространены были ожидания кончины мира в 1492 году, архиепископ Новгородский Геннадий просил Иоасафа, архиепископа Ростовского, посоветоваться между прочим с преподобным Нилом, как он думает о сих ожиданиях: "да что бы еси послал по *Паисия* (Ярославова), да по *Нила*, да с ними бы еси о том посоветовал: прейдут три лета, кончается седьмая тысяча и проч."...

В 1490 году составился против ереси жидовствующих собор: старцы Паисий и Нил приглашены были в Москву на собор. По летописям и актам известно, что в 1503 году был еще собор на Москве. Блаженный Нил присутствовал и на сем соборе. Замечательно, что этим строгим отшельником внесено было в соборные рассуждения предложение освободить монастыри от управления отчинами, то есть населенными имениями. Вопрос этот поднял жаркие рассуждения. Волоколамский игумен Иосиф, столько известный в древней духовно-отечественной литературе своими трудами, защищал имения монастырские. А блаженный Нил,

предлагая, чтобы у монастырей сел не было, требовал, "чтобы жили бы чернцы по пустыням, а кормились бы рукоделием". К мнению Нила пристали многие иноки Кириллобелозерские и даже некоторые из других монастырей. Однако же по их воле не состоялось. После смерти преподобного Нила мысль его долго жила в умах учеников его. Один из них, князь Вассиан Косой, сильно поборал, "еже бы у монастырей не было сел, и с ним другие старцы, с ними же святогорцы", в числе которых был преподобный Максим Грек.

Но главное в житии преподобного Нила это то, что он до смерти остался верен своему уставу, олицетворяя его начала не только в общественных вопросах, каков вопрос о монастырских имениях, но и в своей собственной жизни и подвигах.

Еще значительно ранее своей смерти преподобный Нил, посылая Иннокентия для учреждения обители и предсказывая ей процветание общежитием, на счет своей скитской пустыни заметил: "Здесь же, как было при жизни моей, так пусть будет и по смерти: братия пусть живут по одиночке каждый в своей келлии". Эти слова сохранились, как завещание, и были исполняемы по смерти блаженного Нила. Великий старец отошел ко Господу 7 мая 1508 года в третью неделю по Пасхе святых жен мироносиц, будучи 75 лет от рождения.

Умирая, блаженный Нил оставил следующее завещание ученикам своим:

”Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Завещаваю яже о себе, моим присным господам и братьям, яже суть моего нрава. Молю вас, повергните тело мое в пустыни, да изъядят е зверие и птицы: понеже согрешило есть Богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сотворите, то, ископавши ров на месте, идеже живем, со всяким бесчестием погребите мя. Бойтесь же слова, еже Великий Арсений завеща учеником своим, глаголя: на суде стану с вами, аще кому дадите тело мое. Тщание бо и мне было то, елико по силе моей, да не сподоблен буду чести и славы века сего никоторыя, якоже в житии сем, тако и по смерти моей. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешней, и прощения прошу от всех и от мене прощение да будет: Бог да простит всех нас”.

Со стороны блаженного Нила это завещание служит выражением глубочайшего его смирения пред Богом и людьми, которое достойно бы изобразить словами пророка Давида: *смирися до зела Господи* (Пс. 118, 107).

И предсмертное желание великого ревнителя нищеты и смирения исполнилось; обитель его осталась одною из самых малолюдных и бедных на севере России, и святые мощи его почивают

под спудом в убогой деревянной церкви*. Святая Церковь, впоследствии времени, по указанию свыше, причислила Нила к лику преподобных отец и память его положено совершать, по церковному месяцеслову, 7 мая, в день его блаженного успения. Особенной службы преподобному Нилу не составлено, и торжество в честь и славу имени его совершается по общей Минее. Замечательно предание о священном лике преподобного, написанном на его гробовой доске:

Один богатый человек Московского государства захвачен был татарами и многие годы оставался у них в плену; сильно скорбел он о своем семействе и призывал к себе на помощь угодников Божиих. Однажды ночью явился ему, в тонком сне, святолепный старец и велел написать образ преподобного Нила, обещая возвращение на родину. Пробудившись от сна, он хотел спросить: как может это исполнить? Но явившийся, как молния, уже скрылся от его

* Царь Иоанн Грозный в 1569 году хотел построить каменный храм над гробницею преп. Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты, в сонном видении, запретил царю эту постройку. Прошло несколько столетий, и уже в нашем веке возобновилась мысль о каменной церкви в честь преп. Нила; но своды ее обрушились над самую ракою основателя обители, причем чудесно спаслись от гибели трое каменщиков, работавшие в церкви (Русск. Фиваида, с. 353).

взоров, ослепленных ярким светом. Пленник начал размышлять сам с собою: кто это преподобный Нил, о котором впервые слышал, и где обретается? Он стал призывать его на помощь, хотя и не ведал его. И вот опять, в другую ночь, является ему тот же старец и говорит: "в пределах Белозерских Нил, за двенадцать поприщ от Кириллова монастыря". Вскочив с постели, пленник яснее хотел разглядеть лицо явившегося и подробнее его расспросить, но опять столь же быстро стал невидим старец, оставив за собою струю света и благоухания. Тогда уверовал человек, что действительно послал Господь к нему своего угодника, и молил святого Нила, дабы явил ему яснее лик свой; и в третью ночь является ему преподобный, оставляет у его возглавия начертание своего лика и говорит ему утешительное слово: "Человек Божий, возьми лист сей и иди в Русскую землю".

Едва опомнился утешенный узник и действительно обрел, у своего изголовья, начертание лика преподобного. Со слезами молил он Господа и его угодника указать ему путь, чтобы избавиться от руки неверных; и опять был к нему голос: "иди ночью в степь и увидишь пред собою яркую звезду; последуй за нею и избежнешь агарян". Пленник, укрепляемый верою, дерзновенно ночью пустился в неизмеримую неведомую степь, взяв с собою немного хлеба, и дивная звезда его руководила, по обещанию Нила, доколе не воссияла заря. Тогда услышал он за

собою топот коней и крики варваров, ищущих своей добычи; в ужасе пал он на землю, моля Господа о своем сохранении, и Господь осенил его невидимую силою от их взоров, так что они с воплем пронесли мимо. День и ночь странствовал он по бесприютной степи, и вот подходит к реке глубокой и быстрой, хотя и не широкой, а перевозчика нет и течение ее чрез всю степь. Варвары знали, что нельзя миновать реки, и гнались до ее берега с твердою уверенностью, что поймут своего беглеца. Увидев его издали, устремились на него с дикими воплями и обнаженными мечами; он же, не видя себе ниоткуда спасения, оградился знаменiem крестным и бросился в реку: быстро понесла его вода вниз по течению, и напрасно стреляли в него с берега агаряне, ибо его охраняла благодать Божия. Быстрее их коней мчала его река; они возвратились, почитая его уже утопшим, но река, плеском волны, выбросила человека на противоположный отлогий берег, и оттоле беспрепятственно шел он чрез степь, питаясь былием травным и непрестанно призывая в молитвах Господа и его угодника Нила.

Река сия, вероятно, была Донец, которая в то время служила границею от Крымской орды; освобожденный пленник благополучно достиг городов русских. Прежде чем войти в дом отеческий, он отыскал в Москве иконописца и велел изобразить ему лик преподобного, с листа ему данного, в меру гробовой доски; потом

созвал священников и убогих и, угостив их трапезою, снабдил обильною милостынею, рассказывая всем, как избавил его Господь от плена. Когда же написан был образ преподобного, сделал большое торжество, в честь святого Нила, и с верным служителем послал честную икону в скит его, снабдив его многими дарами и церковною утварью. Икона сия и доселе лежит на раке и, молитвами преподобного Нила, истекают от нее исцеления. Преподобный изображен в одежде схимнической, в благолепном покое посмертного созерцания, начатого им еще на земле.

Приведем здесь в назидание себе несколько наставлений преподобного Нила о борьбе со страстями.

”Отцы, говорит он, наставляют сопротивляться лукавым помыслам, сколько у нас есть силы. Последствием противоборства будут или венцы, или наказания. Венцы — победителю; муки же — согрешившему и непокаявшемуся в житии сем. Согрешение, муку заслуживающее, есть то, по словам Петра Дамаскина, когда кто помысл приведет в исполнение. Тем, кои твердо борются и среди сильной борьбы вражией не изнемогают, — тем соплетаются светлейшие венцы.

Наилучшая и благонадежная брань тогда может быть, когда отсекается помысл в самом начале (прилог), и когда будет непрестанная молитва. Ибо, сказали Отцы, кто сопротивляется

в *первомысли*, то есть прилогу, тот пресечет одним, так сказать, ударом все последующее распложение его. Благоразумный подвижник умерщвляет самую мать злых исчадий, то есть лукавый прилог (первые мысли). Прогоняй их молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.* — Взывай так прилежно, стоишь ли, сидишь ли, или лежишь, — взывай, ум затворяя в сердце. Григорий же Синаит говорит: "призывай Господа Иисуса всеусердно, терпеливо и постоянно". Ежели не можешь молиться в безмолвии сердца и без помыслов, и ежели видишь, что они в уме твоём распложаются: то не малодушествуй о сем, но, ни на что не смотря, держись в молитве. Блаженный Григорий Синаит сказал: "Никто из новоначальных не удержит ума и не отженет помыслов, ежели Сам Бог не удержит его и не отреет помыслы. Только сильные и многопреуспевшие в духовном делании, в состоянии удерживать ум и прогонять помыслы. Но и они не своею силою прогоняют их, а с Богом подвизаются в противоборствовании им". В случае же расслабления и изнеможения, призывай Бога на помощь, и *понуждай себя*, сколько есть силы, не прерывая молитвы; и все сие совершенно, Божиею помощию, отгонится и исчезнет".

Вот как учит преподобный Нил бороться с страстями чревоугодия, блуда, гнева и гордости:

"Если стужает, то есть сильный и всегдашний напор делает на тебя помысл чревообъяде-

ния, представляя тебе различные вкусные и дорогие яства, вспомняи тогда первое всего слово Господа: *да не отягчают сердца ваша объядением и пьянством* (Лк. 21, 24). И помолясь Ему и Его на помощь призвав, размысли о том, что изрекли Отцы: "Сия, говорят они, страсть (чревообъясная) в иноках корень всему злу, а наипаче — блуду".

Велик нам подвиг в борьбе с духом блудным и крайне труден (лют зело): ибо борьба сия объемлет и душу и тело.

Когда стужают нам блудные помыслы, тогда надобно оживлять в себе страх Божий и приводить себе на память то, что от Бога ничто не может быть утаено, ни даже самое тонкое движение сердечное, и что Господь есть судия за все, и за самое тайное и сокровенное, и представлением стыда и срама можем отразить студное и гнусное намерение. В самом деле, вообразим себе, что мы застигнуты кем-либо в сквернодействе: не пожелали ли бы мы тогда лучше умереть, нежели обрестися в таком сраме?

Главное же и сильное победоносное оружие против духа нечистот состоит в прилежной молитве ко Господу Богу, как учат святые Отцы. Максим Исповедник наставляет вооружаться на блудные помыслы молитвою, заимствуя слова для молитвы у псалмопевца Давида: *изгоняющи мя ныне обыдоша мя!* (Пс. 16, 11); *радосте моя, избави мя от обышедших мя!* (Пс. 31, 7). И Иоанн Лествичник, беседа о сем же

предмете, представляет нам образец, какую молитвою поборать помыслы блудные: *Боже, в помощь мою вонми* (Пс. 62, 1) и сему подобное. Полезно в этом случае призывать на помощь тех святых, кои известны нам особенным подвигом своим и трудами в сохранении чистоты и целомудрия. Так Даниил Скитский брату, ратуемому от блуда, приказал молиться, призывая на помощь мученицу Фомаиду, за хранение целомудрия убиенную, — молиться же так: *Боже, за молитвы мученицы Фомаиды, помози мне; и боримый брат, помолясь у гроба мученицы, тотчас избавлен от блудной страсти. Если брань длится и нападение от врага не прекращается, то, встав и простерши на небо очи и руки, возопи к Могущему спасти тебя, не хитро сложенными словами, но смиренным и простым вещанием сим: помилуй мя, Господи, яко немощен есмь.* И тогда познаешь силу Всевышнего, и невидимых врагов невидимо отженешь. Бий всегда ратники *именем Иисусовым*; ибо крепче сего оружия ты не обрящешь ни на небе, ни на земле.

Ежели кого-либо томит и мучит дух гневный, питая в нем злопомнение и возбуждая в ярости воздать злом и отмстить оскорбившему, то да вспомянет он сей глагол Господень: *аще не отпустите кийждо брату своему от сердца ваших прегрешений их, ни Отец ваш небесный оставит вам согрешений ваших* (Мф. 18, 35; Мк. 11, 26).

Да будет нам известно, что, если мы и

добрые дела совершаем, но от гнева не воздерживаемся, то они — не угодны Богу. Ибо сказано Отцами: "если гневливый и мертвого воскресит, молитва его не Богоприятна". Сказано же сие не в том разуме, будто бы гневливый может воскресить мертвого, но для того, чтобы показать мерзость его молитвы. Великая, говорит авва Дорофей, и блистательная победа над гневным помыслом в том состоит, чтобы возносить молитву за брата, который оскорбил нас, взывая так: *помози, Господи, брату моему (такому-то) и за молитвы его помилуй и меня грешного*. Здесь то, что молимся за брата, есть знак любви к нему и благорасположения; а призывание его молитв в помощь себе выражает наше смирение.

Должно, кроме сего, и благодетельствовать ему, по возможности. Так-то и исполняются сии заповеди Господа: *любите враги ваша, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящая вам напасть (обиду)* (Мф. 5, 44). Исполняющему сие Господь обещал такое воздаяние, которое превышает все прочие обетования, — обещал не царство только небесное, не утешение и радость, как прочим, но *сыноположение: будете*, сказал Он, *сынове Отца вашего, Иже есть на небесех* (Мф. 5, 45).

Тот, кто в гордости своей *сопротивником своим возымел Бога*, кто мерзок и нечист пред Ним, помысли: где, в чем, когда и какое может

он обрести благо? От кого получит милость? И кто очистит его? О, страшно и представить сие! Кто поработил себя гордости, тот сам и бес и враг (ратник) для себя самого, — тот в себе самом носит скорую гибель. Да боимся убо и да страшимся гордыни; да отречаем ее от себя всевозможно, всегда памятуя, что без помощи Божией никакое добро не может быть соделано, и что ежели оставлены будем от Бога, то, как лист колеблется, или как прах возмется от ветра, так и мы будем от диавола смятены и поруганы, и соделаемся предметом плача человеков. Уразумев сие, всемерно потщимся проходить жизнь нашу во смирении”.

Желающему обучиться смирению, сей божественной науке, говорит святой старец:

”Во-первых, должно ставить себя ниже всех, то есть почитать себя хуже и грешнее всех человек, и сквернее всех тварей, потому что вышел из порядка, всякому естеству тварей указанного, — и горше самых бесов, потому что и они преследуют нас и побеждают. И не должны ли мы почитать себя хуже всех тварей, потому что всякая тварь сохранила то, что даровано естеству ее Творцом; а мы чрез свои беззакония потеряли совершенства и назначение, свойственные нам по природе? Поистине и звери, и скоты — честнее меня грешного. Поистине я — ниже всего, потому что я осужденник, и ад уготован мне еще прежде моей смерти...

Но кто не восчувствует и того, что грешник

— горше самих бесов, яко их раб и послушник, и сожитель их, во тьму бездны сойти к ним долженствующий? Воистину всякий, кто во власти бесов, горше и злосчастнее их самих. С ними низринулась ты, душа окаянная, в бездну!.. А посему, будучи жертвою тления, ада и бездны, почто прельщаешься умом своим и считаешь себя праведною, будучи греховна, скверна и по злым делам своим бесподобна?.. Увы тебе, пес нечистый и всескверный, во огонь и тьму крошечную осужденный! Горе прельщению и заблуждению твоему, о злобесе!”

Таким духом преисполнены все наставления благодатного сего старца, преподобного Нила Сорского. Его писания представляют богатую сокровищницу духовного опыта и могут служить не только иноку, но и всякому христианину прекрасным руководством к самопознанию в подвиге очищения сердца от страстей. Сам преподобный Нил о своем ”Уставе” говорит: ”всем прикладно (то есть полезно, нужно) имети сие...”.

Нилова-Сорская-Сретенская пустынь, заштатная, находится в Новгородской губернии, Кирилловского уезда, в 15 верстах от Кириллова, при речке Сорке.

Дико, мрачно, пустынно место, избранное преподобным Нилом. Речка Сорка, чуть струится по болотистой, низкой местности, на которой

устроен скит. Там целы еще выкопанные дивным подвижником небольшой пруд и колодезь с весьма вкусною водою, целебною для верующих. Еще цела власяница преподобного Нила: волосья ее колются как иглы.

*

"Мирскаго жития отвергся, и мятежа житейскаго бегая, Преподобне и Богоносне Отче наш Ниле, не обленился еси собрати цветы райские от писаний отеческих, и в пустыню вселився, процвел еси яко крин сельный: отнюду же прешел еси и в небесные обители. Научи и нас, честно почитающих тя, твоим царским путем шествовати, и молитися о душах наших".

(Тропарь преп. Нилу)

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ГРЕК

Максим Грек не причислен к лику прославленных святых Божиих*, однако же он украшен в предании церковном именем преподобного и в Троицкой Лавре местно чтится его память над его гробницею 21 января служением панихиды и, после оной, пением тропаря сему страдальцу за правду Божию. Он был родом грек, но по своим великим подвигам вполне принадлежит Церкви Русской, для которой его сочинения драгоценны как памятник его просвещенных трудов на пользу церковную.

Сын богатого сановника, он получил начальное воспитание в отечестве своем городе Арте, в Албании, и по любви к наукам, путешествовал по Европе: в Париже у знаменитого грека Иоанна Ласкаря, потом во Флоренции и Венеции изучал словесные науки, историю, философию, богословие; основательно узнал языки латинский и древний греческий, познакомился с

* Перепечатано из Троицкого патерика. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896.

Св. преп. Максим Грек причислен к лику святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в Москве 6 июня 1988 года. Память его празднуется 21 января ст. ст. — Р е д.

языками французским и итальянским. По возвращении в отечество поступил на Афон и здесь, в Ватопедской обители, принял иночество.

Ватопедская обитель славилась тогда книжными сокровищами, которые ей оставили два иночествовавшие в ней греческих императора: Андроник Палеолог и Кантакузен. И Максим, как трудолюбивая пчела, собирая духовный мед со всех цветов афонских, там, в безвестной тишине, думал мирно окончить дни свои, посвященные духовной науке, но Господь судил иначе.

Когда великий князь Василий Иоаннович пожелал разобрать в своей библиотеке собрание греческих рукописей, принесенных его царственной матерью, Софией Палеолог, из Греции, и некоторые из них видеть в переводе, он просил патриарха Феополита и начальство Афонских обителей прислать к нему для сей цели ученого грека; и Ватопедский игумен указал на Максима, как на человека, самого способного исполнить желание великого князя.

Максиму не хотелось расстаться с безмолвием Святой горы, но, повинувшись воле старцев, он в 1516 году отправился в Москву. Целых два года продолжалось его путешествие до Москвы, так что он успел в это время познакомиться и с русским языком. В Москве он принят был ласково, ему было указано жить в Чудовом монастыре и получать содержание от великого князя. Сокровища греческой учености привели его в восторг. Сочинений, не переведенных на славян-

ский язык, нашлось много. На первый раз ему поручили перевести толкование на псалтирь. В помощь ему, мало знакомому со славянским языком, даны переводчики с латинского Димитрий Герасимов и Власий, и для письмоводства инок Сергиевой лавры Силуан и Михаил Медоварцев. Чрез полтора года перевод толковой псалтири совсем был окончен; Максим стал было просить, чтобы его отпустили на Афон; но его осыпали милостями и оставили для новых трудов. Митрополит Варлаам поручил ему перевести толкование на книгу Деяний Апостольских. Потом поручили ему пересмотреть богослужебные книги, и он принялся за это дело, по-прежнему при пособии переводчиков. Многосведущий Максим нашел много грубых ошибок, внесенных невежественными переписчиками в церковные книги и "разжигаемый, — как говорит он, — божественною ревностию, очищал он плевелы обеими руками".

По этой ревности он довольно резко высказывал свое мнение о том, что находил неисправным в книгах. Но слепая страсть к старине принимала отзвывы его о старинных ошибках писцов за оскорбление святыни. Сначала ропот был тайный. Митрополит Варлаам, у которого испрашиваемо было разрешение на важные перемены в древних книгах, понимал преподобного Максима, великий князь отличал его своим вниманием. И клевета не смела открыто восставать на труженика. Советами его пользовались в

делах Церкви и государства, отличая в нем человека умного и образованного, инока пламенного в любви к истине и вере. Он был усердным ходатаем за вельмож, впадавших в немилость великого князя, и Василий был внимателен к его просьбам.

В начале 1522 года на кафедру первосвященительскую, оставленную правдивым и рассудительным Варлаамом, взошел новый митрополит Даниил. Блаженный Максим скоро понял, что он не может уже с прежнею свободой и покоем трудиться для истины, и он обратился к новым предметам деятельности: он стал писать против папизма, магометан и язычников.

В 1523 году он закончил перевод толкований Златоустовых на Евангелия от Матфея и Иоанна. Митрополит Даниил требовал, чтобы Максим перевел церковную историю Феодорита. Рассудительный Максим представлял, что это сочинение, по содержащимся в нем письмам Ария и других еретиков, может быть "опасно для простоты". Даниил принял такой ответ за непослушание непростительное и остался в сильной досаде. Он не только не приближал к себе Максима, но, как видно из последствий, был очень недоволен им за исправление книг, совершавшееся при Варлааме.

Великий князь продолжал быть благосклонным к Максиму. Пользуясь этой любовью, Максим свободно обличал пороки в вельможах, в духовенстве, в народе. Он писал, что неприлич-

но, не полезно, весьма опасно инокам владеть недвижимыми именьями. Это сильно оскорбило Даниила и даже наставника его преподобного Иосифа Волоцкого. Это подало повод врагам Максима клеветать на него, будто он порицает святых иноков русских, которые не отказывались от богатых приношений в обители, принимали и сами покупали села и деревни. Но Максим не унывал духом; для истины Христовой он готов был на все.

Враги искали только случая повредить ему во мнении великого князя, и этот случай скоро представился.

Когда великий князь Василий, скучая 20-летним неплодством супруги своей Соломонии, вознамерился приступить к расторжению своего первого брака, преподобный Максим прислал ему обширное сочинение: "Главы поучительные к начальствующим правоверных", начинавшиеся убеждением не покоряться плотским страстям:

"Того признавай царем истинным и самодержцем, благоверный Государь (так писал Максим Василию), кто управляет подданными по правде и закону, а бессловесные похоти и страсти старается преодолевать в себе... Кто побеждается ими в оскорбление смыслу, тот не образ одушевленный Владыки небесного на земле, а человекообразное подобие бессловесного естества".

Разгневанный государь повелел заключить

обличителя в темницу Симоновской обители, отягчив его узами.

С того времени вся остальная жизнь преподобного Максима была длиною и непрерывною цепью страданий. Многочисленные недоброжелатели Максима только того и ждали, чтобы отомстить ему за его обличения, за его правдивые речи. Сначала они старались обличить его, но тщетно, в мнимом соучастии по делу виновных бояр, потом осыпали его обвинениями в порче книг, оскорбительной для веры. Действительно, нашлись в первых переводах его некоторые неточности в выражениях: Максим искренно признался в них и извинялся недостаточным знанием русского языка. Но на признание его не обратили внимания и спешили произнести приговор, что он — еретик, портит книги. Великому князю наговорили, будто Максим и еще другой инок-святогорец — Савва — ведут переписку с турецкими пашами и возбуждают султана к войне против великого князя.

Как ни нелепа была эта клевета, однакоже узника взяли из Симонова и отправили в Волоколамскую темницу, запретив ему не только приобщение святых Таин, но и самый вход в церковь как еретику нераскаянному. Здесь, от дыма и смрада, от оков и побоев по временам приходил он в бессознательное состояние, но здесь же явившийся ему ангел сказал: "терпи, старец! этими муками избавишься вечных мук". Там Максим углем на стене написал канон

Святому Духу-Утешителю, который и ныне читается в Церкви. "Иже манною препитавый Израиля в пустыни древле, — писал он в скорби души своей на стенах своей темницы: — и душу мою, Владыко, Духа наполни Всесвятаго, яко да о Нем благоугодно служу Ти выну". "Всегда бурями губительных страстей и духов возмущаем душею, Тебе всеблаженному Параклиту, яже о моем спасении, яко Богу возлагаю..."

Спустя шесть лет (в 1531 году) снова потребовали Максима к духовному суду в Москву. Это потому, что в Москве лучшие люди стали говорить за Максима и против Даниила, а сам Максим не признавал себя ни в чем виновным, когда в монастыре увещевали его каяться. Из книг Максима выбрали все, что можно было выставить против него. Но и по судному списку ошибки в поправках оказываются то ошибками писцов, то ошибками незнания русского языка. В списках сделанного им перевода жития Богородицы нашли много погрешностей и приписали их самому Максиму. С ужасом отверг Максим хульные изречения, внесенные в его перевод, может быть, намеренно, чтоб взвести на него вину.

"Я так не переводил, говорил он, так не писал и не велел писать, — это ложь на меня, я так не мудрствую; если же произнес такие хулы, то я буду проклят!"

Но клеветникам поверили больше, чем преподобному Максиму. Тщетно блаженный стра-

далец три раза повергался пред собором, умоляя о помиловании ради милости Божией, ради немощей человеческих, — со слезами просил простить ему ошибки, если какие и допущены им в книгах, и отпустить его в Афонское уединение. Максима оставили и после суда под запрещением церковным; но немалым облегчением для него было то, что послали его в Тверь под надзор добродушного епископа Акакия, который принял его милостиво и обходился с ним приветливо. Особенно приятно было для Максима, что он теперь мог читать книги и писать.

В 1532 году написал он для себя самого "мысли, какими инок, скорбный, заключенный в темницу, утешал и укреплял себя в терпении". "Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страждешь без правды, от руки тех, от коих подобало бы тебе приять все благое, ибо ты пользовала их духовно, предложив им трапезу, исполненную Святого Духа, то есть сказания боговдохновенных песнопений Давидовых, которые перевел я от беседы эллинской на беседу шумящего вещания русского; но паче благодарствуй твоему Владыке и прославляй Его, что сподобил тебя в нынешнем житии временными скорбями с лихвою уплатить весь долг многих талантов... Радуйся и веселися, как повелевает тебе Господь, ибо мзда твоя многа на небеси!"

В 1534 году скончался великий князь Василий, и преподобный Максим думал вос-

пользоваться благоприятным временем, чтобы оправдать себя письменно во взведенных на него клеветах. Он написал письменное исповедание веры, вполне православное, и доказывал, что не исправленные им, а те, которые его противники считали за святыню, книги заключают в себе слова еретические:

”Будь мне свидетелем Господь Иисус Христос, истинный Бог наш, что, кроме множества моих прегрешений, ничего хульного в себе не ведаю о святой Христианской нашей вере; называвшим же меня врагом Русской державы да не вменит Господь Бог такое их согрешение”.

Максим умолял отпустить его на любезный ему Афон, указывая на то, что даже суд о нем принадлежит не русским епископам, а патриарху вселенскому, к области которого он принадлежит по своему происхождению. Но участь страдальца не изменилась; крамольные бояре, во дни малолетства Иоаннова, заняты были только своими кознями и губили один другого. Между тем умерла правительница Елена, мать Грозного царя. Митрополит Даниил сам сослан был в заточение в Иосифов монастырь. Преподобный Максим счел долгом примирить с собою совесть изгнанного святителя и написал к нему послание, заклиная именем Отца Небесного оставить всякую вражду, с глубоким смирением говорил о своей невинности и доказывал, что обвинение его в ереси есть только действие оскорбленного самолюбия его недругов. Максим

писал и новому митрополиту Иоасафу, который утешил его милостивым словом, но, будучи сам обуреваем крамольными боярами, не мог облегчить его участи:

”Целуем узы твои, как бы единого от святых, — писал Иоасаф, — но ничего не можем сделать в твою пользу”.

Наконец, после 13-летнего заключения и несправедливого запрещения, он получил разрешение приступить к Святым Тайнам, когда пожелает.

В своем невольном уединении старец Божий изливал скорбь об участи грешной души за пределами гроба, переводя слово святого Кирилла об исходе души. Напрасно ходатайствовали за Максима и восточные патриархи: вселенский Дионисий и столетний старец Иоаким Александрийский. Царь Иоанн не внимал и их просьбам. Наконец, после 20-летнего заключения в Твери, Троицкий игумен Артемий, друг Максима, с некоторыми добрыми боярами, упросил царя освободить невинного старца, и он, мирно принятый в Москве, с честью прибыл в обитель преподобного Сергия.

Изможденный тяжестью оков и темницы, изнуренный внутренними скорбями и внешними страданиями, Максим был слаб не только ногами, но и всем телом; но дух его был еще бодр и способен к трудам. По просьбе своего ученика Нила он в уединении тихой лаврской кельи занялся переводом псалтири с греческого на

русский, несмотря на то, что ему было уже около 70 лет.

Через год или два после водворения его под сенью преподобного Сергия, посетил его царь Иоанн Васильевич, отправлявшийся, после взятия Казани, на богомолье в Кириллов монастырь, с царицею Анастасией и младенцем царевичем. Страдалец за правду не похвалил богомольного путешествия царского:

”Пристойно ли тебе, государь, — говорил угасающий старец, — скитаться по дальним монастырям с юною супругою и младенцем? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен славы Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к небесной благодати, то благотвори на престоле; вдовы, сироты, матери избитых под Казанью льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело царское”.

Иоанн выслушал мирно, но не принял его совета, и преподобный Максим сказал ему чрез бояр последнее слово, что если он не попечется об устройстве вдов и сирот, то Бог у него самого отнимет сына. Предсказание Максима сбылось: царевич Димитрий скончался в дороге.

Преподобный Максим Грек преставился 21 января 1556 года и погребен у северозападного угла церкви Сошествия Святого Духа. Часовня над гробницею его сооружена митрополитом Московским Платоном. Святость страдальца за веру и

правду ознаменована чудесами: 20 исцелений описаны в одной рукописи*.

*

"Зарю духа облистает, витийствующих Богомудренно сподобился еси разумения: и неведением омраченная сердца человеков светом благочестия просвещая, пресветел явился еси православия светильник, Максиме преподобне; отонудуже ревности ради Всевидящего, отечества чужд и странен, Российским странам был еси пресельник, за страдания темниц и заточения десницею Вышнего венчаешься и чудодействуеши преславная. И о нас ходатай буди непреложен, чтущих любовь святую память твою".

(Тропарь преп. Максиму).

*Библиотеки В. М. Ундольского № 338.

СВЯТОЙ ФИЛИПП МИТРОПОЛИТ*

Святитель Филипп происходил из боярского рода Колычевых, принадлежал к семейству, знатному по заслугам предков и искренне благочестивому. Боярин Степан Иванович был любим великим князем Василием, как доблестный и заслуженный воевода; жена его Варвара была набожна и сострадательна к бедным; она и скончалась инокинею с именем Варсонофии. Сын их Феодор (мирское имя Филиппа) получил лучшее воспитание в духе того времени: он учился грамоте по церковным книгам, приобрел и сохранил до конца жизни любовь к душевспасительному чтению. Великий князь Василий взял Феодора Колычева ко двору, и юный Иоанн полюбил его. Это раннее знакомство Феодора с будущим грозным Царем впоследствии и было причиною всех бедствий Филиппа: посреди душевных бурь Иоанн вспомнил о своем бывшем любимце, отшельнике Соловецком; в его мирной беседе надеялся он найти умиротворение своей

* Перепечатано из Троицкого патерика. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896.

обуреваемой совести и вызвал его из пустыни; чтоб украсить им в своей столице престол святительский, но потом украсил и его самого венцом мученическим...

В малолетство Иоанна жизнь при дворе была вдвойне опасна: опасна для жизни от крамол боярских, опасна для сердца от разврата. Горькая судьба, постигшая родственников Феодора*, не могла не подействовать на его сердце: юноша живо почувствовал греховность и пустоту светской жизни. В один воскресный день (5 июня 1537 года) случилось ему во время литургии слышать слова Спасителя: "Никтоже может двема господинома работати" ("Никто не может двум господам служить"). Божественные слова так поразили его, что он решился навсегда расстаться с миром. Это было на 30 году его жизни.

Помолившись усердно московским чудотворцам, Феодор тайно, в одежде простолюдина, удалился из Москвы, и близ озера Онеги, в деревне Хижихах, пробыл несколько времени, чтобы остаться незамеченным в случае поиска. Он остановился в доме одного крестьянина и, чтобы не быть ему в тягость, предложил ему труды свои. Крестьянин послал его пасти свое стадо, и сын боярский, будущий первосвятитель все-российский, с радостью принял на себя смирен-

* Колычевы пострадали за преданность князю Андрею (дяде царя Иоанна) в суровое правление великой княгини Елены. Один из них был повешен, другой пытан и долго содержался в оковах.

ную пастушескую должность. Потом он явился в Соловецкую обитель, неизвестный никем, и принял на себя суровые работы: сын знаменитых и славных родителей рубил дрова, копал в огороде землю, работал на мельнице и на рыбной ловле. Испытанный в течение полутора лет, Феодор Колычев пострижен по желанию своему в монашество с именем Филиппа и отдан под надзор опытному старцу Ионе Шамину, собеседнику преподобного Александра Свирского. Игумен Алексей послал нового инок в монастырскую кузницу, и Филипп колотил железо тяжелым молотом; потом заставили его работать в хлебе. Везде Филипп оказывался лучшим послушником; несмотря на тяжелую работу, он никогда не оставлял церковной молитвы — первым являлся в храм и последним выходил из него.

Смиренный труженик ободрен был небесным знаменем: в храме обители Соловецкой и теперь показывают образ Богоматери "хлебный", утешивший хлебопекаря Филиппа. Братия хвалили трубнолюбивого инок, но он ушел из обители в пустынное уединение и долго там подвизался.

После девятилетних подвигов, смиренный послушник, по единодушному желанию всей братии, посвящен в сан игумена (в 1548 году) и много потрудился для обители преподобных Зосимы и Савватия.

Святой Филипп поставлен был в игумена

против своего желания, но с ревностью и с любовью принялся за дела своего нового звания. 18 лет управлял он обителью и сделал для нее столько, что справедливо почитается ее создателем после первоначальников ее — Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия.

В 1550 и 1551 годах он по делам обители путешествовал в Москву и Новгород и возвратился оттуда с дарами царскими и с жалованными грамотами. Обитель долго не могла оправиться после пожара 1538 года; игумен Алексей, предшественник Филиппа, немного успел восстановить. Филипп построил множество зданий для жилья и монастырского хозяйства, умножил и улучшил соляные варницы, — этот главный тогда источник доходов обители; соль возили в Холмогоры, Устюг, Вологду, Тотму. При нем устроена мельница; 52 озера соединены каналом и тем осушены болотистые места для сенокоса; проведены дороги по дебрям и болотам. В десяти верстах от обители, на одном из островов, устроен скотный двор, пущены лапландские олени, коих кожи и меха выделялись для продажи. Он написал для братии устав, сколько должно быть у каждого одежды и обуви, и тем положил конец своеволию некоторых. Для больных и дряхлых он устроил в монастыре больницу.

Жизнь духовная при нем особенно процветала в обители Соловецкой; при нем подвизались в обители: преподобные Иоанн и Логгин, Вассиан и

Иона, прославленные Господом. Чтобы оживить в братии дух, живший в великих основателях обители, он отыскал образ Богоматери-Одигитрии, принесенный на остров преподобным Савватием, каменный крест, стоявший пред его кельей, псалтирь и служебные ризы преподобных; велел собрать и записать все чудеса, совершенные преподобными.

При нем построен обширный, в 84 сажени в окружности, трапезный храм Успения Богоматери с колокольнею, освященный в 1557 году. До него в обители были клепала каменные и била деревянные: он приобрел три колокола. В 1558 году заложил он соборный храм во имя Преображения Господня и сам лично участвовал в работах при его постройке. Под северною папертью он выкопал и себе могилу, рядом с могилою наставника своего, старца Ионы. По временам он удалялся на безмолвие, за 2 версты от обители, и место его подвигов доселе называется Филипповою пустынею. Для ревнителей уединения он устроил скит на Заяцком острове, а по другим местам — уединенные кельи.

Таков был новый избранник, которого в 1566 году Иоанн Грозный вызвал в Москву на престол митрополии! Первый взгляд на царя должен был произвести тяжелое впечатление на благочестивого игумена: беспокойный, раздражительный вид, зловещий огонь некогда ясных очей, внезапная ранняя потеря волос — должны были высказать опытному иноку всю несчастную

повесть души царевой, пожираемой страстями. Царь надеялся, что найдет в Филиппе советника, который ничего не имеет общего с мятежным, по мнению Иоанна, боярством как удаленный от него сначала образом мыслей и правилами воспитания, потом монашеством на острове Белого моря. Самая святость Филиппа должна была служить укором для бояр — в глазах царя недостойных и нечестивых. Иоанну казалось, что если он вручит подобному человеку жезл первосвятительский, то угодит Богу ревностью к благу Церкви и себе доставит надежного молитвенника и духовного утешителя. Притом он мог надеяться, что смиренный отшельник не станет вмешиваться в дела правления, а сияя добродетелью, будет и царя освящать ею в глазах народа.

Он принял Соловецкого игумена с честью, говорил и обедал с ним дружески; наконец объявил, что желает видеть его на кафедре митрополита. Филипп долго не соглашался принять высокий сан. "Не могу, говорил он со слезами, принять на себя дело, превышающее силы мои, — отпусти меня, Господа ради; зачем малой ладье поручать тяжесть великую?" Царь настаивал на своем. Филипп объявил наконец, что исполнит волю царя, но с тем, чтобы уничтожена была опричнина, от которой страдает держава русская. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и для царства, что против него все умышляют. Святители уговорили Филиппа согласиться на

волю гневного царя: "Не вступаться в дела двора и опричнины, после постановления не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожит опричнины, советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты".

Таким образом, святой Филипп оставил за своею совестью свободу и долг печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской.

25 июля 1566 года Филипп был посвящен в сан митрополита.

В первое за тем время дела шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпал его ласками и вниманием уважительным. Москва радовалась, увидя тишину с появлением нового митрополита.

Но и в высоком сане первосвятительском Филипп стремился духом в родную обитель Соловецкую: на своем дворе он построил храм во имя святых Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев.

Во второй половине 1567 года снова поднялись дела опричнины: доносы, клеветы, убийства, грабежи; особенно по возвращении из безуспешного похода литовского царь был в сильном раздражении и этим пользовались злодеи. Над стонами невинных смеялись они и предавались гнусным делам. Черная немощ, душевная болезнь столько же терзала самого Иоанна, сколько он терзал других в припадках своего неистовства. Уже многие знатнейшие бояре

сложили головы, кто в Москве, кто по городам; одни в истязаниях, другие под ударом топора, на плахе; некоторые пали от собственной руки Иоанна. Уже не только вельможи мнимоопасные, но и мирные безвестные граждане, страшась наглости кромешников, были в отчаянии, запирались в домах, и Москва как будто замерла от ужаса; опустели площади и улицы столицы; на них валялись непогребенные трупы... Среди страшного безмолвия несчастные ожидали только, не раздастся ли за них единственный спасительный голос — голос Филиппа. Что же Филипп? Святитель Божий страдал душою один за всех: он помнил слово Апостола: *настой благовременне и безвременне*; он не вступался в дела царской опричнины, согласно своему обещанию, — он только долгом считал вступить за сокрушаемую ею земщину, за всех этих невинных страдальцев, над коими так свирепствовала опричнина. Филипп убеждал владыку Новгородского Пимена и других епископов стать за правду пред лицом гневного государя. Но уже не было в живых святого Германа Казанского, "непобедимого о Бозе ревнителя"; прочие трепетали от малодушия.

Тогда ревностный первосвятитель не утратился и один, без помощников, вступить в подвиг: он отправился увещевать Иоанна в Александровскую слободу, — эту берлогу разврата и злодейств.

"Державный царь, — говорил он наедине

Иоанну, — облеченный саном самым высоким, ты должен более всех чтить Бога, от Которого принял державу и венец; ты образ Божий, но вместе и прах. Властелин — тот, кто владеет собою, не служит низким похотям и не волнуется, в самозабвении, собственную державу”.

Иоанн закипел гневом при этом неожиданном и таком смелом слове Филиппа. Он воскликнул:

”Что тебе чернецу до наших царских дел?”

Святитель отвечал:

”По благодати Святого Духа, по избранию священного собора и по вашему изволению, я — пастырь Христовой Церкви. Мы с тобою должны заботиться о благочестии и покое православного христианского царства”.

”Молчи”, — сказал Иоанн.

”Молчание неуместно теперь, — продолжал святитель, — оно размножило бы грехи и пагубу. Если будем выполнять произволы человеческие, какой ответ дадим в день пришествия Христова? Господь сказал: ”да любите друг друга: больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя. Аще в любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете”.

Твердый начетчик книжный Иоанн отвечал словами Давида:

”Искреннии мои прямо мне приблизишася и сташа, и ближнии мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущии душу мою, ищущии злая мне...”.

”Государь, — сказал святитель, — надобно

различать добрых людей от худых: одни берегут общую пользу, другие говорят тебе неправду по своим видам; грешно не обуздывать людей вредных, пагубных тебе и царству; пусть водворится любовь на месте разделений и вражды”.

”Филипп, — сказал Иоанн, — не прекословь державе нашей, чтобы не постиг тебя гнев мой, или оставь митрополию”.

”Я не посылая, — отвечал святитель, — ни просьбы, ни ходатаев, и не наполнял ничьих рук деньгами, чтобы получить сан святительский. Ты лишил меня пустыни моей. Твори, как хочешь”.

Царь удалился в гневе на святителя, но и в раздумье о себе.

С того времени опричники стали настойчиво вооружать царя против митрополита. Царь возвратился в Москву и казни возобновились. К святителю стекались вельможные и простые, и со слезами умоляли его о защите. Святитель утешал несчастных словами Евангелия:

”Дети, — говорил он, — Господь милостив! Он не посылает искушений более, чем можем понести: надобно быть и соблазнам, но горе тому, кем соблазн приходит. Все это случилось с нами по грехам нашим, для исправления нашего; да и счастье обещано нам не на земле, а на небе”.

В крестопоклонное воскресенье (2 марта 1568 г.) царь пришел в храм соборный. Он и опричники были в черных одеждах, с высокими шлыками на головах и с обнаженными оружиями. Иоанн

подошел к митрополиту, стоявшему на своем месте, и ждал благословения. Святитель безмолвно смотрел на образ Спасителя. Опричники сказали:

”Владыко! Государь пред тобою, благослови его”.

Филипп, взглянув на Иоанна, сказал:

”Государь! кому поревновал ты, приняв на себя такой вид и исказив благолепие твоего сана? Ни в одежде, ни в делах — не видно Царя. У татар и у язычников есть закон и правда, а на Руси нет правды; в целом свете уважают милосердие, а на Руси нет сострадания даже для невинных и правых. Убойся, государь, суда Божия. Сколько невинных людей страдает! Мы здесь приносим бескровную жертву Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Грабежи и убийства совершаются именем Царя”.

Иоанн распалился гневом и сказал:

”Филипп! ужели ты думаешь переменить нашу волю? Не лучше ли тебе быть одних с нами мыслей?”

”К чему же вера наша? — отвечал святитель. — Не жалею я тех, которые пострадали невинно: они мученики Божии; но скорблю за твою душу”.

Иоанн пришел в неистовство, застучал палкою о помост храма и грозил казнями:

”Нам ли противишься ты? Увидим твердость твою!”

”Я пришлец на земле, как и все отцы мои, —

тихо отвечал святитель, — готов страдать за истину”.

Вне себя от ярости, Иоанн вышел из храма.

На другой день, как бы в укор святителю, всех его главных сановников взяли под стражу и пытали, допрашивая о тайных замыслах Филиппа. Подучили какого-то чтеца церковного принести нелепую жалобу на святителя пред собором епископов.

Новгородский владыка Пимен, унижавшийся пред царем, сказал вслух других:

”Митрополит царя обличает, а сам делает гнусности”.

Тогда исповедник правды сказал Пимену:

”Любезный, человекоугодничеством домогаешься ты получить чужой престол, но лишишься и своего”*.

Чтец тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами возвести на митрополита клевету. Святитель, простив чтеца, предал себя в волю Божию.

”Вижу, говорил он духовным сановникам, что хотят моей гибели, и за что же? За то, что никому не льстил я, не давал никому подарков, не угощал никого пирами. Но что бы ни

* Последствия оправдали слова святителя: владыка Пимен заточен в Николаевский Веневский монастырь и там вскоре скончался, как думали современники, от голода.

было, не перестану говорить правду — не хочу носить бесполезно сан святительский”.

Он видел, что царь не хочет более иметь его около себя, и переехал из Кремля в Никольский монастырь на Никольской улице.

Такою же смелость обличения показал святитель во время крестного хода (23 июля), куда Иоанн явился с опричниками в полном их наряде. В то время, когда пришел царь, святитель хотел читать Евангелие и, преподавая мир всем, увидел опричника в тафье:

”Державный царь! — сказал святитель. — Добрые христиане слушают слово Божие с непокрытыми головами; с чего же эти люди вздумали следовать магометанскому закону — стоять в тафьях?”

”Кто это такой?” — спросил царь.

Но виновный спрятал тафью, а товарищи его сказали, что митрополит восстает на царя. Иоанн вышел из себя, грубо ругал святителя, называл его лжецом, мятежником, злодеем, клялся, что уличит его в преступлениях.

Но в Москве не могли найти ни единого повода к обвинению святителя; стали искать лжесвидетелей против него в Соловецком монастыре, но и там все называли Филиппа праведным и святым. Многие старцы в обители, несмотря на угрозы и побои, как добрые страдалцы, перенесли все скорби за своего доброго пастыря и свидетельствовали о его непорочной жизни и отеческой заботе о братии.

Но им не хотели внимать. Наконец игумен Паисий, которому обещали сан епископа, монах Зосима и с ним еще некоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками против святителя. Составили донос.

В Москве Паисий, в присутствии царя и духовенства, со всею наглостью обвинял Филиппа. Святитель кротко сказал Паисию:

”Что сеешь, то и пожнешь”. — И, обратясь к царю, говорил: ”Государь! не думаешь ли, что боюсь я смерти? Достигнув старости, готов я предать дух свой Всевышнему, моему и твоему Владыке. Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Оставляю жезл и мантию митрополичьи. А вы все, святители и служители алтаря, пасите верно стадо Христово; готовьтесь дать отчет и страшитесь Небесного Царя более, чем земного”.

Святитель снял с себя белый клобук и мантию. Но царь остановил его, сказав, что ему должно ждать суда над собою, заставил взять назад утварь святительскую и еще служить литургию 8 ноября. Враги святителя хотели опозорить его пред народом. Участь Филиппа была решена: его обвинили в волшебствах и царь требовал — сжечь Филиппа. Духовенство упросило заменить казнь заключением в темнице.

Настало 8 ноября. При начале литургии ворвался в соборный храм один из гнусных любим-

цев царских, Басманов, и вслух народа прочел осуждение Филиппу. Опричники бросились в алтарь, сорвали со святителя облачение, одели в рубище, вытолкали из храма, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь, осыпая бранью и побоями. Толпы народа со слезами провожали святителя, а он спокойно благословлял народ. Пред воротами обители он сказал народу:

”Дети! все, что мог, сделал я; если бы не из любви к вам, и одного дня не оставался бы я на кафедре... Уповайте на Бога, терпите...”

На другой день привели его в Кремль для выслушания приговора: Филиппу, будто бы изобличенному в волшебстве и других преступлениях, надлежало кончить жизнь в заключении. Тут впервые Филипп встретил и своего бывшего ученика, Соловецкого игумена Паисия, который не постыдился клеветать на своего святого учителя. Святитель кротко напомнил ему слова Спасителя: *аще кто речет брату своему: юрде, повинен есть геенне огненной*. ”Что посеет человек, то и пожнет, — сказал Филипп. — Это слово не мое, а Господне”. — ”Вспомни, царь, — сказал праведник и царю Грозному, — каковы были добрые цари; помни, что на злых есть строгий суд правды Божией”.

Иоанн движением руки приказал вывести Филиппа. Его отвели в смрадную келью в Богоявленском монастыре и здесь несколько дней страдал неустрашимый исповедник правды, око-

ванный цепями, с тяжелою колодкою на шее, лишенный даже хлеба.

Сюда Иоанн прислал голову любимого его племянника и велел сказать ему: "Вот твой любимый сродник, не помогли ему твои чары". Святитель встал, благословил и поцеловал голову и велел возвратить царю кровавый подарок.

В порыве гнева Иоанн приказал было казнить Филиппа, но все епископы, пораженные неслыханною дотоле казнию первого сановника Церкви, умолили царя пощадить митрополита.

Святителя перевели в Никольский монастырь из Богоявленского; снова заключили в мрачную келью, снова забили ноги старца в колоды и руки в железные оковы, а на старческую шею накиннули тяжелую цепь. Вместе с ним в келье поместили голодного медведя и на другой день сам царь подходил к темнице, чтоб удостовериться, что мученик уже истерзан зверем; но лютый зверь кротко лежал в углу кельи-темницы...

Толпы народа окружали монастырь с утра до вечера, желая знать, жив ли его любимый пастырь; в народе ходили рассказы о чудесах его. Это еще больше возмутило Иоанна, и он решил сослать Филиппа в заточение в Тверской Отроч монастырь.

Прошло около года, как святой Филипп томился в заточении. В декабре 1569 года двинулся царь со своею дружиною карать Новгород и Псков за мнимую измену. Тогда, по воле Иоан-

на, Малюта Скуратов явился в келью Филиппа и с видом смирения сказал:

”Владыко святой! преподай благословение царю на путь в Новгород”.

Святитель знал, зачем явился Малюта. Еще за три дня до этого сказал он бывшим при нем: ”вот приблизился конец моего подвига”, и причастился Святых Таин. Злодею отвечал он:

”Делай, что хочешь: но дара Божия не получают обманом”.

Сказав это, он стал на молитву и просил Господа, да примет дух его с миром.

Малюта задушил святителя подушкой и сказал с насмешкою настоятелю, что бывший митрополит от небрежного присмотра умер от угара.

Это было 23 декабря 1569 года.

Так окончил земную жизнь свою великий святитель, положивший жизнь за стадо свое! Многими богоугодными, великими иерархами просияла Церковь Русская, но в числе их один только мученик за правду и человеколюбие: слава его нетленна, как нетленны самые останки его.

Мощи святителя Филиппа были немедленно, в присутствии убийцы, преданы земле за алтарем монастырской церкви. В 1591 году они перенесены из Твери в Соловецкую обитель — на место иноческих подвигов священномученика, причем найдены совершенно нетленными и положены в приготовленной им для себя могиле, в преддв-

рии созданного им храма, подле любимого его наставника в монашестве инока Ионы Шамина.

Первое чудо, совершенное святителем Филиппом, было над зодчим Василием, на которого упало огромное дерево и раздробило ему члены так, что с трудом довели его до обители Соловецкой. Три года лежал он в беспомощном состоянии. В праздник Рождества Христова он от великой печали заснул и видит себя в церкви, на бдении, и пред ним — Филипп в одежде святительской, с кадилом в руке, сияющий ярким светом. Чудный муж сказал ему: "Встань, Василий" и, подняв его за руку, промолвил: "будь здрав именем Господним". Болящий вздрогнул, проснулся и с изумлением увидел, что он стоит на ногах у постели, с коей три года не мог подняться. Он тотчас же пошел в церковь и рассказал братии о том, что с ним было.

Еще в 1636 году составлена и напечатана служба святителю, а в 1646 году его святые мощи поставлены в храме открыто для поклонения.

В 1652 году знаменитый Никон, тогда еще митрополит Новгородский, по поручению царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа, отправился в Соловки за мощами святителя Филиппа. Он привез ко гробу угодника Божия трогательное послание царя, который обращался к святителю, как бы к живому, и писал:

"Молю тебя — прииди сюда, дабы разрешено было согрешение прадеда нашего, царя и вели-

кого князя Иоанна, учиненное пред тобою не-
удержимую яростью, по влиянию зависти. Твое
негодование на него выставляет и нас уча-
стниками в преступлении его: но я невинен в
страдании твоём. Гроб прадеда заставляет меня
скорбеть за него, а совесть благоговейная пред
твоею жизнью и страданием побуждает скорбеть
о том, что невинно изгнанный ты и поныне ли-
шен святительской кафедры царственного града.
Итак преклоняю царский сан мой за согрешив-
шего пред тобою: пришествием к нам оставь
согрешение его”.

Трогательно и поучительно было торжество
святителя, возвращавшегося на кафедру. Царь
писал в письме к боярину Оболенскому:

”Бог даровал нам, великому государю,
великое солнце. Как древле царю Феодосию
возвратил Он мощи пресветлого Иоанна
Златоустого, так и нам благоволил возвратить
мощи целителя, нового Петра, второго Павла
проповедника, второго Златоуста, великое
солнце, Филиппа митрополита Московского. Мы,
великий государь, с богомольцем нашим Нико-
ном митрополитом Новгородским, ныне же по
милости Божией патриархом, со всем священным
собором, с боярами и со всеми православными
даже до грудного младенца, встретили его у
Напрудного и приняли на свои главы с великою
честью. Лишь только приняли его, подал он
исцеление бесноватой немой: она стала говорить
и выздоровела. Когда принесли на пожарище к

лобному месту, еще исцелил девицу при посланниках Литвы, которые стояли у лобного места. Когда поставили святые мощи его на лобном месте, все пролили слезы умиления: пастырь, невинно изгнанный, возвращается на свой престол. На площади у Грановитой палаты исцелен слепой. В соборе на самой середине стоял он десять дней и во все дни, с утра до вечера, был звон, как в пасхальную неделю. Не менее, как два, три человека в сутки, а то пять, шесть и семь человек получали исцеление. Исцелена жена Стефана Вельяминова. Она уже сказала, чтобы читали ей отходную, как забылась, и ей явился чудотворец и сказал: "Вели нести себя к гробу моему". Она была слепа и глуха 8 лет и лежала больною. Когда же принесли ее, то прозрела, стала слышать и пошла здоровою. Когда принесли его в соборную церковь и поставили на его кафедре, как не дивиться, как не прославлять, как не проливать слезы при мысли, что изгнанный возвращается и принимает честь, принадлежащую ему? Где ж теперь гонители? Где живые советники? Где клеветники и наушники? Где ослепленные мздою очи? Где искавшие власти за гонимого? Не все ли они погибли? Не все ли исчезли навек? Не все ли приняли месть от прадеда моего? Да и вечную примут месть, если не покаются! О, блаженны заповеди Христовы! О, блаженна правда, не меряющая лиц! О, блажен, истинно преблажен тот, кто исполнял заповеди Христовы и пострадал за правду от своих! Ей,

ничего нет лучше того, как утешаться правдою, за нее страдать и судить людей по правде. Каждый день молим Создателя всещедрого Бога и Пречистую Его Матерь, чтобы Господь Бог, по прошению Богоматери и по молитвам всех святых, даровал нам вместе с боярами своими судить людей Его по правде, всех одинаково”.

Святые мощи свят. Филиппа поставлены в Успенском соборе, у южной двери в алтарь, где они и ныне покоятся. На месте торжественной встречи святых мощей поставлен крест, который и стоит в часовне у Крестовской Заставы.

*”Восхвалим Филиппа премудрого, наставника православия, провозвестника истины, ревнителя Златоустого, светильника Русской земли. Вооружив себя броней духовного мужества, ты бестрепетно обличил не послушавших тебя; властью, от Бога единого данною, ты совершил свое течение и соблюл веру, блаженный святитель, увенчанный светлым венцом правды! Тобою украсил Бог храм Матери Своей и нетленное тело твое, в изгнании пострадавшее, много лет в земле сокровенное, возвратил престолу твоему, к радости и веселию паствы твоей”**

(Тропарь свят. Филиппу)

* Память святителя праздновалась всею Церковью Русскою с 1591 г. 23 декабря, но с 1660 года празднование перенесено на 9 января.

СТАРЕЦ АРИСТОКЛИЙ

Старец Аристоклий подвизался на Старом Афоне, а затем был настоятелем Афонского подворья в Москве до 1917 года.

Старец Аристоклий отличался не только большим даром прозорливости, но даже и даром чудотворения (исцелений). Старец Аристоклий был невысокого роста, довольно полный, с добрыми, пронизательными глазами. Полнота его была результатом его болезни.

С момента первой встречи и беседы со старцем Аристоклием у многих переменялись все их мысли. Все прежние их интересы стали им чужды.

Образ старца, его добрые глаза, его любовь и особенно его нежная любовь к детям, а по временам и строгие отеческие обличения, соединявшиеся с сострадательностью и горестью о заблудившихся, оставляли неизгладимый след в душе его пасомых.

Духовные дети ст. А. во всем испрашивали у него благословения. Когда они делали что по благословию его, то это всегда благополучно и успешно выполнялось.

Найдено в Самиздате.

Ежедневно народ осаждал ст. А. со своими горем, скорбями, нуждами и вопросами духовными и житейскими. И он, несмотря на свое переутомление и болезненность, никому не отказывал в приеме и в беседе. И все уходили от него успокоенными и ободренными.

Ст. А. не только отличался исключительной любовью к людям, но и к бессловесным. Он, например, ежедневно насыпал корм голубям, которые во множестве прилетали к его келье.

Ст. А. любил раздавать листовки духовные и иконочки приходившим к нему.

Особенно нежную любовь ст. А. проявлял к детям, лаская их. И дети так были привержены к нему, что никак не хотели уходить от старца.

Ст. А. был очень аккуратен во всем и то же внушал всем, и любил, чтобы все было всегда покрыто.

Ст. А. оказывал всем нуждающимся материально щедрую помощь, устраивал невест, платил за учащихся.

Перед началом учения детвора, зная ст. А., собиралась к нему за благословением.

Во время бесед и исповедуя кого-нибудь, ст. А. не сводил своего взгляда с образа Божией Матери, висевшего у него в келье. Ст. А. предлагал грамотным своим духовным детям записывать свои грехи и зачитывать их на исповеди. Записки эти он приказывал сжигать после исповеди. Новоначальным своим духовным

детям он предлагал каждую неделю исповедовать свои грехи.

Ноги у ст. А. были больные, все в ранах. Ему приходилось по несколько раз в день переобуваться.

При входе в церковь ст. А. всегда прикладывался к иконам.

Никогда нельзя было увидеть ст. А. гневным или смеющимся, и какая-то тихая радость, какой-то свет озарял его всего, когда он был доволен чем-нибудь. Но тихая грусть и глубокий вздох исходил из его груди, когда он видел перед собою грех, несправедливость, порок.

Несмотря на свою снисходительность и живую любовь к людям, ст. А. имел твердую волю и не допускал в своих духовных детях ни малейшего непослушания. Конечно, новоначальные, привыкшие к самочинию, не скоро привыкали к такому послушанию и иногда нарушали его. Но он постепенно и осторожно приводил их к полному послушанию.

Ст. А. говаривал: "У нас на Афоне установлено так, что лучше выгнать послушника из монастыря, чем дать ему исполнять свою волю".

И иногда ст. А. говорил своим духовным детям выполнить то, что им казалось невозможным, особенно новоначальным, а потом они убеждались, что сказанное ст. А. оказывалось вполне реальным и выполнимым. Когда новоначальные убеждались в этом на ряде фактов, тог-

да они уже с благоговением и страхом начинали относиться к каждому слову старца.

Ст. А. советовал всегда молиться за восставших на них и полагать по три земных поклона за таковых: утром и вечером.

Ст. А. иногда говорил своим духовным детям: "Как хочется мне спасти всех вас. Все бы претерпел ради вас, пусть Господь с меня взыщет, только бы вас всех к Нему привести". "Только бы вы все спаслись, нет у меня большей заботы, как спасение ваших душ". И при этих словах крупные слезы падали из его глаз.

Некоторым новоначальным ст. А. разрешал причащаться через две недели.

По молитвам старца Аристоклия некоторые получали и исцеления.

Ст. А. всегда радовался, когда видел усердие своих духовных детей друг к другу, и всеми способами поощрял их к сему. У него была какая-то необычайная благодарность за малейшее участие со стороны другого. Он всегда с живым участием выражал благодарность каждому, кто что-то сделает для храма, и говорил: "Спаси тебя Господь, дорогая, за твой труд!"

Когда ст. А. был за что-то недоволен кем-то из своих духовных чад, тогда он делался подчеркнуто вежливым, обращался на "вы" и холодом веяло от него, хотя и благословлял. И это на виновного действовало исправляюще убедительнее, чем самые жесткие слова и

выговоры, так как переживали они очень сильно такое отчуждение ст. А.

Ст. А. говаривал часто: "Как сладко любить Господа! Как я желал бы, чтобы ты крепко-крепко возлюбила Господа!", — а у самого слезы льются из глаз.

Ст. А. учил: при говении поститься два дня, правила к исповеди и причастию исполнять, как полагается. На исповеди стоять на коленях. Руки сложить крестообразно, стоять, опустив голову. В день причастия в гости отнюдь никуда не ходить, днем не спать, а только если по немощи немного полежать, бодрствовать и читать Евангелие.

Ст. А. говорил: "В Праздник работать — спорости не будет".

Одна духовная дочь ст. А. пришла к нему очень расстроенная своими грехами, упала ему в ноги и сказала: "Батюшка, неужели я никогда не исправлюсь?" Он со слезами сказал: "Исправишься, справишься!"

Ст. А. всем говорил: "Главное, веру-то, веру свою в Бога крепко держите! ложась спать, постель-то свою всю от головы до ног крестным знаменем ограждайте. Мясо можно и не есть, а только суп мясной".

Во время именин своих ст. А. принимал своих пасомых. Конфеты и фрукты, приносимые ему на именины, он раздавал, а просфору примет, поцелует и обменяет на свою просфору, которую также поцелует, благословит и даст.

Ст. А. не любил, когда кто-нибудь из духовных детей его жаловался на то, что ему что-нибудь нехорошо, или чем-нибудь он недоволен. Он говорил: "Нужно за все говорить "Слава Богу", мы недостойны получить и то, что нам Господь посылает".

Когда ст. А. был очень болен и его спрашивали о здоровье, он отвечал всегда "Слава Богу!". Ст. А. сильно опух, что являлось результатом того, что он сильно простудился в молодости. На ногах у ст. А. были страшные раны.

Особенно близкие к ст. А. его духовные дети ощущали помощь старца в их борьбе с постигающими их искушениями вражескими.

Ст. А. изнемогал от массы людей, обращавшихся к нему, но несмотря на свою болезнь, старец безропотно, весело старался всех утешить, облегчить их горе. Все почти уходило от него успокоенными и утешенными.

Незадолго до своей смерти ст. А. помазал своим духовным чадам лоб, глаза, уши и груди маслом от лампадки, предчувствуя, что он больше их не увидит.

Духовные дети ст. А., когда узнавали о его смерти, испытывали, конечно, большую скорбь.

Заупокойная литургия и отпевание ст. А. были необыкновенны, как будто не похороны, а светлый праздник Пасхи. Скорбь сменилась какой-то тихой радостью.

Молитвенная помощь ст. А. своим духовным детям явно проявлялась и после его смерти тем, кто с верой прибегал к ней. Для таковых было очевидно, что души умерших имеют живое общение с живыми. После своей смерти ст. А. не оставлял свою молитвенной помощью своих духовных чад.

Вечная память великому старцу и печальнику, игумену о. Аристоклию!

Епископ И г н а т и й (Брянчанинов)

О Т Е Р П Е Н И И

”Дом души – терпение: потому что она живет в нем; пища души – смирение: потому что она питается им”, сказал святой Илия Евдик.

Точно: питаюсь святою пищею смирения, можно пребывать в святом доме терпения. Когда же неостанет этой пищи, то душа выходит из дому терпения. Как вихрь похищает ее смущение, уносит, кружит. Как волны поднимаются в ней различные страстные помыслы и ощущения, потопляют ее в глубине безрассудных и греховных размышлений, мечтаний, слов и поступков. Душа приходит в состояние расслабления, мрачного уныния, часто приближается к пропастям убийственного отчаяния и совершенного расстройства.

Из книги: Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Том I: Аскетические опыты. Изд. 3-е, исправл. и пополн. Репр. – Джорданвилль: Св. Троицкий монастырь, 1985.

Еп. Игнатий причислен к лику святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в Москве 6 июня 1988 г. Память святителя Игнатия празднуется 30 апреля ст. ст. – Р е д.

Хочешь ли неисходно пребывать в святом дому терпения? — Запасись пищею, необходимою для такого пребывания: стяжи и умножай в себе помышления и чувствования смиренные. Вид смирения, приуготовляющий к терпению скорбей пред пришествием их и способствующий к благодушному терпению скорбей по пришествии их, святыми отцами назван *самоукорением*.

Самоукорение есть обвинение себя в греховности, общей всем человекам и в своей частной. При этом полезно вспоминать и исчислять свои нарушения Закона Божия, кроме блудных падений и преткновений, подробное воспоминание которых воспрещено отцами, как возобновляющее в человеке ощущение греха и услаждение им.

Самоукорение есть иноческое делание, есть умное делание, противопоставленное и противодействующее болезненному свойству падшего естества, по которому все люди, и самые явные грешники, стараются выказывать себя праведниками и доказывать свою праведность при помощи всевозможных ухищрений. Самоукорение есть насилие падшему естеству, как служит ему насилием молитва и прочие иноческие подвиги, которыми *Царствие Небесное нудится* и которыми *нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12).

Самоукорение имеет, при начале упражнения в нем, характер бессознательного механизма, то есть произносится языком без особенного сочувствия сердечного, даже в противность сер-

дечному чувству; потом, мало-помалу, сердце начнет привлекаться к сочувствию словам самоукорения; наконец самоукорение будет произноситься от всей души, при обильном ощущении плача, умалит пред нами и закроет от нас недостатки и согрешения ближних, примирит ко всем человекам и к обстоятельствам, соберет рассеянные по всему миру помыслы в делание покаяния, доставит внимательную, исполненную умиления молитву, воодушевит и вооружит непреодолимою силою терпения.

Смирненными мыслями самоосуждения исполнены все молитвословия Православной Церкви. Но иноки уделяют ежедневно часть времени на упражнение именно в самоукорении. Они стараются при посредстве его уверить, убедить себя, что они — грешники: падшее естество не хочет верить этому, не хочет усвоить себе этого познания. Вообще для всех иноков полезно самоукорение: и для новоначальных, и для преуспевших, и для пребывающих в общежитии, и для безмолвников. Для последних опаснейшая страсть, потребляющая все делание их, есть высокоумие; так, напротив, основная для них добродетель, на которой зиждутся и держатся все прочие добродетели, есть самоукорение. Потому-то авва безмолвников Нитрийских и сказал, что главнейшее делание их, по его усмотрению, есть постоянное самоукорение.

Самоукорение, достигнув полноты своей, искореняет окончательно злобу из сердца,

искореняя из него лукавство и лицемерство, непрестающие жить в сердце, доколе самооправдание обретает в нем место. Преподобный Пимен Великий сказал, что ненавидение лукавства заключается в том, когда человек оправдывает ближнего, а себя обвиняет во всяком случае. Изречение это основано на словах Спасителя: Спаситель наименовал всякого, осуждающего ближних, лицемером (Мф. 7, 5). При самоукорении безмолвник увидит всех людей святыми и ангелами, а себя грешником из грешников, и погрузится, как в бездну, в постоянное умиление. [...]

Самоукорение имеет то особенное, полезнейшее, таинственное свойство, что возбуждает в памяти и такие согрешения, которые были совершенно забыты, или на которые не обращено было никакого внимания.

Упражнение в самоукорении вводит в навык укорять себя. Когда стяжавшего этот навык постигнет какая-либо скорбь, — тотчас в нем является действие навыка, и скорбь принимается как заслуженная.

”Главная причина всякого смущения, — говорит преподобный авва Дорофей, — если мы тщательно исследуем, есть то, что мы не укоряем себя. Отсюда происходит всякое расстройство; по этой причине мы никогда не находим спокойствия. И так неудивительно, что слышим от всех святых: *нет иного пути кроме этого*. Не видим, чтобы кто-либо из святых, шествуя каким

другим путем, нашел спокойствие! а мы хотим иметь его, и держаться правого пути, никогда не желая укорять себя. Поистине если человек совершит тьмы добродетелей, но не будет держаться этого пути, то никогда не престанет оскорбляться и оскорблять, губя этим все труды свои. Напротив того: укоряющий себя всегда в радости, всегда в спокойствии. Укоряющий себя, куда бы ни пошел, как сказал и авва Пимен, что бы ни случилось с ним, вред ли, или бесчестие, или какая скорбь, уже предварительно считает себя достойным всего неприятного, и никогда не смущается. Может ли быть что спокойнее этого состояния? Но скажет кто-либо: Если брат оскорбляет меня, и я, рассмотрев себя, найду, что я не подал ему никакого повода к этому: то как могу укорять себя? Поистине, если кто исследует себя со страхом Божиим, тот найдет, что он всячески подал повод или делом, или словом, или каким-либо образом. Если же и видит, как говорит, что в настоящее время не подал никакого повода: то когда-нибудь прежде оскорбил его или другого брата в этом деле или в каком ином, и должен был пострадать за это, или за какой другой грех, что часто бывает. Так! если кто рассмотрит себя, как я сказал, со страхом Божиим, и исследует свою совесть: тот всячески найдет себя виноватым”.

Чудное дело! начиная укорять себя машинально, насильно, мы достигаем наконец столько убеждающего нас и действующего на нас само-

укорения, что при помощи его переносим не только обыкновенные скорби, но и величайшие бедствия. Испытания уже не имеют такой силы над тем, кто преуспевает, но, по мере преуспевания, они становятся легче, хотя бы сами по себе были тяжелее. По мере преуспевания крепнет душа, и получает силу терпеливо переносить случающееся. Крепость подается, как бы особенно питательною снедью, углубившимся в сердце смирением. Эта-то крепость и есть терпение.

Несомненная вера в Промысл Божий утверждает в терпении и способствует самоукорению. *Не две ли птицы ценятся единым ассарием, сказал Господь ученикам Своим, и ни едина от них падет на земли, без Отца вашего. Вам же и власи главнии вси изочтены суть. Не убойтесь убо* (Мф. 10, 29-30). Этими словами Спаситель мира изобразил то неусыпное попечение, которое имеет Бог, и которое может иметь только один всемогущий и вездесущий Бог, о рабах и служителях Своих. Таким попечением Бога о нас мы избавлены от всякого малодушного попечения и страха о себе, внушаемых нам неверием. *Смиримся убо под крепкую руку Божию, да ны вознесет во время, всю печаль нашу возвергше нань, яко Той печется о нас* (1 Петр. 5, 6-7).

Когда мы подвергаемся скорби, Бог видит это. Это совершается не только по Его попущению, но и по Его всесвятому промыслению о нас. Он попускает нам потомиться за грехи наши во времени, чтобы избавить нас от томления в

вечности. Часто случается, что тайный и тяжкий грех наш остается неизвестным для человеков, остается без наказания, будучи прикрыт милосердием Божиим; в это же время, или по истечении некоторого времени, принуждены бываем пострадать сколько-нибудь, вследствие клеветы или придирчивости, как бы напрасно и невинно. Совесть наша говорит нам, что мы страдаем за тайный грех наш! Милосердие Божие, покрывшее этот грех, дает нам средство увенчаться венцом невинных страдальцев за претерпение клеветы, и вместе очиститься наказанием от тайного греха. Рассматривая это, прославим всесвядтой Промысл Божий, и смиримся пред ним. [...]

Священное Писание свидетельствует, что рабам Божиим, шествующим путем заповедей Божиих, посылаются особенные скорби в помощь их деятельности, как и Спаситель мира сказал, что Отец небесный *всякую розгú, творящую плод о Христе, очищает, да множайший плод принесет* (Иоан. 15, 2). Эти очистительные скорби именуются попущениями или судьбами Божиими; о них воспел святой Давид: *Судьбы Господни истинны, оправданны вкупе* (Пс. 18, 10). *Судьбам Твоим научи мя!* Пусть узнаю и уверюсь, что все, случающееся со мною горькое, случается по Промыслу Божию, по воле Бога моего! Тогда познаю и то, что *судьбы Твоя помогут мне в немощном и недостаточном моем Богоугождении* (Пс. 118, 108, 175).

В пример того, каким образом судьбы Божии

вспомоществуют рабам Божиим, желающим благоугодить Богу, как они возводят их к той святой деятельности, к которой они никак не достигли бы без помощи судеб Божиих, приведем события с константинопольским вельможею Ксенофонтом, с его супругою и двумя сыновьями. Богатый и знаменитый Ксенофонт проводил жизнь самую благочестивую, какую общее благочестие христиан того времени соделывало возможно среди мира и какую ныне можно проводить разве только в удалении от мира. Он желал, чтобы два сына были наследниками и имущества его, и положения при дворе императорском, и благочестия. Тогда славилось училище в сирийском Вирите (нынешнем Бейруте). Туда Ксенофонт отправил детей своих для изучения премудрости века сего. Путь из Константинополя в Вирит — морем. Однажды сыновья, посетив отца по случаю его опасной болезни, возвращались к училищу. Внезапно поднялась сильнейшая буря на Средиземном море, корабль разбило, оба юноши были выкинуты волнами в разных местах на берега Палестины. В таком бедственном положении, напитанные с детства помышлениями и влечениями благочестивыми, сыновья Ксенофонта признали в постигшей скорби призвание Божие к монашеской жизни, и, как бы по взаимному соглашению, поступили в палестинские монастыри. По прошествии значительного времени Ксенофонт узнал, что корабль, на котором ехали его дети, разбит бурей, и что все,

находившиеся на корабле, пропали без вести. Глубоко огорченный отец прибегнул к молитве. После всенощного келейного бдения он получил Божественное откровение, что сыновей его осеняет особенная милость и благодать Божия. Поняв из этого, что они приняли монашество, зная, что в Палестине, против берегов которой корабль претерпел крушение, находится монастырей многое множество, Ксенофонт с супругою отправился в Иерусалим: там он увидел сыновей и уже не возвратился в Константинополь. Из Иерусалима он распорядился имуществом, которое было продано: деньги, вырученные за него, розданы монастырям, церквям и нищим. Ксенофонт и Мария (так называлась его супруга) последовали примеру сыновей своих, Иоанна и Аркадия, вступили в монашество, в котором и родители и дети достигли великого духовного преуспеяния (Четьи-Минеи, 26 января). Они никак не сподобились бы его, если б пребыли в мирской жизни, хотя и весьма благочестивой. Бог, прозирая их преуспеяние, привел к нему неисповедимыми судьбами Своими. Путь судеб Божиих горек, как засвидетельствовал святой Апостол: *Егоже любит Господь наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6). Последствия судеб Божиих вожделенны, неоценимы. Из жизнеописаний многих других избранных Божиих убеждаемся, что Бог посылает в помощь благому деланию рабов Своих скорби, ими очищает и совершает это делание. [...]

Отчего мы не желаем подвергнуться скорбям, которые попускаются нам Промыслом Божиим во спасение душ наших, к которым призывает нас Сам Бог? — Оттого, что над нами господствуют сластолюбие и тщеславие: по внушению первого мы не хотим утеснять наше тело; по внушению второго мы дорожим человеческим мнением. Обе эти страсти попираются живою верою, так как, напротив, действуют по причине неверия. На вопрос преподобного аввы Дорофея: "Что мне делать? я боюсь стыда бесчестий", святой Иоанн Пророк отвечал: "Не переносить бесчестия есть дело неверия. Брат! Иисус сделался человеком и перенес бесчестия: неужели ты больше Иисуса? Это — неверие и бесовская прелесть. Кто желает смирения, как говорит, и не перенесет бесчестия: тот не может приобрести смирения. Вот, ты услышал истинное учение: не пренебреги им. Иначе пренебрежет и тебя дело. О стыде: Приводя себе на память всенародный стыд пред Господом, который постигнет грешников, ты вменишь временный стыд ни во что".

Вообще памятование вездесущия и всемогущества Божия удерживает сердце от того колебания, в которое усиливаются привести его помыслы неверия, опираясь на тщеславие и неправильную любовь к телу. [...]

Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией: то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против во-

ли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу. Устрашимся этого бедствия! Размышляя о какой бы то ни было скорби нашей, не будем умедлять в размышлении, чтоб оно неприметным образом не отвлекло нас от смиренномудрия в явное или прикрытое самооправдание, в состояние, противное смотрению о нас Божию. Не доверяя немощи нашей, прибегнем скорее к верному оружию самоукорения! На двух крестах, близ Спасителя, были распяты два разбойника. Один из них злоречил и хулил Господа; другой признал себя достойным казни за злодеяния свои, а Господа страдальцем невинным. Внезапно самоукорение отверзло ему сердечные очи, и он в невинном страдальце-человеке увидел страждущего за человечество всесвятого Бога. Этого не видели ни ученые, ни священники, ни архиереи иудейские, несмотря на то, что почивали на Законе Божиим и тщательно изучили его по букве. Разбойник делается богословом, и пред лицом всех, признававших себя мудрыми и могущественными, насмежавшихся над Господом, исповедует Его, попирая своим святым мнением ошибочное мнение мудрых о себе и сильных собою. Разбойника-хулителя грех богохульства, тягчайший всех прочих грехов, низвел во ад, усугубил там для него вечную муку. Разбойника, пришедшего при посредстве искреннего самоосуждения к истинному Богопознанию, исповедание Искупителя, свойственное и возможное одним смиренным, ввело в рай.

Тот же крест — у обоих разбойников! противоположные помышления, чувствования, слова были причиною противоположных последствий. Со всею справедливостию эти два разбойника служат образом всего человечества: каждый человек, истратив свою жизнь неправильно, в противность назначению Божию, во вред своему спасению и блаженству в вечности, есть по отношению к самому себе и тать, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест, как последнее средство к спасению, чтоб злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собою спасение, дарованное Богом. Для облегчения страданий и доставления утешений духовных при распятии и пребывании на кресте, распят и повешен на древе крестном вочеловечившийся Бог близ распятого человека. Ропщущий, жалующийся, негодующий на свои скорби окончательно отвергает свое спасение: не познав и не исповедав Спасителя, он низвергается во ад, в вечные и бесплодные муки, как вполне отчуждившийся, отвергшийся Бога. Напротив того, открывающий посредством самоукорения свою греховность, признающий себя достойным временных и вечных казней, входит мало-помалу самоукорением в деятельное и живое познание Искупителя, которое есть *живот вечный* (Иоан. 17, 3). Распятому на кресте по воле Божией, славословящему Бога с креста своего, открывается *таинство креста*, и вместе с этим таинством таинство искупления человеков

Богочеловеком. Таков плод самоукорения. По отношению к всемогущей и всесвятой воле Божией не может быть иных соответствующих чувств в человеке, кроме неограниченного благоговения и столь же неограниченной покорности. Из этих чувств, когда они сделаются достоянием человека, составляется *терпение*.

Господь наш Иисус Христос, Царь неба и земли, пришедши для спасения рода человеческого с неоспоримыми доказательствами Своего Божества, с беспредельною властью над всею видимою и невидимою тварию, не только не был принят человеками с подобающе Ему славой и честью, но и встречен ненавистью, подозрением, замыслами убийственными; во все время земного странствования был преследуем клеветою, злословием, придиричивостию, лукавством; наконец схвачен, как преступник, во время ночной молитвы Своей, связан, влачим с насилием, представлен на суд, решившийся прежде суда на убийство, подвергнут насмеянию, заушениям, оплеваниям, разнообразным терзаниям и пыткам, смерти на кресте, смерти бесчестной — уголовных преступников. Стоит безмолвно и неподвижно кроткий агнец пред стригущим его: так стоял Господь пред безбожными судиями Своими и бесчеловечными убийцами, Божественным молчанием отвечая на дерзкие вопросы, клеветы и поругания. Самоосуждение и самоукорение были не свойственны Ему, непричастному грехов: молчанием Он прикрыл Свою Божественную правду,

чтоб мы, самоосуждением и самоукорением отрицаясь от нашей поддельной, мнимой правды, могли соделываться причастниками Его правды всесвятой и всесовершенной. Ни правда падшего естества, ни правда Закона Моисеева не могли ввести нас в утраченное вечное блаженство: вводит в него правда Евангелия и креста. Нет совершенного между человеками по добродетелям человеческим: к совершенству христианскому приводит крест Христов, и печатлеет это совершенство, даруемое Духом Святым.

Смирение возвело Господа на крест и учеников Христовых смирение возводит на крест, который есть святое *терпение*, непостижимое для плотских умов, как было непонятным молчание Иисуса для Ирода, понтийского Пилата и иудейских архиереев.

Будем молить Господа, чтоб Он открыл нам таинство и даровал любовь креста Своего, чтоб сподобил нас претерпеть должным образом все скорби, которые попустятся нам всеблагим Божиим Промыслом во времени для спасения нашего и блаженства в вечности. Господь обетовал нам: *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24, 13). А м и н ь.

ИСПОВЕДЬ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА, ВЕДУЩАЯ КО СМИРЕНИЮ*

Внимательно обращаю взор свой на себя и, наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием. Все это я, действительно, нахожу в себе посредством подробного рассматривания моих чувств и поступков, как то:

1. *Я не люблю Бога.*

Ибо, если бы я любил Его, то непрестанно размышлял о Нем с сердечным удовольствием, каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение. Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, размышления о Боге составляют для меня труд и сухость. Если бы я любил Бога, то собеседова-

* Из книги "Откровенные рассказы странника духовному своему отцу". 3-е изд. — Париж: ИМКА-Пресс. 1948.

ние с Ним через молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрестанному общению с Ним, но, напротив, я не только не наслаждаюсь молитвой, но еще при занятии ею чувствую труд, борюсь с неохотой, расслабляюсь леностию и готов с охотой заняться чем-нибудь маловажным, только бы сократить или престать от молитвы. В пустых занятиях время летит неприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжение дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем, и при всех занятиях любимый человек не выходит из его мыслей. А я в продолжение дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенить себя к его любви, а 23 часа охотно приношу ревностные жертвы страстным моим идолам...

В беседах о предметах суетных, низких для духа я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив. Если же невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к беседе, льстящей моим страстям.

Неутомимо любопытствую о новостях, о гражданских постановлениях, о политических происшествиях, алчно ищу удовлетворения моей любознательности в науках светских, в художествах, в приобретениях. А поучение в законе Господнем, познание о Боге, о религии не

оставляют на меня впечатления, не питают души моей, и сие я почитаю не только несущественным занятием христианина, но как бы посторонним и побочным предметом, коим я должен заниматься разве только в свободное время, на досуге.

Кратко сказать, если любовь к Богу познается по исполнению Его заповедей: "Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте" – говорит Господь Иисус Христос, а я заповедей Его не только не соблюдаю, но даже и мало стараюсь о том, то по той самой чистой истине следует заключить, что я не люблю Бога... Сие утверждает и Василий Великий, говоря: "Доказательством, что человек не любит Бога и Христа Его, есть то, что он не соблюдает заповедей Его..." (Нравственные правила 3).

2. Я не имею любви к ближним.

Ибо я не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не пожертвую моею честью, моим благом и спокойствием для блага ближнего. Если бы я его любил по Евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье его поражало бы меня, благополучие его приводило бы меня в восхищение. Я же, напротив, выслушиваю несчастные повести о ближнем, не сокрушаясь, а бываю равнодушным, или, что еще преступнее, нахожу как бы удовольствие в оном, и худые поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуж-

дением их разглашаю. Благосостояние, честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, а совершенно как все чуждое, не производят во мне радостного чувства, но еще тонко возбуждают во мне как бы зависть и презрение.

3. *Я не верю ничему религиозному*

ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть вечная жизнь с возмездием за дела земные, то я беспрестанно размышлял бы об этом; самая мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы жизнь свою, как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности и конец настоящей жизни почитаю как бы пределом моего существования. Тайная мысль гнездится во мне: "Кто знает, что будет после смерти?" Если я говорю, что верю бессмертию, то говорю это только по разуму, а сердце мое далеко отстоит от твердого убеждения в оном, о чем открыто свидетельствуют поступки мои и постоянная забота о благоустройстве чувственной жизни.

Когда бы св. Евангелие, как слово Божие, было бы с верою принято в мое сердце, я бы беспрестанно занимался им, изучал бы его, наслаждался бы им и с глубоким благоговением даже взирал бы на него. Премудрость, благость и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в за-

коне Божиим день и ночь, питался бы им, как повседневною пищею, и сердечно влекся бы к исполнению его правил. Ничто земное не сильно было бы отклонить меня от него.

Напротив, если я изредка и читаю или слушаю слово Божие, то и то или по необходимости, или по любознательности, и при этом, не входя в глубочайшее внимание, чувствую сухость, незанимательность и, как бы обыкновенное чтение, оставляю без всякого плода и охотно готов заменить его чтением светским, в котором нахожу более удовольствия, более новых занимательных предметов.

4. Я преисполнен гордости и чувственно-го себялюбия.

Все поступки мои сие подтверждают. Видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренно люблюсь собой, хотя и показываю наружное смирение, но приписываю всё моим силам и почитаю себя превосходнейшим других, по крайней мере, не худшим.

Если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиною необходимости или невинности. Сержусь на неуважающих меня, почитая их не умеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь, неудачи в предприятиях почитаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь несчастьем врагов моих. Если и стремлюсь к

чему-либо доброму, то имею целью или похвалу, или своекорыстные духовное, или светское утешение.

Словом, я непрестанно творю из себя собственного кумира, которому совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений.

Из сего перечисленного я вижу себя гордым, любодейным, неверующим, не любящим Бога и ненавидящим ближнего. Какое состояние может быть греховнее? Состояние духов тьмы лучше моего положения: они хотя и не любят Бога, ненавидят человека, живут и питаются гордостью, но по крайней мере веруют, трепещут от веры. А я? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне? И за что строже и наказательнее будет определение Суда, как не за таковую невнимательность и безрассудную жизнь, которую я сознаю в себе?..

Ужаснись, душа моя, узнавши, какие страшные грехи кроются в тебе и которых ты до сих пор не замечала! Возьмем желание очистить их, познавши причины этого зла, а именно:

Причина нелюбви к Богу есть неверие, причина неверия — неубеждение, а причина неубеждения есть неискание светлых истинных познаний, нерадение о духовном просвещении. Словом сказать, не веря — нельзя любить, не убедясь — нельзя верить. А чтобы убедиться, необходимо

снискать полные и обстоятельные познания предложенного предмета. Необходимо следует посредством размышлений, изучения слова Божия и опытных наблюдений возбудить в душе жажду и вожделение, или, как ныне выражаются, "удивление", которое производит неутолимое желание ближе и совершеннее познавать вещи, глубже проникать в свойства предмета.

Любовь обыкновенно развивается познанием, и чем больше будет глубины и пространства в познании, тем более будет любви, и тем удобнее размягчается душа и располагается к Божественной любви, прилежно рассматривая самое совершеннейшее и прелезнейшее существо Божие и беспредельную Его любовь к человеку.

Теперь ты видишь, душа моя, что причина моих грехов есть леность к мышлению о духовных предметах. Старайся (ревнуй) же о просвещении духовном, достигай его прилежным занятием словом Божиим, учением св. Отцов, размышлениями и духовным советом или собеседованием с мудрыми о Христе — и ты избежешь погибели.

Но ты, бедная душа моя, столько бедствий встречаешь от того, что ленишься просвещаться словом истины, поучаться в законе Господнем день и ночь и не молишься о том прилежно с неотступностью. А от сего и внутренний человек наш гладен и хладен, истощен, не имея силы к бодрственному шествию путем правды и спасения.

Итак, решишь, душа моя, сколько можно чаще

наполнять ум свой размышлениями о предметах небесных, и любовь, излившаяся свыше в сердца наши, разовьется и воспламенится в нас.

Будем и чаще молиться, ибо молитва есть главнейший способ и сильнейшее средство к нашему обновлению и преуспеянию. Будем молиться, вызывая так: "Господи, сподоби мя ныне возлюбити Тя, якоже иногда возлюбих той самый грех".

О СЕМИ ГОРЯЧНОСТЯХ ДУХА

Все горе человека в том сейчас, что он постоянно, всегда торопится, суетно, бесплодно. Человек переворачивает горы своей энергией. Он воздвигает и разрушает целые города в очень короткое время. Но если мы взглядемся в его энергию и посмотрим на ее последствия, мы увидим, что она не увеличивает добра в мире... А что не увеличивает добра — то бесплодно. Даже уничтожение зла само по себе бесплодно, если это уничтожение не есть проявление действия добра и не несет плодов добру. Жизнь людей стала в мире очень торопливой: все бегут, все боятся куда-то опоздать, кого-то не застать, что-то пропустить, чего-то не сделать. Несутся машины по воздуху, по воде и земле, но они не несут счастья человечеству; наоборот, они разрушают еще оставшееся на земле благополучие. Вошла в мир дьявольская торопливость, поспешность.

Тайну этой поспешности и торопливости открывает нам слово Божие. Вчитайтесь в 12-ю главу Апока́липсиса: "И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение

и сила, и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них перед Богом нашим день и ночь. Они победили его Кровию Агнца и словом свидетельства Своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. — Итак веселитесь небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени” (Откр. 12, 10-12).

Вы слышите: ”Горе живущим на земле и на море... диавол сошел в великой ярости, зная, что ему немного остается времени”. Вот откуда неудержимое, все ускоряющееся круговращение всех вещей и даже понятий в мире, вот откуда всеобщая торопливость, все увеличивающийся и в технике, и в жизни, все более и более безудержный бег людей и народов...

Царству сатаны скоро наступит в мироздании конец. Вот причина веселия всего неба и тех людей на земле, которые живут небесным.

Обреченный, предчувствующий свою гибель дух зла мечется в мире, будоражит человечество, раздувает зло до последних пределов и заставляет людей, не положивших на свое чело и сердце крестной печати Агнца Божия, безудержно стремится все вперед и вперед, и все ускоряет свой бег жизни. Он знает, что лишь в этом бессмысленном коловращении людей и народов он может рассчитывать присоединить к своей гибели еще часть человечества. Он думает, что

заторможенные, куда-то несущиеся люди менее всего способны думать и рассуждать об истинах великих и вечных, для постижения которых нужна хотя бы минута божественного молчания в сердце, хотя бы мгновение святой тишины.

Техника уже давно увеличивает скорость передвижения людей и их работы — добывание земных ценностей. Казалось бы, больше времени должно оставаться у людей на жизнь духа. Однако — нет. Душе труднее и тяжелее стало жить. Материальность мира, быстро крутясь, втягивает в себя и душу человека. И душа гибнет — ей нет времени уже ни для чего возвышенного в мире — все вертится, все кружится и ускоряет свой бег. Какая ужасная призрачность дел! И, однако, она крепко держит человека и народы в своей власти. Вместо духовного устремления миром уже владеет психоз плотской быстроты, только плотских успехов. Вместо усиления горячности духа происходит все больше горячности плоти мира. Создается мираж дел жизни, ибо к делам призван человек и не может быть спокоен без дела. Но дела плоти не успокаивают человека, ибо не человек ими владеет, а они им. Человек — раб дел плотских. Строит на песке. Построение на песке разрушается. От земного дома человека остается куча пыли. Теперь это всюду видно. Вместо многих гордых строений осталась куча песка. И из этого песка опять строит человек себе мир. Песок осыпается то тут, то там, —

человек трудится, подбирая его. Бедный человек! Все закованы в цепи малых, ничего душе не дающих дел, которые надо выполнить возможно скорее, чтобы можно было поскорее начать ряд других, столь же ничтожных дел.

Где же взять время на добро? Даже подумать о нем нет времени. Все заполнено в жизни. Добро стоит, как странник, которому нет места ни в служебной квартире, ни на заводе, ни на улице, ни в доме человека, ни тем более — в местах развлечений его. Добру негде преклонить голову. Как же торопиться его делать, когда его нельзя даже на пять минут пригласить к себе, — не только в комнату, но даже в мысль, в чувство, в желание. **Н е к о г д а.** И как добро этого не понимает и пытается стучаться в совесть и немного мучать ее? Дела, заботы, необходимость, неотложность, сознание важности всего этого совершаемого... Бедный человек! А где же твое добро, где твой лик? Где же ты сам? Где же ты прячешься? За крутящимися колесами и винтами жизни? Все же скажу тебе: *торопись делать добро, пока ты живешь в теле.* "Ходи в Свете, пока ты живешь в теле".

Придет ночь, когда уж не сможешь делать добра, если бы и захотел. Но, конечно, если ты на земле, этом преддверии как рая, так и ада, не захотел делать добра и даже думать о добре, вряд ли ты захочешь делать его тогда, когда окажешься среди ночи, вытолкнутый из рассеявшей и развязавшей твою душу суеты, земной

жизни в холодную и темную ночь небытия. Оттого торопись делать добро. Начни сперва думать о том, *чтобы* его делать, а потом подумай, как его делать, а потом *начни его делать*. Время коротко, сей вечное во временном. Введи это дело, как самое важное дело в твою жизнь. Сделай это, пока не поздно. Как ужасно будет опоздать в делании добра: с пустыми руками и с холодным сердцем отойти в иной мир и предстать на Суд Творца. Кто не торопится сделать добро, тот его не сделает. Добро требует горячности. Теплохладный диавол не дает сделать добра. Он их свяжет по рукам и ногам, прежде нежели они подумают о добре. Добро можно делать только пламенно, горячо. Быть добрым может быть в нашем мире молниеносно добрый человек. И чем дальше идет жизнь, тем больше надо молниеносности человеку для добра. Молниеносность — это выражение духовной силы, это мужество святой веры, это действие добра, это — настоящая человечность. Поспешности суеты и зла противопоставить быстроту, горячность движения в осуществлении добра.

— *Господи, благослови и укрепи!*

1. *Быстрота раскаяния* после какого бы то ни было (любого) греха — вот первая горячность, которую принесем Богу.

2. *Быстрота прощения* согрешившего перед нами брата — вот вторая горячность, которую принесем.

3. *Быстрота отклика* на всякую просьбу, исполнение которой возможно для нас и полезно для просящего, — третья горячность.

4. *Быстрота отдачи* ближним всего, что может их вывести из беды, — четвертая горячность духа, Богу верного.

5. *Пятая горячность* — умение *быстро заметить*, что кому надо и вещественно и духовно, и умение послужить хоть малым каждому человеку, умение *молиться* за каждого человека.

6. *Шестая горячность* — умение и быстрая решимость противопоставлять всякому выражению зла — добро, всякой тьме — Свет Христов, всякой лжи — истину.

7. *И седьмая горячность* — горячность нашей веры, нашей любви и надежды, это умение мгновенно вознести сердце и все естество свое к Богу, предаваясь в Его волю, благодаря и славословя Его за все. А м и н ь.

**НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
ИЕРОСХИМОНАХА ПАРФЕНИЯ***

1. Рассуждение выше всех добродетелей; чрез него душа противится страстям и помыслам, обуревающим ее.

2. Рассуждение выше всего; терпение нужнее всего; молчание лучше всего; многоречие хуже всего.

3. Потеря благодати страшнее всех потерь; нет бедственнее состояния, как состояние человека, потерявшего благодать. Весьма немногие возвращали ее величайшими подвигами. Надобно иметь непрестанную бдительность, чтобы сохранить ее. Она дается нам туне, по единому милосердию Божию: но к сохранению ее мы должны прилагать все свое тщание.

4. Враг неусыпно борется с нами. Прежде борет он нас с шуйей стороны, т. е. искушает нас нашими же страстями и похотями; а когда не

* Из книги: "Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения". Киев, 1898.

успеет побороть с шуей, борет нас с десной, то еть в самых добрых делах наших устрояет нам сети к падению.

5. Чем ближе приблизишься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя. Потому-то *еще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение.*

6. Враг во все наше доброе всеваает свои плевелы.

7. Никогда не должно скоро последовать своему помыслу, хотя бы он и благ являлся, но испытывать его временем.

8. Чтобы стяжать терпение в скорбях и искушениях, веруй, что все делается с нами по воле Божией.

9. Крайне опасно последовать своим мыслям и рассуждению в деле спасения. Наш ум — ограниченное око плоти, которое может только видеть и распределять дела внешние и вещественные; а пути высшие должны мы предавать Самому Богу чрез отца нашего и наставника, и во всем следовать его рассуждению.

10. Наши желания и намерения беспрестанно изменяются и рассеиваются как прах. Итак всеконечно должны мы умертвить свою волю и предаться воле водителя нашего.

11. Берегись осуждать ближнего, а чтобы не впасть в сие искушение языка, не присматривайся к чужим поступкам.

12. Нищелюбие и нестяжание великие сокровища уготовляют душе.

13. Неизреченная польза проистекает от уединения, но с ним неразлучна должна быть молитва.

14. Уединение и молитва выше всякого блага.

15. Стяжавший молитву не имеет времени и подумать о чем-либо земном; ему тяжелы и беседы и видения людей и все отвлекающее его от Бога.

16. Истинную молитву стяжать неизреченно трудно. Не раз душа за подвиг сей приблизится ко вратам смертным. Но кто уже сподобится стяжать ее, у того она как болячка вырастет в сердце и ничто не измет ее.

17. Любовь к Богу можно возжечь в душе только одною непрестанною молитвою.

18. Уединение внешнее должно сопровождаться уединением внутренним. Только совершенное удаление от людей, телом и мыслию, может даровать мир душевный.

19. Враг наводит уныние на всякую душу, хотящую спастись.

20. Страх Божий более поста и всех подвигов измождает плоть. Кто стяжал его, для того нет на земле ни скорби, ни радости.

21. Человек всеми своими усилиями, без содействия Божия, не может располагать ни внешнею жизнью своею, ни состоянием души своей. "Без Бога ни до порога".

22. Наша человеческая воля есть только пожелать доброго и изыскивать на то средства,

а совершитель и делатель всякого доброго есть Бог; а злое — от нас.

23. И добре житьствовать и добре творить и добре мыслить — несть жертва Богу, а долг человеческий пред Ним.

24. Чтобы уклониться от смущения и сохранить дух молитвы, уклоняйся от всякого рода бесед и посещений, всему предпочитай уединение и часто размышляй о смерти.

25. Смерть вожеленна для любящих Бога, но страшна не угодовавшимся.

26. Хранение чистоты телесной должно сопровождаться хранением чистоты мысленной.

27. Чистоту телесную и мысленную можно стяжать только непрестанною молитвою и устремлением ума к Богу; пришествие Святого Духа поपालает и истребляет все страсти.

28. Гнев, тщеславие или высокоумие и осуждение ближнего отгоняют благодать Святого Духа.

29. Честь от человек бываемая должна быть ненавистна душе, ищущей спасения и познающей свою немощь.

30. Излишество в пище наносит душе больший вред, нежели телу, и излишний сон — от излишней пищи.

31. Малейшее пристрастие не только к человеку, но и к вещи наводит гнев Божий и дает место тли.

32. Для достижения совершенной чистоты не имей привязанности, даже духовной, ни к

человеку, ниже́ к вещи: люби всякого любовью совершенною, как самого себя, но без пристрастия, т. е. не желай видения или присутствия любимого человека и не услаждайся мыслию о нем.

33. Молчание есть великая добродетель; язычный не исправится на земле.

34. Многоречие отгоняет благодать и погубляет теплоту души.

35. Нестяжание и молитва необходимы для спасения. Молитва рождает нестяжание, нестяжание молитву.

36. Кто сам не достиг в меру совершенства и начинает учить других — погубляет и то, что имел.

37. Все средства употребляй для снискания мира душевного, и ничем, кроме молитвы и уединения, не обретишь его.

38. От того впадаем мы в немирствие с ближним, что не хотим, по слову Господню, отвергнуться самих себя.

39. Человек облагодатствованный не может быть немирен, или досадовать на ближнего.

40. Должно быть мирным и равнодушным во время гнева ближнего на нас, не трогаться словами, не смущаться угрозами: ибо они не могут иметь на наше будущее ни малейшего влияния; будет только то, что определил Бог.

41. *"Царствие Божие нудится"*, и нуждницы восхищают его. Это насилие не ограничивается одним воздержанием от страстей и пищи, но

простирается на все внутренние и внешние действия и движения наши. Делай все вопреки хотения плоти: хочется лечь покойнее, — принудь себя на противное; хочется облокотиться сидя, — воздержись; и так во всем.

42. Должно нудить себя и не хотяща к молитве и ко всему благому.

43. Совершенное обнищание Христа ради — великое сокровище для души; но оно может быть вместимо человеком только при твердом и непоколебимом уповании на Промысл Божий. Имей это упование несомненно, и Господь не попустит тебе умереть с голоду, или иметь какую-либо нужду; а усомнись хотя немного, или взыщи помощи человеческой, или понадейся на себя, — Промысл Божий отступит от тебя. Петр еще в теле будучи мог идти по волнам, доколе не усомнился мыслию.

44. *"При помощи человеческой удаляется помощь Божия"*. Одному пустынножителю служили ангелы; а когда приблизились люди и стали служить ему, — ангелы удалились от него.

45. Промыслу Божию о нас нет предела. Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией; всему определен день и час. Возложи все упование на Бога, и Он будет промышлять о тебе; а пекись о себе сам, — Он будет помогать тебе, но вседействующий Промысл Его отступит от тебя.

46. Для приятия Святого Духа необходимо изнурить плоть; даждь плоть и прими Дух.

47. В тучном теле не вселяется Дух Святой, хотя кто и добродетелен был. Для того, чтобы быть храмом Божиим, надобно, чтобы душа и тело были чисты и святы.

48. В простых сердцах почивает Дух Святой. Простота внутренняя должна изливаться и на все внешнее наше, — простота во всем: в речах, в наружности. Не представляйся благоговейным, не смотри вниз, не говори притворно тихим гласом; а то, хотя и с добрым намерением сочиняешь наружность свою, — благодать отступит от тебя.

49. Всякая благословенная душа есть проста, справедлива, милостива, любезна, негорда, незлоблива, невеличава, непрезорлива, воздержна и боящаяся Бога.

50. Незлобие и простота паче всех добродетелей низводят на нас благодать и милость Божию.

51. От памятозлобного отвращается Бог. Молящемуся и питающему злобу на ближнего, вместо ангелов соприсутствуют демоны, и молитва его бывает в грех.

52. *"Не хитри в деле спасения"*; не изыскивай особенных путей; не налагай на себя особенных подвигов; а как придется, как пошлет Господь силу, так только непрестанно и нещадно нудь себя на все благое.

53. Зло пристаёт к нам как заразительная

болезнь. Если будешь часто обращаться с язычным, с клеветником, с миролюбцем, — и сам незаметно впадешь в те же пороки. И наоборот: обращай часто с мужем духовным и молитвенником, — и в тебя перельются те же добродетели.

54. У человека нечистого и страстного и вещи его заражены его страстями; не прикасайся к ним, не употребляй их.

55. Не должно рассказывать другим о своих подвигах и молитвенном правиле. Хотя бы это и не из тщеславия, но у тебя отнимется дар, который ты обнаружил.

56. *"Нищета и нестяжание"* — необходимое достояние монаха.

57. Хотящий быть истинным монахом должен иметь крайнее нестяжание, изыскивать, как бы обойтись и без необходимого.

58. Монах должен сам служить себе во всем и питаться трудами рук своих.

59. Монах должен жить один, а другой с ним — Господь.

60. Для истинного монаха не существует никто и ничто на земле. Его радость и наслаждение — непрестанная молитва. Он любит всех людей, но скучает с ними, потому что они отлучают его от Бога.

61. Монаху самый верный путь ко спасению — уединение и в нем непрестанная молитва. Без молитвы нельзя снести уединения; без уединения нельзя стяжать молитвы; без молитвы никогда не

соединишься с Богом; а без сего соединения сомнительно спасение.

62. Молитва истинная есть та, которая вросла в душу и совершается духом. Для стяжания ее великий потребен подвиг умственный и телесный.

63. Украшение монаху — келья его, т. е. неисходное в ней пребывание. Никто не возвращался в келью свою таким, каким вышел из нее.

64. Поругание, биение и заушение есть человеку инокующему дар Божий и благодать свыше; святые скорбями совершаются.

65. Хорошо с Богом везде, а без Него очень скучно и в раю и в аде: ибо подобный небесному и на земле есть рай, есть и ад, только невидимые, так, как и Бог на небеси, Он же и на земле; только здесь все невидимо, а там все видимо, — и Бог, и рай, и ад.

66. Если Бог с нами невидимо на земле, — это знамение, что будет с нами и на небеси. Если же не узрим сердцем на земле Бога, и в небе не узрим.

67. Монах, нерадивый о своем спасении, есть ругатель Божий. Лучше бы монаху согнуть во чреве матери своей, когда он не печется о своем звании.

68. Чтение псалтири укрощает страсти, а чтение Евангелия посылает терние грехов наших: ибо Слово Божие огонь поядаяй есть. Однажды в продолжение сорока дней читал я Евангелие о спасении одной благотворившей мне души, и вот вижу во сне поле, покрытое тернием. Внезапу

спадает огонь с небесе, пополяет терние, покрывавшее поле, и поле остается чисто. Недоумевая о сем видении, я слышу глас: терние, покрывавшее поле, — грехи благодетельной тебе души; огонь, пополивший его, — Слово Божие, тобою за нее чтомое.

69. Имея правилом своим — ежедневно читать Евангелие и прочитывать его часто всё, старец давал это правило и ученикам своим, духовным своим детям. Дарил им и книги Евангелия со своими надписями, каковы:

70. "Вот тебе передаю благодать — святое Евангелие. Совершай прочтением в седмицу четырех евангелистов единожды, да сподобишься благодати и разума Божия истинного и добрую кончину получить, и вечного наслаждения, видением трех ипостасей, сияющих в Божестве единосущнем, не лишишься".

71. "Вот вам, чада Божии, страстная Евангелия. Прочитывайте, когда прилучится, а паче в скорбное время, да утешит Господь тогда. Любящему Господа вся поспешествуют, и хорошо с Богом быти, а скучно без Него, и вся тогда злая нам".

72. "Сию книгу — Евангелие святое — дарю за послушание мне чаду моему духовному... Приими сию заповедь от мене недостойного: совершай прочтением в две недели всех четырех евангелистов. Сия книга есть мати всех книг, также она есть молитва над молитвами, и есть управитель в Царствие Небесное, и в разум истинный на

земле человеков приводит, и сподобляет зрети Бога сердцем еще во плоти, а лицом к лицу в грядущем веце удостоивает наслаждаться сладким видением Святыя Троицы”.

73. ”Вот тебе, чадо духовное, мое Евангелие. Молися и за меня и поминай любовь мою к тебе; а паче молися честным житием и простодушным. Терпение нужнейше всего, девство храни, молчания придерживайся: ибо в язычном иноке и многоглаголивом сомнительно спасение: молчание собирает, а глаголение расточает. Крепко молись, не жалея себя. Поругания, биения и заушения есть иноку дар Божий и благодать свыше”.

74. ”Буди на тебе благословение Божие, чадо мое духовное, покров несомненной нашей надежды Богородицы и помоществование чудотворцев Печерских. Вот тебе заповеданное правило иноческое: от сна восстав — акафист Спасителю, а ко сну отходя — Богоматери и пять кафизм в сутки; Евангелие всё в две седмицы, а каноны предай церкви. Не вдавайся в различные чтения, а междучасием Иисусову молитву твори, примешивая к ней и Богородично обрадование. Ведай, что суетно спасение человеческое, а о Боге сотворим силу, и той уничижит враги наша. Молися и за меня и поминай любовь мою, а тебя поручаю благодати Пресвятого Духа. Аминь”.

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ПЕТРЕ (ЗВЕРЕВЕ)

(1878–1929)

В конце моей жизни Господь благословил меня писать свои воспоминания о тех многих духовных лицах, с которыми мне пришлось встретиться в жизни. Конечно, если бы я могла себе это представить в молодости, я многое могла бы тогда узнать, да и не только тогда, а и впоследствии имела еще возможность встретиться со многими людьми и расспросить обо всем подробно, а теперь люди эти уже умерли. Пишу то, что записала раньше и что осталось у меня в памяти, правильно или неправильно, — сама не знаю, что помню, то и пишу.

*

Архиепископ Петр (Зверев) родился 18 февраля 1878 года и во святом крещении наречен был Василием в честь Василия Исповедника 28 февраля. Отец его был священник протоиерей Кон-

стантин Зверев. Впоследствии он служил в московском Кремле и был духовником великой княгини Елисаветы Федоровны. Мать его звали Анной. Кроме Владыки, у них было еще два сына: Арсений и Кассиан, и дочь Варвара.

Мать рассказывала, что у мальчиков с детства уже определились их наклонности. Каждый играл по-своему: Арсений писал бумажки и сделался чиновником; Кассиан играл в войну, сделался офицером и был убит на войне 1914 года, а будущий Владыка Петр любил играть в церковную службу. Владыка сам рассказывал, что в раннем детстве он всегда торопился к началу церковной службы в их приходском храме и шел всегда рядом с отцом. В то время, когда видели идущего в церковь священника, на колокольне делали три раза перезвон, и мальчик считал, что два раза звонят отцу, а третий раз — ему.

В самом раннем детстве он уже увидел во сне Спасителя. Об этом он так рассказывал при мне детям: "В детстве я был очень толстый и пухлый, и взрослые любили меня тискать, а я этого терпеть не мог и отбивался от них руками и ногами. И вот вижу сон. У нас в столовой стоял у стены стол, и вот я вижу: сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом — страшная собака. Спаситель берет мою руку и протягивает под стол собаке со словами: "Ешь ее, она дерется". Я проснулся, и с тех пор никогда уже

не дрался, а стал расти, во всем старался сдерживать себя, не сердиться и не делать ничего дурного. Всем мальчишкам всегда хочется попробовать курить. Отец был строгий, он сказал: "Если кто будет курить, губы оторву!" Но попробовать все-таки хотелось. Выкурил я папиросу и пошел в церковь. Было Прощеное воскресенье. Запели: "Не отврати Лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя". Это было самое любимое мое песнопение. Но тут закружилась у меня голова и пришлось выйти из храма. С тех пор я уже не пробовал курить".

Владыка окончил Московскую гимназию и прошел 2 курса Историко-филологического факультета Московского университета, после чего перешел в Казанскую Духовную Академию, там он и принял монашество в 1900 году 22-х лет отроду, был рукоположен в сан иеромонаха и наречен Петром во имя апостола Петра, 29 июня.

По окончании Академии в сане иеромонаха служил в Москве в Епархиальном доме, что в Каретном ряду (Садово-Каретная). Тут у Владыки появились уже духовные дети, которые оставались у него до конца жизни. Потом он был настоятелем Белевского мужского монастыря Тульской губернии.

Во время войны 1914 года он был проповедником на фронте. После войны стал настоятелем Жолтикова монастыря в Твери. Там находились мощи святителя Арсения Тверского. В это время

ему пришлось переоблачать мощи святителя. Владыка рассказывал, что на святителе была древняя одежда коричневая, совсем другого покроя, с пуговицами сбоку. Святитель весь был нетленный, не хватало только ног — одной до колена, другой ниже колена. Очевидно, отнимали части мощей.

В 1918 году, в Твери, Владыка впервые был арестован. 1 февраля 1919 года в Патриарших покоех состоялось его наречение во епископа. 2 февраля 1919 года на праздник Сретения он был хиротонисан в Москве Святейшим Патриархом Тихоном во епископа и назначен викарным епископом Балахнинским в Нижний Новгород к архиепископу Евдокиму, которого он раньше хорошо знал, когда служил в Белеве, а архиепископ Евдоким управлял тогда Тульской епархией. Владыке исполнился в то время 41 год.

Белев находился недалеко от Оптиной пустыни, и Владыка имел возможность постоянно общаться с оптинскими старцами, которые в свою очередь были к нему очень расположены, ценили его высоко и направляли к нему многих для духовного руководства. Владыка до принятия епископства неоднократно бывал в Сарове и Дивееве, особенно имел веру к блаженной Прасковье Ивановне. Как рассказывали ее келейные: "так и сидел у ее ножек", и она взаимно платила ему своим расположением. Она даже подарила ему холст своей работы (пряжа), из которого он впоследствии сшил себе ар-

хиерейское облачение и хранил его на смерть. По рассказам келейницы Прасковьи Ивановны, он вместе с дивеевскими сестрами переживал около блаженной то тяжелое время, когда задерживалось открытие св. мощей батюшки Серафима. Бывал Владыка и у о. Иоанна Кронштадтского. Помню его рассказ о том, как отец Иоанн кормил его вместе с матушкой схиигуменией Фамарью, — сначала ее, потом его.

Мне Господь привел узнать Владыку сразу же, как он приехал к нам в Нижний Новгород после хиротонии. Он был высокого роста, худощавый, блондин, волосы были очень длинные, и он их никогда не подстригал, борода рыжеватая, глаза ясные, голубые. Голос у него был очень сильный, с хорошей дикцией, так что, даже когда он служил впоследствии в храме Христа Спасителя и говорил проповедь, по всему храму ясно было слышно каждое слово. Такой же голос, только еще сильнее, был еще (только) у архиепископа Илариона.

Поместился Владыка в Нижнем Новгороде, как и его предшественники, в Печерском монастыре на берегу Волги. В древности Печерский монастырь был расположен верстах в двух от города, но произошел обвал, монастырь обрушился в Волгу, (остался лишь) один храм, и монахи-иноки поселились ближе к городу, в так называемых Ближних Печерах. В 1919 году Ближние Печеры насчитывали не менее трехсот лет со своего основания. Монастырь был в упадке. Бра-

тия была малочисленна. Владыка привез с собой несколько монахов. Сразу завел полную уставную службу. Служил во все большие и малые праздники, при этом во время всенощной всегда стоял сам в храме на настоятельском месте против чтимой иконы Печерской Божией Матери, часто сам читал шестопсалмие (особенно когда говел).

Никакие певчие не могли выдержать такой продолжительной службы, и Владыка привлек к службе народ. За правым клиросом стоял аналой, здесь находился управляющий службой его келейник брат Алексей, и все усердствовавшие пели и читали. В малые праздники всенощная продолжалась пять часов; по воскресеньям — шесть часов, а в двенадцатые — семь часов, то есть с пяти вечера до двенадцати ночи. (Владыка часто не успевал выпить чашку чаю после всенощной.)

Владыка служил неспешно, ясно и громко произнося каждое слово. Кадил по церкви неторопливо, так что успевали пропеть весь псалом (полиелейный). "Хвалите имя Господне" пел весь народ на два хора по афонскому распеву, полностью оба псалма. Во время первого часа и после литургии Владыка благословлял всегда весь народ.

В будние дни, когда имел время, Владыка служил раннюю литургию сам в домовый церкви. Каждый праздник он говорил проповедь после литургии. Кроме того, завел в монастыре

преподавание Закона Божия для детей. Учил их сам. Дети так привязались к нему, что, бывало, так и стоят толпой у его крыльца, ждут, не пойдет ли он куда, и провожают его всей гурьбой. Владыка всегда им тут что-нибудь рассказывал, чаще из своей жизни, из детских воспоминаний.

Иногда он делал всенощную и на всю ночь. Помню, под Рождество всенощная началась в десять вечера, а после нее сразу ранняя обедня, за которой многие причащались Святых Тайн.

Несмотря на продолжительность службы и самое простое пение, церковь всегда была полна народа.

Акафистов за всенощной Владыка никогда не читал, но требовал полностью вычитывать все кафизмы; акафисты же читал на молебнах.

Владыка особенно любил псалтирь. Всегда всем велел ее читать. Раз как-то пригласили его служить всенощную в какой-то храм и кафизмы совсем почти выпустили (оставили по несколько слов). Владыка подозвал настоятеля и сказал ему: "Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида".

Панихиды Владыка служил всегда полностью, по уставу, с 17 кафизмой без всякого сокращения. Помню, как он говорил: "Кто отслужит по мне такую панихиду?" Также и отпевание у него длилось по нескольку часов (без всяких сокращений). Особенно любил он и соблюдал в точности церковный устав. Даже

песни на каноне все выпевались. В Воронеже Владыка говорил своему келейнику: "Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушил".

В Печерском монастыре древний собор в честь Успения Божией Матери был запущен. Стены и потолок были черны от копоти. Владыка пригласил народ помочь в уборке храма и сам первый влез на лестницу и промыл часть потолка.

Помню, перед праздником Успения Божией Матери служились в храме каждый день, после вечерни, молебны со службой и акафистом Успения Божией Матери, по образцу Киево-Печерской Лавры.

Так готовился Владыка к встрече праздника Успения.

Часто в престольные праздники Владыку приглашали служить в городских храмах. Народ сразу почувствовал и полюбил Владыку и пошел за ним. Но эта популярность не понравилась архиепископу Евдокиму. Он стал ему завидовать, и их первоначально дружеские отношения перешли у преосвященнейшего Евдокима в открытую ненависть. Но люди не знали этого и по-прежнему приглашали их вместе служить. Тяжело было смотреть, как они стояли вдвоем на кафедре. Преосв. Евдоким стоял весь черный, а Владыка Петр бледный, как полотно.

Помню рассказ Владыки. В Прощеное воскресенье 1920 года архиепископ Евдоким служил в городе, а Владыку послал служить в Сормово.

Это совсем за городом, далеко. Ходили тогда все пешком, извозчиков не было. На обратном пути Владыка зашел нарочно проститься перед Великим постом с арх. Евдокимом на Дивеевское подворье, где тот тогда помещался. Вошел к нему в покои, поклонился на св. иконы, поклонился ему в ноги и подошел со словами: "Христос посреди нас". Но вместо обычного ответа: "и есть и будет", арх. Евдоким ответил: "И нет и не будет". Владыка повернулся и вышел.

Началась первая неделя Великого поста. Владыка присутствовал на всех службах. Помню, служба, в общей сложности, продолжалась 13-14 часов в сутки.

В середине поста арх. Евдоким перевел Владыку на жительство в Канавино. Он настаивал, чтобы Владыка, как епископ Балахнинский, поселился в Городецком монастыре. (Городец находится на берегу Волги выше города Горького.) В Канавине (за Окой против Горького) на самом Московском вокзале помещалось Городецкое подворье. Там и поселился Владыка и прожил немногим более года. Было там очень шумно и беспокойно, подворье выходило прямо на железнодорожные пути.

В мае 1921 года Владыка снова был арестован. Живя в Канавине, он часто служил в Сормове (по близости расстояния). Тут, как и везде, народ очень расположился к нему. Арест Владыки вызвал трехдневную забастовку Сормовских заводов. Пообещали его выпустить, а вместо

того отправили в Москву: сначала на Лубянку, а потом он некоторое время находился в Бутырской тюрьме, после чего был переведен на Таганку. Там в то время собралось до двенадцати архиереев и много простого духовенства. Мы приносили им туда просфоры, облачения, и они в камере совершали соборную службу. Мой дядя, Павел Тимофеевич Соколов, сидевший в то время, рассказывал: "Станут столько архиереев, а столик маленький, служебники положить негде. А дьякона нет ни одного. По положению должен первую ектению читать старший, и вот митрополит начинает Великую ектению, и дальше все архиереи по старшинству читают ектении по очереди".

В Таганской тюрьме Владыка заболел от истощения и попал в больницу. У него сделались фурункулы на голове. В конце июля Владыку назначили на этап в Петроград. Перед отправкой дали свидание. Мы пришли втроем: жена его брата, его духовная дочь В. Н. и я. Владыка сказал нам, что он договорился, чтобы мы вышли раньше и дожидались за углом, когда их выведут, и тогда подошли к ним. Его вывели вдвоем с каким-то мужчиной. Мы подошли и вместе с ними шли под конвоем до самого вокзала. Там их ввели в вагон, потом снова выпустили, и Владыка провел с нами несколько часов, до самого отправления, находясь в тамбуре вагона.

Много тут он нам рассказывал, но я уже плохо помню, ведь прошло с того времени почти

шестьдесят лет. Рассказывал все с самого начала, как его арестовали и спустили в какой-то подвал, где все находились вместе — мужчины и женщины. Что там творилось — вообразить невозможно. Потом рассказывал, как переводили из Бутырок в Таганку. С плачем прощались с ним все заключенные, даже вышли все надзиратели. "Я вспомнил, — говорил Владыка, — прощание апостола Павла". Потом рассказывал, как сидел на Лубянке с каким-то моряком. Было томительно сидеть без всякого дела, и они сделали себе бирюльки из битого стекла и растаскивали их соломинками. Конечно, сидели они не молча. Владыка нигде и никогда не переставал проповедовать. В конце концов Владыка снял с себя крест и надел на матроса. Вообще, когда он находился в заключении, мы не успевали посылать ему кресты. Владыка обращал людей к вере, снимал с себя крест и надевал на обращенного. (В то время в тюрьмах еще кресты не снимали.) Помню, как в заключении Владыка сказал: "Я хотел бы открыть вам и показать свое сердце, как страдания очищают душу".

В Петрограде Владыка просидел до декабря, и 23 числа, на Анастасию Узорешительницу, был выпущен и сразу приехал в Москву. Всенощную и обедню на Рождество служил в Марфо-Мариинской общине, а на второй день праздника — в Храме Христа Спасителя. В эти дни он получил назначение в Тверь, снова викарием — епископом Стариковским, и опять поселился в

Жолтиковом монастыре, где в 1918 году был настоятелем. В Жолтикове он завел те же порядки, что и в Печерах. Народ помнил его и встретил с радостью.

В это время архиепископ Евдоким совместно с митрополитом Сергием написал воззвание к верующим с призывом сдавать церковные ценности в помощь голодающим Поволжья (в 1921-22 годах там была засуха и страшный голод). Воззвание это привезла Владыке дивеевская монахиня мать Маргарита. Помню, в Прощеное воскресенье Владыка его прочитал и сказал про арх. Евдокима: "Я так этого и ждал. А митрополит Сергей глуховат: он слышит, что надо слышать, и не слышит, чего не надо слышать".

Управляющим Тверской епархии был в то время епископ Александр. Он присоединился к составителям возвания. Это было начало обновленчества.

В Жолтикове Владыка пробыл меньше года и после Архангела Михаила снова был арестован и послан в Москву. С ним вместе были привезены епископ Феофил Новоторжский, архимандрит Вениамин (молодой, двадцати одного года), архимандрит Иннокентий и несколько священников. Всю зиму их продержали в Бутырках, затем перевели в Таганку и как раз на стояние Марии Египетской в четверг на пятой неделе поста 1923 года отправили с большим этапом в Ташкент. Перед отправкой дали личное свидание. Голова у Владыки была забинтована. Помню, я

сидела около Владыки и целовала его руку. С тем же этапом отправляли много рецидивистов; был усиленный конвой, и на Казанском вокзале не позволяли даже близко подойти. Там видела я Владыку в последний раз.

Из Ташкента его отправили в ссылку в Перовск (теперь Кзыл-Орда). Там он пробыл больше года. Летом 1923 года был выпущен Святейший Патриарх Тихон. Он подал список архиереев, без которых он не может управлять Церковью, в их числе был и Владыка Петр. В конце лета 1924 года он вернулся в Москву. Тут ему временно пришлось управлять Московской епархией, а 16 июля 1925 года он прибыл в Воронеж в помощь Митрополиту Владимиру, а по смерти последнего, 24 декабря 1925 года, был назначен в Воронеж архиепископом Воронежским и Задонским. Тут уж Владыка со всей силой развернул свою деятельность. Он служил, проповедовал, собирая тысячи народа. В нем была особенная, благодатная сила, которая притягивала к нему людей. Он был совершен в ревности и в любви к Богу, в жалости и в любви к людям.

Владыке были предложены на выбор две епархии: Нижегородская и Воронежская. Владыка выбрал Воронежскую, так как всегда особенно почитал святителей воронежских Митрофана и Тихона и архиепископа Антония.

В Воронеже Владыка не был близок с духовенством, но был особенно близок с народом, которого собиралось на его службы великое

множество. При нем началось почти поголовное возвращение духовенства из обновленчества.

В Воронеж Владыке сопутствовал о. архимандрит Иннокентий. Близость с ним у Владыки началась еще в Твери. Отец Иннокентий тихий и кроткий во всем был Владыке ближайшим помощником. Из Воронежа Владыка посылал о. Иннокентия в Саров и Дивеево за нотным акафистом преп. Серафиму и служил в Воронеже этот акафист каждую среду.

В свое время блаженная Прасковья Ивановна предсказал ему три тюрьмы. Три тюрьмы уже прошли, и поэтому Владыка не стал больше ничего бояться. "Четвертой не будет". Дивеевская блаженная Мария Ивановна через мать Маргариту остерегала его: "Пусть Владыка сидит тихо, а то Царица Небесная от него откажется", но он, помня слова блаж. Прасковьи Ивановны, не обращал на это внимания. Наконец, 16 ноября 1926 года его все-таки арестовали, отправили в Москву, а оттуда на 10 лет в Соловки. Когда Владыку провожали в Москве на Северном вокзале, он закричал: "Есть ли тут дивеевские?" Там были две дивеевские сестры. Он сказал им: "Передайте от меня поклон блаженной Марии Ивановне".

Владыка прибыл на Соловки весной 1927 года. В то время там было в заключении много архиереев, духовенства и монашествующих.

На Соловках Владыка находился первоначально в 6-й роте роте IV отделения в стенах

кремля (монастыря); затем был переведен в 4-ю роту. Там он навещал и похоронил о. Иннокентия, скончавшегося 24 декабря ст. ст. 1927 года.

В 1928 году Владыка был переведен на Анзер в VI отделение. Там он работал счетоводом на складе (в каптерке), где работали одни священники.

Владыка писал с Анзера, что живет в уединенном, пустынном месте, где мало видит людей и чувствует себя пустынником. Там в уединении он составил акафист преп. Герману Соловецкому и посылал его на проверку в Москву.

С Анзера Владыка писал, что скорбит, что удален от могилки о. Иннокентия. Также вспоминал своего бывшего келейника о. Серафима, ранее скончавшегося в Нижегородском Печерском монастыре, — "что они были с ним связаны взаимной любовью". Вспоминал и просил разыскать своего келейника о. Пафнутия, бывшего тогда еще в живых, и просил передать ему свое благословение. Отец Пафнутий, как я помню, всегда толковал Владыке значение снов.

Сохранились копии целого ряда писем, написанных Владыкой с Соловков.

Далее привожу рассказ монахини Арсени, бывшей в Соловках вместе с Владыкой.

При разгоне Соловецкого монастыря, так как там были совершенно особые климатические условия, начальство предложило желающим

монахам остаться в монастыре вольнонаемными. 60 человек монахов согласились. Им оставили церковь на кладбище в честь преп. Ануфрия Великого. Ежедневно там совершались службы: с 6 часов вечера всенощная и в 4 часа утра — Литургия.

Сначала начальство было более снисходительно. Заключение епископы и священники жили отдельно, также и монашенки. Они посещали все церковные службы. Все верующие работали в дневную смену. В 4 часа утра служилась обедня до 6 часов утра. В 6 часов утра был общий подъем и поверка, и после этого Владыка шел в хлеборезку. Он благословлял хлеб, а священники резали его и раздавали пайки. В 6 часов вечера, после конца работы, начиналась всенощная. Владыка всегда читал шестопсалмие. В восемь вечера всенощная кончалась. Поверка, отбой, и все ложились спать.

Владыка находился в центре монастыря в кремле. Те верующие, которые находились на Анзере (остров), приезжали в Соловки причащаться. В Соловках была сильная грязь и были проложены деревянные мостки для пешеходов. Рассказывали, что начальство настолько уважало Владыку, что при встрече с ним сходили в грязь, уступая ему дорогу.

Но начальство переменялось. Прислали нового — сына священника (Успенского). Он сразу снял с церкви кресты. Владыка в это время обратил к православной вере и крестил в святом озере

эстонку. За это он был отправлен в штрафную командировку на остров в Троицкое. Там начался повальный тиф.

Еще рассказ матери Арсения.

Там вправо по мостику Кипрская. По преданию, Петр Великий, когда выстроил первый ботничек и поехал в нем по Белому морю, служил там благодарственный молебен. Слева — скит Анзер (преп. Елеазара). Не доходя скита, ветхая избушка и часовня во имя Успения Божией Матери, на месте явления Божией Матери преп. Елеазару и Иисусу. В часовне было написано, что при явлении Матерь Божия сказала:

”На этом месте пусть будет сооружен скит во имя Страдания Моего Сына. Пусть живут 12 иноков и будут все время поститься, кроме субботы и воскресенья. Придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий, как мухи”.

Там и основан был скит Голгофа.

Когда начался тиф, в скиту помещился госпиталь. Владыка заболел тифом и был привезен в госпиталь. Там он болел 14 дней. Владыка перенес бы болезнь, но он не принимал пищи. Мать Арсения находилась в то время на пристани, и у нее хранились вещи Владыки. К больному Владыке приехал из Соловков иеромонах и приобщил его Святых Тайн. Мать Арсения неоднократно присылала Владыке хранившуюся у нее его постригальную свитку, но он

отсылал ее обратно. В день его кончины пришла к ней сестра-хозяйка. Сказала, что в болезни наступил перелом; Владыка должен бы поправиться, но он ничего не кушает. Мать Арсения спросила: "В чем он лежит?" — "В казенной короткой рубашке". Тогда мать Арсения опять послала свитку, которую Владыка хранил на смерть (для дня кончины). Когда ему подали ее, он сказал: "Как к делу она послала ее. Теперь оботрите меня губкой. Обмывать меня нельзя". На Владыку надели свитку, и в ней он скончался.

В одной палате с Владыкой лежал ветеринарный врач, его духовный сын. В день владыкиной смерти, в 4 часа утра, он услышал шум, как бы влетела стая птиц. Открывает глаза и видит св. великомученицу Варвару со многими девами. Она подошла к постели Владыки и причастила его Святых Тайн. Среди сопровождавших ее дев ветеринарный врач узнал св. мученицу Анисию и великомученицу Ирину. Он рассказал об этом Владыке Архиепископу Полтавскому и другим.

В тот же день, в 7 часов вечера, Владыка скончался. Перед смертью вечером он все писал на стене карандашом: "Жить я больше не хочу, меня Господь к себе призывает". И так несколько раз. В последний раз написал "не" — и рука упала; Владыка скончался 50-ти лет отроду. Это было на праздник Царицы Небесной "Утоли моя печали" — 25 января 1929 года, в семь часов вечера.

Когда Владыка скончался, его вынесли в морг. Владыка лежал в свитке, и его хотели похоронить отдельно. (Когда начался тиф, то с осени вырыли большую яму и туда складывали всех покойников, а сверху яму закрывали срубленными для этой цели елями.) Но приехал начальник и велел положить его в общую могилу. Его отнесли и положили с краю, прикрыли деревцем. Местный начальник никак не разрешал хоронить его отдельно. Тогда заключенные подали заявление с просьбой разрешить. Наконец разрешили.

Хоронили Владыку на пятый день. Был выходной день, воскресенье. Еще когда Владыка только что заболел, ему прислали все малое облачение: мантию и малый омофор. Когда получили разрешение хоронить отдельно, то сразу погасили бывшие у Владыки денежные квитанции и купили продуктов на поминки. Всю ночь готовили. В хозчасти сделали в мастерской гроб за 8 руб. 60 коп. Панагию написали на кипарисе, — всю ночь писали. В 5 часов утра пошли в хозчасть в Анзер за 4 версты, там в каптерке (склад) отпели Владыку и все облачение сложили в гроб и повезли. Четыре человека шпаны в это время копали могилу. Подъехали, открыли общую могилу. Все умершие лежали черные, а Владыка лежит, как Спаситель, в рубашечке, со сложенными на груди руками, белый, как кипельный. На лице были елочки насыпаны. Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на земле

облачать. Весь он был белый, мягкий, как будто бы вчера только умер, только одна нога больная почернела (еще когда в Белеве он осматривал монастырскую постройку, ему на ногу упал кирпич; она всегда у него болела.) Облачили Владыку в мантию лиловую, новую, и во все новое облачение. На ножки туфельки бархатные (сшили ночью, всю ночь работали). Пропели: "Да возрадуется душа твоя о Господе" и стали влагать Владыке в руки молитву. И все три батюшки расписались. Мать Арсения спросила: "Почему вы расписываетесь? на молитве ведь не расписываются?" Они ответили: "Если время переменится, выйдет Владыка мощами, будет известно, кто его хоронил". (Рукопись подписали: архимандрит Константин Алмазов (Петербург), Барнаульский о. Василий и о. Димитрий из Твери.)

Похоронили Владыку* ... Владыка умер от тифа последним, после него никто уже не умирал. Тиф кончился и настало тепло.

Один из хоронивших Владыку священников, будучи проездом в Москве, рассказывал, что когда похоронили его и зарыли уже могилу, вдруг над могилой явился столп света и в нем Владыка, и он их благословил.

* Автор воспоминаний считает несвоевременным публиковать описание места захоронения Владыки Петра. — Прим. сост.

После смерти Владыки вещи его раздали батюшкам, а панагию с Тайной Вечерей (перламутровую) Владыка завещал архиепископу Илариону. Но владыка Иларион уже в это время скончался от тифа в Ленинградской тюрьме, во время пересылки в Казахстан.

Еще рассказывали, что перед этим временем Владыка стал видеть сны (он любил толковать сны). Он писал в Москву, что сны предвещают ему скорое освобождение.

Владыка очень тяжело переживал заключение. Он имел очень живой, подвижной характер, а заключение его кругом связывало. Когда же заболел, то понял, что сны эти не к освобождению, а к смерти.

В голгофском госпитале врачом был татарин и санитары тоже были татары. Ранее как-то Владыке пришлось находиться вместе с ними. Они объявили (держали) голодовку, а Владыка получал много посылок и ими поддерживал их. Помня это, они за ним усердно ухаживали... Помню, рассказывали еще, что, когда Владыка умирал, все инородцы пели молитвы на своих языках.

*

После смерти моей мамы я видела у нее письмо оптинского старца о. Анатолия, с которым она вела переписку. По его благослове-

нию она обращалась к Владыке Лаврентию, предшественнику Владыки Петра (он был расстрелян 23.10.1918 года). После этого мама просила батюшку благословить обращаться к Владыке Петру. Помню ответ старца Анатолия: "Вы просите благословения обращаться к Владыке Петру. Бог благословит. Какая Вы счастливая, что Господь посылает Вам таких мудрых руководителей".

Владыка приехал к нам в феврале, а я попала к нему только в июле. Я привыкла видеть в Печерах Владыку Лаврентия, высокую святую личность, и мне думалось: кто же достоин заменить его? Но меня уговорили, и я пришла в будни на какой-то маленький праздник, ко всенощной (кажется, преп. Антония Печерского) в июле месяце. Стоим в храме, ждем выхода Владыки. Входит он, и я вижу вокруг него сияние. Мне еще не было тогда 16 лет. Это перевернуло всю мою жизнь. А Владыка ранее еще искал меня. Он говорил маме, что хочет знать ее старшую дочь. А мама всегда брала с собой всюду мою младшую сестру. За этой всенощной я села на скамейку впереди, боком к Владыке. Он пристально смотрел на меня (я не знала, а только чувствовала себя очень неловко), и после этого он сказал маме, что он узнал теперь ее старшую дочь: "Она пришла и села против меня".

Вскоре он позвал меня к себе. Он дал мне читать три книжки и велел не просто читать, а так, чтобы каждое слово доводить до сердца.

Вскоре он благословил меня читать в церкви; я не решалась, так как от природы картавлю, но после его благословения стала читать ясно. После этого он подарил мне псалтирь, а после смерти мамы благословил на монашество.

Владыка был истовый монах, любил монастырь и монашество всей душой, особенно Киево-Печерскую Лавру, где и желал всегда окончить жизнь в схиме.

Владыка был от природы очень прост и доверчив, он верил всем людям и от этого много страдал. Посты Владыка соблюдал в точности, по уставу. Мне говорили, что в Воронеже он не ел с маслом в среду и пятницу. Жена брата Владыки рассказывала мне, что она видела его после смерти во сне в их комнате, стоящим в воздухе в ярком сиянии, благословляющим.

Узнала я Владыку Петра в 1919 году, а видела в последний раз в 1923 году, так что мне Господь привел быть в с ним в общении только четыре года. В 1924 году летом перед его возвращением я поступила в Дивеево и больше уже его не видала.

На Соловках Владыка особенно подружился с архиепископом Иларионом. Он даже завещал ему свою перламутровую панагию с Тайной Вечерей, но Владыка Иларион скончался раньше него в Ленинграде в тюрьме при пересылке в Ташкент. Помню, рассказывали, что на Соловках поминали старшего архиерея Соловецким. Старшим был Иларион, а как только его посадили на пароход

(на отправку в этап), в церкви за службой запели Высокопреосвященнейшего Петра, Архиепископа Соловецкого.

Отец Сергей Т р е в о г и н

**ВВЕДЕНИЕ НОВОГО КАЛЕНДАРЯ
НА ЗАПАДЕ И ЧАСТИЧНО НА ВОСТОКЕ***

Прежде чем решить вопрос о достоинстве каждого из этих календарей**, надо установить, какому требованию должен удовлетворять календарь христианских народов.

1. Счет дней недели должен быть семидневный, дни недели должны все время правильно чередоваться.

Этому условию удовлетворяют все три вышеупомянутых календаря.

2. Средняя продолжительность года должна быть близка к тропическому году. Однако нужно

* Глава 5 из книги "Календарь и календарный стиль". Мы принуждены снять в тексте цифры сносок на цитируемые источники, т. к. они, к сожалению, не приводятся. — Ред.

** Разбираются здесь юлианский, григорианский и новоюлианский календари. — Ред.

смотреть не только на точность приближения, но и на удобство пользования. Надо прежде всего установить допускаемую погрешность, то есть разницу между величиной тропического года и средней величиной календарного года. Поясним примером. Положим, что вам дали консервную банку сгущенного молока и попросили определить вычислением объем банки. Если вы будете определять высоту и диаметр банки с точностью до одного миллиметра, а в число π (пи) возьмете десять знаков или больше, то вы проделаете большую, но во многих отношениях ничемную работу. Для числа пи было бы совсем достаточно взять 3-4 значащих цифры. Какая же точность должна быть установлена для определения продолжительности года? Это зависит прежде всего от целей использования этой величины.

Сельскохозяйственные требования.

Положим, что некий научный институт определил срок сеяния ячменя или другой культуры какой-то датой. Положим, что по прошествии всего нескольких лет даты календаря передвинут этот срок на несколько дней, тогда такой календарь непригоден. Но если по прошествии пятидесяти лет или ста лет погрешность не превысит двух, трех или даже и одного дня, то такой календарь можно назвать очень точным.

Для религиозных потребностей точность может быть еще меньшей.

Что касается астрономии, то ее не удовлетворяет счет по этим годам. Она ведет непрерывную нумерацию дней, начиная с 1 января 4713 до н. э. Затем вычисленный "юлианский день" переводится на гражданский календарь, на его дату.

Самый простой и удобный календарь юлианский.

Если № года не делится на 4, то он простой, в 365 дней, если же делится – високосный в 366 дней. Таким образом високосным годом является каждый четвертый через 3 года. Средняя продолжительность года равна таким образом $(365.3 + 366) : 4 = 365,25$. 365 дней это 52 полных недели плюс один день. Поэтому по прошествии одного простого года день недели изменяется на единицу, т. е. вместо вторника среда, вместо среды четверг и т. д. После високосного года день недели изменяется на 2 единицы. Вместо среды будет пятница, вместо пятницы воскресенье и т. д. Легко сообразить, что через 28 лет $(28 = 4 \times 7)$, когда пройдут 7 високосных и 21 простой год, названия дней недели будут прежние. Если например, 16 апреля 1973 года было воскресенье, то через 28 лет в 2001 году 16 апреля будет также воскресенье. Этот период времени в 28 лет называется кругом солнца.

Первый Вселенский собор, определяя время празднования Пасхи, исходил из юлианского календаря. Известный профессор священник Павел Флоренский считал, что юлианский стиль как санкционированный Вселенским собором, никто

не может отменить. Многие астрономы считали введение григорианского календаря ошибкой. Юлий Скалигер (1540—1609) выступал против введения григорианского календаря. Современный астроном Саймон Ньюком (1835—1909) считал целесообразным вернуться к юлианскому календарю. Однако поскольку григорианский календарь во всех странах культурного мира завоевал свое гражданское признание, то трудно отказаться от него в гражданской жизни.

Григорианский календарь введен папой Григорием XIII. Целью введения григорианского календаря было уточнение величины года вместо 365,25 по юлианскому календарю на 365,2425. Эта величина года достигается следующим образом: високосными годами считаются те, у которых число, составленное двумя последними цифрами, делится на 4, но если № года оканчивается на 00 (два нуля), то високосным он будет лишь в том случае, если число сотен делится на 4.

Все григорианские високосные годы будут и в юлианском високосными, но не наоборот. Годы 1600, 1700, 1800, 1900 и 2000 по юлианскому календарю високосные, однако в григорианском из них будут високосные лишь 1600 и 2000.

Новоюлианский календарь, появившийся в 1923 году в Константинопольской церкви и разработанный югославским профессором Миланковичем (1879—1956), положил считать из вековых годов только те за високосные, у которых число в остатке при делении на 9 дает 2

или 6. Таким образом из вековых годов считается не один год високосным за 400 лет, как в григорианском, и не все вековые годы високосными, как в юлианском, а лишь 2 за 900 лет. До 2800 года этот календарь не дает расхождения с григорианским, но далее он расходится. Он является отличным от григорианского в принципе. Средняя величина года по этому календарю 365,24222 суток. Однако Югославия, Румыния и Эллада перешли не на новоюлианский, а на григорианский календарь, хотя автором-изобретателем его был югослав-серб.

Средняя продолжительность года по юлианскому календарю больше тропического года, так что за 128 лет накапливается один день. По григорианскому она меньше. За 3280 лет накапливается один день. По новоюлианскому только за 43.500 лет разница составит один день (новоюлианский год длинней тропического).

Наш богослов о. Павел Флоренский говорит, что "в астрономии мы имеем понятия не одного года, а разных, с различной продолжительностью. Разрешите за церковный год считать юлианский".

В Индии за основу был принят звездный год, который несколько больше не только тропического года, но и юлианского.

Сторонники григорианского и новоюлианского летоисчисления выдвигают следующий довод в защиту этих календарей: они являются более точными. Но по сравнению с чем? Спросим мы. —

С тропическим годом. Но почему именно тропический, а не иной год должен быть мерилом точности? Теоретически можно составить зное число календарей, еще ближе отражающих величину тропического года. Но зачем нам точность ради точности. Разве расхождение в один день за 128 лет является такой величиной, что можно опасаться, что весна вскоре переместится на лето? Если бы даже это и было так, то ничего грозного мы в этом не находим. Ведь празднуют же люди южного полушария Рождество Христово летом, а Пасху осенью по любому из этих трех календарей.

Далее защитники григорианского календаря выдвигают экуменические соображения, чтобы праздновать Рождество Христово одновременно с протестантами и католиками. Но единение на почве календаря — это мнимое единение, уводящее нас только от действительного единения. Нужно единение в догматах, затем в евхаристии, а календарное единение устроится тогда само собою.

Первый Вселенский собор признал недопустимым праздновать Пасху, а также, по видимому, и Рождество, в разные дни разными поместными церквями.

В 1582 году виновник церковного раскола папа усугубил его, когда он односторонне, подобно тому, как ввел прибавку в символ веры, ввел новый календарь. С этого времени даты Пасхи и Рождества в православной Церкви не

стали совпадать с римскими. Неужели нам, православным, надо равняться на римлян?

Никакого неудобства или стимула к перемене юлианского стиля на григорианский у нас нет.

Наконец, говорят, что поскольку все культурные христианские государства живут по григорианскому стилю, надо и нам переходить на него. Условимся наши даты по существующему в нашей стране календарю называть не григорианскими, а новым стилем. Тогда мы в нашей стране празднуем сейчас Рождество 7 января, а Богоявление 19 января по новому стилю, Пасху в 1973 году будем праздновать 29 апреля по новому стилю. По григорианскому же она празднуется 22 апреля в этом году. Какой же смысл переходить с 7 января на 25 декабря или с 19 января на 6-ое января этого стиля? — Никакого. Совершенно другое дело наша современная практика. Мы согласны с Булгаковым С. В., который в своей "Настольной книге для священноцерковнослужителей" на стр. 701—702 (примечание) пишет: Применение нового стиля в одном гражданском летоисчислении, без изменения пасхалии и без передвижения праздников и с одним лишь переименованием чисел применительно к новому стилю (то есть тот день, который теперь помечается 6 января, будет помечаться 19, но остается праздником Богоявления), конечно, особенно не затронет церковных интересов, так как в церковной практике во всей силе остается календарь

юлианский, только праздник Новолетия ("Нового года") совпадает тогда не с праздником Обрезания Господня, а с памятью св. муч. Во-нифатия 19 декабря ст. ст., как это и практикуется, например, в православной Японской церкви*, которой приходится пометать свои праздники новым стилем, действующим в Японии.

Было бы, конечно, вполне разумно и целесообразно перепечатать все богословские книги (минеи, месячные и праздничные, типикон, следов. псалтирь, месяцесловы и проч.) в переводе на новый стиль. Такой перевод будет (разница 13 дней) действителен до 2100 года, после чего даты придется перемещать еще на один день до 2200 года и т. д. Так, например, в 2101 году православный праздник Богоявления будет приходиться не 19 января нового стиля, а 20 января. Но это еще остается более 100 лет. Конечно, перепечатывать книги даже и один раз в столетие есть некоторое неудобство, а подчас, как, например, сейчас, просто невозможно. Приходится пока довольствоваться церковным календарем, издаваемым патриархией с двойными датами, а где нет такого календаря, самим

* Правительство Японии гражданский новый стиль ввело в 1873 году. С этого года развернулась и деятельность святителя Николая (Касаткина). Он прибыл в Японию в 1860 г., рукоположен во епископа в 1880 г.

вносить соответствующие отметки в богослужебные книги.

Для астрономов дни недели не имеют значения. Для христиан они имеют значение первой важности. Было разработано, да и сейчас разрабатывается много проектов календарей. Христиане не могут допустить календаря, где бы дни недели не имели правильного чередования. Поэтому на ООН были отвергнуты все те проекты, где дни недели прикреплялись к числам или обходились вовсе без недельных дней. Мы помним пятидневки, когда на Пасху был рабочий день, когда дней недели не существовало в гражданском быту, мы знаем и сейчас, что такие великие праздники как Рождество, Крещение, Вознесение, Преображение и т. п. не празднуются в гражданской жизни, тем не менее христиане, хотя и выходят на свою гражданскую работу в эти дни, на душе у них праздник. В стесненных обстоятельствах мы лучше познаем, что праздник заключается не в винопитии, не в безумном веселии, но в радости духовной о Духе Святом и мире. Некоторые гражданские праздники приходится на дни нашего поста; как, например, зачастую праздник 1 мая. Неужели нам из-за этого переносить праздник Пасхи? — Да не будет. Как в первое время христианской Церкви, церковные праздники были лишь праздниками общины Христовой, а не гражданского общества, так и теперь. Нам кажутся смехотворными доводы защитников перехода на григо-

рианский или новоюлианский стиль, что новый год придется в мясоед и не будет тогда пьянства и разгула в рождественский пост. А старый стиль якобы "вел к нарушению правил воздержания в предрождественские дни".

Протоиерей Наумов из Польши мотивировал свой переход на новый (григорианский) стиль тем, что много смешанных браков и дети от них разного вероисповедания (римо-католического), кроме того, говорит он, "люди работают на фабриках, заводах и в учреждениях. Если праздновать праздник по старому стилю, то многие лишаются возможности присутствовать в церкви, так как в этот день должны быть на работе". С другой стороны, он замечает, что на празднование "Зимнего Николая" по новому стилю приехало на заказанных машинах очень мало людей, половина из транспорта вернулась порожняком. Люди были недовольны и заподозрили, что "батюшка их будет вводить в католичество".

Люди наши в Советском Союзе тоже работают на фабриках, заводах и в учреждениях. Кустарей и единоличников остались единицы, во всяком случае меньше, чем в Польше. Мы привыкли к тому, что соседи шумно празднуют день Конституции, а мы по гражданскому в будний день, накануне, справляли день Введения во храм Пресвятой Богородицы. Большей частью во время гражданских праздников у нас будни или пост. Не отодвигать же среду или пятницу, если

они приходится в дни октябрьских или майских праздников. Наши же великие церковные праздники всегда, за редкими исключениями, приходятся в будни. Но мы считаем, что никакого ущерба в христианском благочестии мы от этого не имеем. Нужно только по-христиански праздновать праздники, а не по-язычески. Наоборот, если 1 мая совпадает со днем Пасхи или приходится на пасхальной неделе, то это может подвергнуть искушению праздновать этот день не в радости духовной, а в светских удовольствиях и увеселениях.

Протоиерей Наумов говорит, что в западных странах православные дети размещены в толще католического населения. На Рождество устраивается елка, приуроченная к 25 декабря (н. ст.), очень пышно обставленная. Дети получают подарки. Если им сказать, что это не их праздник, то православные дети лишаются того, что имеют все остальные.

Архим. Дионисий Лукин (ныне епископ) говорит: "В Амстердаме ввели поголовно новый стиль. Для рядового голландца совершенно невозможно праздновать по старому стилю... Мы получили разрешение от святейшего патриарха выбрать, как нам удобнее, и одни праздники (очевидно, подвижные) празднуем по старому стилю, а другие по новому". Мы не можем здесь не заметить, что в нашей стране гражданская елка устраивается 1 января, даются подарки детям, однако это не мешает нам и на-

шим детям справлять Рождество 7 января по новому стилю (то есть 25 декабря старого стиля).

Приснопамятный и всеми православными чтимый митрополит Антоний Петербургский (Вадковский) говорит: "Юлианский календарь в применении его к церковной практике во всех случаях является надежным якорем, который удерживает православных от окончательного поглощения миром инославным, является как бы знаменем, под которым чада Православия собираются воедино. Позволение одним из православных чад отделиться от нас в церковной практике и идти в согласии с инославными, при всей кажущейся пользе и без различия догмата, может иметь в будущем нежелательные и даже пагубные последствия для Вселенской Церкви и может послужить оружием в руках ее врагов, которые под предлогом якобы интересов православных народов, издавна ополчаются на вселенское единство".

На первом Вселенском Соборе, установившем празднование Пасхи по юлианскому календарю и тем самым санкционировавшем юлианский календарь, говорилось: "Здесь рассуждаемо было о дне Святейшей Пасхи, то по общему мнению признано было лучшим праздновать оную всем и везде в один день, ибо что может быть благолепнее и приличнее для нас, как не всем по единому уставу и известным образом непогрешительно праздновать". "Посему с общего со-

гласия постановлено совершать святой праздник Пасхи в один и тот же день”.

Таково постановление первого Вселенского Собора. Оно совершенно точно и ясно: праздновать всем только в один день, не иначе. Можно было ранее, и это разрешалось, праздновать Пасху в разные дни. Как известно из церковной истории, было такое время, когда в Малой Азии и в Риме Пасха праздновалась в разные дни, первые праздновали в 14-й день месяца нисана (почему назывались четырнадцатниками), а в Риме в воскресенье после полнолуния. Тем не менее, эти церкви были в каноническом общении друг с другом. Первый Вселенский Собор положил конец такому ”разнобою”. ”Только всем в один день” – стало законом. Те, которые продолжали упорствовать, совершать Пасху на 14-й день, отлучались от Церкви. Когда каялись, то принимались обратно наряду с такими еретиками, как ариане, македоняне и прочие. (Правило 7-ое 2-го Вселенского Собора и правило 95-ое Трульского.)

Первое правило Антиохийского собора ”налагает самые тяжелые наказания на всех тех, будь то миряне или духовное лицо, кто не пожелает подчиниться определению Никейского (Вселенского) Собора; при этом мирянин подлежит отлучению и исключению из Церкви, а духовные лица, епископы, пресвитеры и диаконы, – извержению”, говорит еп. Никодим Далматинский.

Защитники нового календаря выдвигают тезисы: "Ничего не дает для установления сущности постановление первого Вселенского Собора о праздновании Пасхи", – говорят одни. Другие ссылаются на то, что вопрос о календаре, о времени празднования праздников, не есть догматический, а поэтому якобы постановление Вселенского Собора не обязательно, забывая слова преп. Серафима: "Горе тому, кто слово убавит или прибавит к тому, что положено на семи Вселенских соборах".

У нас в советской стране есть семьи, где крещенные дети живут вместе со своими некрещеными братьями, верующие вместе с неверующими, иногда даже из одной семьи выходит священнослужитель и антирелигиозный пропагандист. Но никому из-за этого не приходило в голову перенести Рождество на 1-ое января, чтобы елка и подарки были общими.

Говорят еще так, что постановления Вселенского Собора касаются одновременного празднования св. Пасхи, а на празднование неподвижных праздников это постановление якобы не распространяется. Но разве Рождество Христово – наш величайший праздник – не является тоже Пасхой?

И Рождество до некоего времени праздновалось одновременно на Востоке и на Западе. Но когда при святителе Иоанне Златоусте Церковь приняла решение всюду праздновать этот день в

одно время (25 декабря ст. ст.), это стало законом.

Если папа не постеснялся сделать добавку к символу веры вопреки правилу третьего Вселенского Собора, то ему ли стесняться с календарем? Некоторые думают, что переходя на григорианский стиль, они сближаются с инославными, делают им более удобной возможность присоединиться к Православию, а — получается наоборот. Переход на новый стиль западная пропаганда всегда рассматривает как частичное признание православными истины и непогрешимости Римской церкви. Экуменисты хотят единения, а не присоединения. Они хотят быть истинной церковью без признания того, что в настоящее время они находятся вне Церкви.

Совещание глав автокефальных церквей отметило: "Одностороннее введение нового Григорианского (то есть новоюлианского) календаря в некоторых поместных церквах и сохранение старого стиля другими поколебало единство церквей и внесло тяжелые потрясения в жизнь тех из них, которые так легко приняли новый стиль".

Мы можем добавить, что за римским новым стилем все равно им не угнаться. Римо-католики постоянно передвигают свои праздники с одного числа на другое. Календарное совпадение будет неполным из-за других дат, а также из-за того, что католики почитают святыми тех, кого не почитает православная Церковь, и наоборот.

Некоторые праздники Римской церкви празднуются в ту же самую дату (но не в тот же день, конечно), что и в Православной, как-то: Рождество Христово, Рождество Пресвятой Богородицы, Обрезание, Богоявление, Благовещение, Преображение, Усекновение главы св. Иоанна, Зимний свят. Николай и т. д.; но многие праздники изменяли свою дату; так, например, память вел. муч. Георгия праздновалась ими в разные века по-разному: 23, 24 и 25 апреля. Память св. Маргариты (Марины) 20 июля, затем 12—20 июля. Благодаря таким передвижениям дат, оказались дни празднования святых следующими: великомученица Екатерина 25 ноября (вместо 24 ноября), Зачатие св. Анны 8 декабря (вместо 9 декабря), день первомученика Стефана 26 декабря (вместо 27 декабря), апостола Иоанна Богослова 27 декабря (вместо 26 сентября), память 14.000 младенцев 28 декабря (вместо 29 декабря), св. папы Сильвестра 31 декабря (вместо 2 января), память святого Григория Двоеслова 11 марта (вместо 12 марта), св. Тибурция и Валериана 14 апреля (вместо 22 ноября), поклонение веригам ап. Петра 1 августа (вместо 16 января), св. ап. Варфоломея 24 августа (вместо 25 августа) и т. д. Но это не все. Трудность состоит не только в согласовании дня празднования тех или иных святых. А как быть с празднованием дня Игнатия Лойолы, которого римляне признают святым, а православные прелестником? Фома Аквинат с точки зрения

римлян величайший богослов, а с православной — еретик. И наоборот, в греческой Церкви к лику святых причислены св. Фотий обличитель римлян (в IX веке), св. Марк Ефесский известный борец против Флорентийской унии, св. Григорий Палама обличитель римского раскола и, в частности, Фомы Аквината. В русской Церкви известны святые, порвавшие с Римом: св. Антоний Новгородский римлянин, Исидор Ростовский, Проконий Устюжский, обличитель римлян святитель Феодосий Черниговский и т. д. Как же можно совместно Православной и Римской церквям праздновать памяти этих святых. Тут дело не в календаре, а гораздо глубже!

Болгарский архимандрит Мефодий сказал: "Исконному православному знамени изменила Вселенская патриархия (точнее Константинопольский патриарх) при явном модернисте — политикане Мелетии IV, который на квази* всеправославной конференции в мае-июне 1923 г. одобрил для общеправославного употребления разные календарные реформы". Вместо единения получилось разъединение.

Новоюлианский календарь принципиально отличен от григорианского, хотя совпадает с ним в датах на первое время до 2800 года. Но

* Квази значит будто бы, как будто, иными словами конференция была лжеправославной.

совпадение не есть единение. В информации, поступающей к нам из "Журналов Московской патриархии" и другой печати, невозможно бывает установить, на какой же стиль перешла та или иная местная община — на новоюлианский или на григорианский, так как большей частью все они называют свой календарь "новым стилем".

Богослов Иерусалимской патриархии Цирпанлис (по-видимому, в 1969 году) пишет: "Христиане Запада и Востока праздновали Пасху одновременно до тех пор, пока в 1582 году в Риме не был введен григорианский календарь. Православие сохраняет древние пасхальные определения и после принятия рядом православных церквей григорианского (новоюлианского?) стиля".

В другом месте журнал сообщает: "В 1923 году Константинопольское совещание приняло новый календарь, пока совпадающий с григорианским, сохранив празднование Пасхи по юлианскому календарю".

Но это только мечты этих авторов. Действительность показывает другое. За отступлением в малом (если бы можно было это назвать малым) следует и отступление в великом. Журнал информирует:

1. В Константинополе Рождество справляется по новому стилю.

2. Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Элладская церкви справляют непо-

движные праздники по новому (?) стилю. Иерусалимская и Русская по старому.

3. "Ради церковной пользы разрешается Аргентинской и Южноамериканской епархиям справлять неподвижные праздники по новому (?) стилю".

4. По примеру Финляндии и Голландии разрешить в Швейцарии неподвижные и подвижные праздники Пасхального круга праздновать по новому стилю. Дается ссыла на практику древней Церкви, "когда Восток и Запад праздновали Пасху по-разному".

5. Переход Болгарской церкви на "исправленный юлианский календарь" (в 1969 г.).

6. Подворье Московской патриархии в Софии переводится на этот календарь.

7. Митроп. Пимен (ныне патриарх) на римском пасхальном богослужении в г. Москве по григорианскому стилю.

8. Бейрутскому подворью Московской патриархии праздновать неподвижные праздники по новому стилю (очевидно, новоюлианскому).

9. С благословения Константинопольского патриарха Григория 7-го во всех храмах Польши вводится новый стиль с 1924 г., вопреки предупреждению патриарха Тихона.

10. В храмах Финляндии, состоящих в юрисдикции Московской патриархии, действует старый стиль. В других приходах — новый. В прошлом (?) отношения с "новостильниками" были весьма прохладными (мягко сказано); мо-

нах Иувиан прямо говорит об уклонении в "новостильную прелесть".

На совещании глав представителей автокефальных церквей говорилось:

"Мы видим, что одни православные автокефалии руководствуются в церковной жизни старой, освященной веками, юлианской системой, другие ведут счет неподвижных праздников по "исправленному" юлианскому (новоюлианскому) календарю, а третьи по новому григорианскому стилю празднуют св. Пасху и неподвижные праздники (новоюлианский календарь не выработал правил для празднования св. Пасхи) (проф. Георгиевский). Католики воспользовались этим фактом, чтобы развить свою пропаганду в подрыв Православию, как будто бы нетвердому в своих церковных основаниях и долженствовавшему подчиниться папистической незыблемой непогрешимости.

Наиболее склонные и близкие к нам англикане, на которых особенно рассчитывал этим своим календарным новаторством Мелетий IV, отнеслись к нему скептически и справедливо видели пресмыкание перед ними, между тем они сами стремились подать руку Православию, чтобы соединиться с ним в его традиционной неизменности. Там, где Мелетий IV вообще вмешивался неканонически и неблагоприятно, эта календарная проекция до такой степени обострила церковные и политические отношения, что в Финляндии на этой почве произошли настоящие

гонения; в Польше украинские, русские и белорусские депутаты сейма и сената обратились с открытым письмом протеста против введения нового стиля в Православной Церкви, к ее главе, Варшавскому митрополиту Дионисию, требуя от него, чтобы он подал в отставку, а в Эстонии начали поднимать вопрос о государственной неблагонадежности "старостильников". В самом Константинополе реформа пробила себе дорогу не сразу, а в Афинах, вопреки принятию ее синодом и формальному объявлению архиепископом Хризостомом (?) 1 марта 1924 года, она вызвала резкие протесты, которые грозили церковными осложнениями".

"Итак, — говорит архимандрит Мефодий, — мы видим повсюду смуты и соблазны, озлобление и враждебность, как результат календарного модернизирования".

"Для чего же нужно т о ч н о е уравнивание гражданского (и тем более церковного) года с астрономическим? Обдумавши это внимательно, мы едва ли найдем достаточное основание для этого. В самом деле многие столетия потребны для передвижения весеннего равноденствия к последним числам февраля. А доколе оно не выходит из числа весеннего месяца марта, дотоле наш календарь не представляет каких-либо неудобств и по своей простоте имеет преимущества перед Григорианским. Принимать же что-нибудь неправильное и неосновательное только по одному тому, что оно принято наро-

дами Запада, православным вовсе не следует” (слова проф. Голубинского Д. Ф. — специалиста по богословию и математике).

Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. предложил проф. Лебедеву Д. А. изучить некоторые проекты. Он же, по соображениям научно-астрономическим, церковно-каноническими техническим, решительно засвидетельствовал пагубность всякого сближения с григорианским стилем, отдавая безусловное преимущество юлианскому. Принимая все соображения, высказанные им, Московский поместный собор (1917–1918, в 7-м отделе) принял решение держать и сохранять старый стиль (календарь) как для церковного употребления, так и для богослужебной практики.

В двадцатых годах нашего двадцатого века появились обновленцы, которые на своем раскольничьем соборе 5 мая 1923 г., заслушав доклад “митрополита” Антонина, известного экстравагантного деятеля тех времен, о календаре, постановили ввести григорианский стиль с 12 июня 1923 года, выкинув 13 дней перед этой датой. “А именинники как хотят, пусть празднуют, когда им угодно”, сказал Антоний.

Народ ответил тем, что перестал ходить в храмы, где служили по новому стилю, несмотря на то, что государство отмечало нерабочими днями до 1930 года такие религиозные праздники как Рождество, отмечая их в календаре по новому стилю (Рождество — 25 декабря). Не пожелал

народ праздновать такое Рождество и без всякого постановления, "втихую" пришлось обновленцам опять перейти на старый календарь, празднуя Рождество 7 января по новому стилю.

В 1923 году (июнь) патриарх Тихон был освобожден из заключения. Ему дали неверную информацию, что будто все до одной православной церкви перешли на новый стиль и ожидают этого шага с его стороны. В сентябре месяце были на домах и заборах г. Москвы расклеены небольшие листочки бумаги, отпечатанные в типографии, где за подписью патриарха Тихона говорилось о введении нового стиля в Русской православной церкви. Однако ввести его оказалось невозможным "по причине сопротивления народа". Патриарх Тихон вскоре узнал, что он был введен в заблуждение и новый стиль был отменен.

Патриарх Алексий, на совещании глав автокефальных церквей, принял резолюцию: "Совещание считает обязательным для всего православного мира совершать праздник Святой Пасхи только по старому юлианскому календарю согласно Александрийской пасхалии". Что же касается неподвижных праздников, то ввиду существовавшего уже к тому времени разброда в этом вопросе, Совещание оставило этот вопрос на совести каждой автокефальной церкви, разрешив по существу пользоваться каким угодно календарем.

"Каждая автокефальная церковь может поль-

зоваться существующим в этой церкви календарем”.

Это был большой шаг назад. На практике же дело пошло гораздо дальше. Патриарх Алексей, чья подпись стоит первой под этой резолюцией, нашел возможным разрешить кое-каким из подведомственных ему приходов переходить на григорианскую пасхалию, вопреки данной резолюции. Мы уже говорили, что священник Павел Флоренский считал в принципе невозможным изменять календарь, принятый Вселенским Собором. Другие говорят, что ни главы автокефальных церквей, ни их синоды, ни поместные соборы не вправе отменить юлианский календарь, но только Вселенский Собор, правильно избранный из представителей клириков и мирян всех без исключения православных церквей, может это решить.

Одним из главных недостатков современной церковной жизни является превышение своих прав. Мирянин присваивает часто то, что можно и должно делать только священнику. Священник делает то, что подсудно только епископу (например, разводит церковный брак, венчая другой раз, отменяет пост для кого-нибудь и т. д.). Епископ решает дела, подведомственные собору. Синод отменяет решения поместного собора. Поместный собор не считается с решением прежнего собора, прошедшего в большем составе, считает возможным отменять даже постановле-

ния Вселенских соборов и выносить их на обсуждение на поместном.

Яркий пример тому дали обновленцы, решая на своем соборе такие дела, как второбрачие духовенства, подчинение клира епископу и т. д., вопросы, давно решенные на Вселенских соборах. Не к этому ли разряду относится и календарный вопрос? Решения Константинопольского собора 1923 года, поэтому, неканоничны, даже в пределах Константинопольской церкви.

Посмотрим на календарный вопрос с астрономической точки зрения. Астрономы давно отказались от григорианского календаря и ведут свой счет "по юлианским дням Скалигера". Когда же нужно, то переводят их на юлианский или на григорианский.

Скажем о днях Скалигера несколько подробней. Юлианский год, как известно, имеет периодичность четыре (через три на четвертый бывает високос), периодичность лунного цикла 19 (об этом скажем позднее), периодичность дней недели 7. Еще встречается одна величина в нашем церковном календаре: это — индикт. Он имеет порядковые номера от 1 до 15 (периодичность 15). К пасхалии он отношения не имеет. Желая ознакомиться с ним пусть посмотрит Четьи-Минеи на 1 сентября.

Эти числа 4, 19, 7 и не только взаимнопростые (не имеют общего делителя), но и попарно взаимнопростые. Общее наименьшее кратное их, то есть произведение чисел $4 \times 19 \times 7 = 532$.

532 года это большой период времени, называемый индиктион, когда повторяются не только дни недели, дата полнолуния или возраста луны, но и дата Пасхи. Если в 1973 году дата Пасхи 16 апреля ст. ст., то через 532 года в 2505 году дата Пасхи будет та же. Однако № индикта будет другой. Если 532 умножить на 15, то получим $532 \times 15 = 7980$ лет. Это и есть эра Скалигера* или юлианский период. За начало счета дней Скалигер положил 1 января 4713 года до нашей эры. Счет дней ведется непрерывный с этой даты, и называются они юлианскими днями. Так, например, 16 апреля 1973 г. ст. ст. соответствует 2415138 юлианскому дню. Эти дни очень просто переводятся на юлианскую дату. Советский астроном Селешников пишет: "Скалигер в своем труде указывал свою систему счета дней; он назвал ее юлианской потому, что в ней счет ведется по юлианскому календарю. Скалигер выступал против григорианского календаря и понимал, что только применение юлианского календаря обеспечит непрерывный счет дней на протяжении всего предложенного им периода".

* Жозеф Скалигер (1540-1609) французский астроном. Как видно, "Эра Скалигера" основана на наших церковных, хорошо знакомых из Типикона величинах: "индикт, круг солнца, круг луны". В григорианском календаре таких величин нет.

Один из виднейших хронологов прошлого века, Иделер (1766–1846) пишет: "Можно с полным правом сказать, что только с введением юлианского периода в хронологии наступил свет и порядок" (Селешников, стр. 195).

На совещании глав архиепископов Серафим (Соболев) Болгарский указывает: "Необходимо отметить, что до последнего времени в астрономии употреблялся не григорианский, а юлианский стиль. Американский астроном Ньюком даже высказался за возвращение к юлианскому календарю (в гражданской жизни), как к простейшему и более удобному для астрономических вычислений".

Всемирно известный ученый Болотов В. В. изучил вопрос о календаре всесторонне, в том числе с исторической, астрономической и канонической точек зрения. На астрономическом собрании Ученой комиссии (это было перед самым началом XX века) дебатировался вопрос о введении в России нового стиля (с 1900 года): "собрание никак не могло прийти к определенному решению", и многие стали склоняться к введению нового стиля. Архиепископ Серафим говорит далее: "Председатель собрания предложил Болотову высказать свое мнение. Проф. Болотов два часа говорил свою историческую речь, имея в руках составленные им астрономические таблицы (таблицы погибли в 1944 г. от бомбы, попавшей в Болгарский синод). Он всецело стоял за старый стиль. Его доводы были так научны и неопро-

вержимы, что все собрание *единогласно* постановило остаться при старом стиле.

Будем всегда это помнить, а также никогда не будем забывать заветания, которое оставил нам касательно нового и старого стиля наш гениальный ученый Болотов”.

”Сам я, — говорил он, — отмену стиля в России нахожу нежелательной. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его *научное* преимущество перед всякими календарями исправленными”.

Это говорил в своей речи архиепископ Серафим на ”Совещании глав”.

Проф. Болотов считал, что, придерживаясь юлианского календаря в течение многих веков, мы облегчим ”западным народам возвращение от Григорианской реформы к неиспорченному старому стилю”. Юлианский календарь проще григорианского, подавно и новоюлианского, подобно тому как метрическая система мер проще системы с аршинами, вершками, дюймами, унциями и т. д. Конечно, календарная система с неправильным чередованием длины месяцев с 28 или 29 днями в феврале, чем страдают современные западные и восточные календари, вряд ли удобна, и при выработке нового календаря вряд ли останется такой навсегда. Однако продолжительность года в 365 дней и в 366 дней в каждом четвертом году представляется самой целесообразной.

В Церкви же должно поступить так, как поступил святой Николай Японский (Касаткин). Проф. Георгиевский сказал: "В Японии, как принято еще при покойном владыке Николае, Рождество Христово празднуется 25 декабря ст. ст., то есть 7 января в переводе на местный стиль". Церковь при любом календаре должна свои даты праздников перевести на местный стиль с тем, чтобы праздновать как и ранее в то же время.

Длину года в 365,25 дней мы будем называть церковной или ритуальной, в отличие от разных астрономических годов разной величины и от гражданского года, который может быть каким угодно.

Неканоничность как григорианского, так и новоюлианского календарей особенно ярко видна при рассмотрении вопроса пасхалии.

Однако мы этот вопрос рассмотрим несколько позднее, остановившись ненадолго на вопросе о хронологии.

ВКРАТЦЕ ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
СТАРЦА СХИАРХИМАНДРИТА ЛАВРЕНТИЯ
ЧЕРНИГОВСКОЙ ТРОИЦКОЙ
ЖЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ*

*”Он долго горел — не сгорая
И много сердец просветил...
Отверзлись пред ним двери рая
За то, что он много любил...”*

Наша русская земля издавна славится великими подвижниками, начиная с Антония и Феодосия Печерских и прочих и кончая Серафимом Саровским, великим подвижником благочестия последних времен прошлого столетия.

Вот и в наш XX век, век великих успехов науки и техники (но к сожалению, не веры и благочестия), явился старец отец Лаврентий, всеми любимый и почитаемый.

Схиархимандрит Лаврентий, в мире Лука Евсеевич Проскура, родился в 1868 году в с. Карильском близ Коропа Черниговской области.

* Рукопись получена из Самиздата. Печатается с сокращениями. — Р е д.

Родители его Евсевий и Христина были простые крестьяне. В семье было 7 детей (5 мальчиков). Лука был одним из младших. Детство было тяжелым, нужно было с ранних лет приучаться ко всякой домашней работе.

А тут еще не повезло со здоровьем. Будучи еще малышом, шутливо надел на голову решето и бегал по двору, зацепился и, отступая детскими ножками назад, упал на поросенка так сильно, что получил увечье на всю жизнь (был хромой).

Мать часто болела, не поднималась с постели. Отец умер, и мальчику приходилось исполнять и мужскую и женскую работу.

Он пас лошадей, ухаживал за коровой, топил печь, пек хлеб, убирал в избе, белил, мазал и даже стирал, выучился портняжничать. В общем, был очень способный мальчик, трудолюбивый, послушный.

Особенное было призвание к музыке и пению. Рано научился играть на скрипке. И бывало утром приведет лошадей с ночного и до завтрака проиграет в клуне свои любимые мелодии, где он изливал свою детскую душу.

Имена братьев: старший – Варфоломей оставался жить на старом двореце, где и сейчас живет его дочь Зоя и невестка с дочерью.

Младший брат – Демьян, которому Батюшка отдал свою часть наследства и который помогал Батюшке, посещая его в монастыре, был убит на фронте. Другие два брата выехали "на пересе-

ление” (т. е. были сосланы), и о них ничего не известно.

Учился Лука в сельской школе хорошо, превосходил успехами своих сверстников. Учитель поручал ему обучать младших товарищей по школе. И он охотно исполнял это поручение.

Учащихся приучали в то время петь в церкви. И тут маленький Лука чувствовал себя в своей стихии. Он быстро все усвоил как пение, так и весь строй церковного богослужения, прекрасно разбирался в уставе службы, и в 12 лет с помощью священника разучивал песнопения со своим маленьким ученическим хором, где были как мальчики, так и девочки. А в 14 лет уже стал самостоятельным регентом.

Еще с ранней юности батюшка почувствовал влечение к монашеской богоугодной жизни. Это чувствовали его товарищи и следовали его примеру. Почти все девочки потом ушли в монастырь (м. Ардалеона, м. Евгения), а мальчики (юноши) даже достигли Афона.

Сам Батюшка часто навещал близ находящийся мужской монастырь Рыхлы, который влек его своим пустынным образом жизни. Находился он в 19 км от с. Карильское (сейчас весь в запустении). Но должен был уступить материнской любви. А когда к глубокой старости умерла мать, Батюшка долго не оставался дома, а через полгода, отказавшись от своей части наследства, попросил старшего брата Варфоломея отвезти его в монастырь Рыхлы, и лет 23-х

был зачислен в монастырь на послушание регента монастырского хора и уставщика.

Весть о способном регенте распространилась далеко за пределы монастыря. Узнали о нем и в Черниговском мужском Троицком монастыре.

И года через три владыка Антоний дает письменный запрос о немедленном переведении Батюшки в Черниговский Троицкий мужской монастырь, в качестве главного регента.

Владыка Антоний был подвижник высокой духовной жизни. Говорят, что он соблюдал строго иноческий обет нестяжательства. Например, имел только две одежды. Одну, которую носил, и другую праздничную (ряса). А если ему пошлют к дню Ангела (преп. Антония) новую, то он обязательно старую кому-то отдаст.

Владыка Антоний прозрел в лице инока Луки великого в будущем молитвенника. Когда он делал на него запрос в монастырь Рыхлы и Лука долго не приезжал, то их братья и настоятель заревновали и говорят: "все Луку, да Луку, будто и людей больше нет..."

А владыка Антоний возразил им словами: "Э, то такой Лука, что все будут спрашивать у него". Что, конечно, и сбылось в свое время.

Не хотелось Батюшке оставлять молитвенное пустынное место, которое пришлось ему по душе. Со слезами скорби уснул он и видит во сне на паперти лик Царицы Небесной Троицкой, Которая его благословляет. Вздрогнул от страха и утром немедленно отправился в путь. Прибыл в

Чернигов и сразу же к владыке Антонию и говорит: "Вот, Владыко святой, я приехал". — "Хорошо, — ответил владыка Антоний, — будешь обучать мальчиков-семинаристов".

А когда Батюшка зашел в церковь, то узнал тот лик Царицы Небесной, что видел во сне и Которая его благословила.

В Троицком монастыре постригли его в мантию и дали имя Лаврентий, рукоположили в 1895 году в иеромонаха, а потом он стал игуменом. Были у него сверстники-певчие: оо. Смарагд, Малахий, Михаил, Иннокентий, Ефрем и другие. Все они уважали Батюшку и слушались и следовали его духовной благочестивой жизни.

Еще с юности он навек Иисусовой молитве непрестанной и поучал других. Три раза он ездил на Афон и был в Иерусалиме на поклонении святым местам.

Наружность Батюшки о. Лаврентия была приятна, во всем облике светилась благодать. Лицо всегда было светлое и радостное, исполненное любви ко всем. Волосы у него рано поседел и были белы, как снег, глаза голубые. Роста был среднего. Ходил всегда с палочкой.

Племянница Батюшкина (Ефросинья) рассказывала, что до 1933 года Батюшка раза два был в своем селе Карильском, где была у них своя церковь, в которой Батюшка служил.

Был какой-то праздник, и Батюшка приходил домой весь мокрый, переодеваясь приговаривал:

”Вам трудно на земле работать, а нам трудно молиться за всех. Мы тоже добре потеем”.

Батюшка не забывал своих родственников: племяннице Ефросинье подарил золотой крестик, платок, а племяннику Петру — свою ручную швейную машинку. Когда у брата Варфоломея ”забрали” корову, Батюшка дал денег на корову.

Когда приезжал Батюшка в село, то своих внушек наставлял нравственности: чтобы ”не гуляли с солдатами, замуж выходили венчаны и чтоб соблюдали постные дни”.

Время шло. Удержать нельзя ничего... Всему так надо быть... Опытных певчих отправили на приходы, а кто сам ушел... Хор стал слабеть. Батюшка стал присматриваться к приходской молодежи; деревенских девочек привлекал к пению. Применял свой духовный опыт, свою духовную прозорливость, в чем был еще с юности одарен.

И вот какая девочка более склонна к монашеству, он помолится за нее, пригласит, расположит, привьет любовь к пению, молитве. И так стало пополняться стадо ”молодыми овцами”. Давал им тайно подрясники, четки, обучал пению, чтению, устраивал на работу. И был, как чадолюбивый отец. Весть о добром и прозорливом Батюшке разносилась все шире и дальше.

По благословению владыки Пахомия собралось много певчих, из них многие потом стали талантливыми солистами хора.

Одна вспоминала, что была еще совсем малолетней и пришла со старшими и плачет перед Батюшкой, а Батюшка погладил по головке да и говорит: "Не плачь, будешь царской певчей". Она ничего не поняла и так и уехала. А предсказание сбылось, она действительно служила своим голосом Царю Небесному, была хорошей солисткой.

И это время прошло... Всем предложили уйти и храмы закрыли "на ремонт" (1930). Батюшка временно переживал "под горой" у одной благочестивой вдовы Елены. Там Батюшка занимал небольшую комнатку в старом домике и предавался посту и усиленной молитве как за своих многочисленных рассеянных чад, так и за весь мир. И эти тайные чада только ночью могли постучаться в окно Батюшки. Но он не всех принимал, а по своей прозорливости уже знал наперед, кто к нему должен прийти и что ему нужно.

И так ему дано было предвидеть, что, когда закрывали церковь, он говорил: "Храните книги, они нужны будут. Еще будут и монастыри, и архиереи, и все нужно будет".

Перед войной он предсказывал бедствия народа. Молился и плакал, что много крови прольется.

Когда началась война 1941 года, Батюшка своими усилиями собрал своих монашествующих чад и устроил женский Троицкий монастырь, где раньше был мужской, а потом и Домницкий. В

Троицком было вначале человек 70 сестер, а в Домницком — человек 35.

Собрал певчих, разделил со временем на два хора. Сам был главным регентом, разучивал новые песнопения: очень духовные и малозвучные. Батюшкин хор славился далеко за пределами Чернигова.

У Батюшки была сильная любовь ко всякому делу. Когда делали ремонт во всем корпусе, Батюшка везде участвовал: давал указания и печникам, и мастерам, когда делали перегородки, стелили пол, крыли крышу.

Когда мастера жаловались, что плохие доски, Батюшка отвечал: "Ладно, лет на 20 хватит, а потом что Бог даст".

Приходилось работать штукатуром и в холодное время года, когда замерзали материал и вода. Однажды дело не ладилось, пригласили одного старика на помощь. Он говорит, что здесь сила нужна. А Батюшка подошел с любовью, перекрестил и материал стал мягкий, и дело пошло, как следует. Это все по молитвам великого старца Лаврентия.

Много пришлось потрудиться сестрам при отстройке храма большой церкви, а также и келлий. Приходилось носить воду на большую гору из колодца, рубить топором глину, носить на плечах; одной лошадкой не справлялись. И после больших и тяжелых трудов в 1942 году на Пасху впервые начали службу в Большом храме. И Батюшка перешел в монастырскую келлию.

Сколько радости, сколько восторга!

Батюшка о. Лаврентий славился как исповедник. К нему стояла всегда толпа верующих-исповедников, а к другим духовникам поменьше.

В хозяйственных делах монастыря Батюшка любил делать свои благодатные указания, где что посадить, что посеять и строго следил за всем своим хозяйским глазом. Многих своих чад он своей прозорливостью предупреждал и от всяких неприятных случаев.

Когда в 1942 году приехал владыка Симон из Западной Украины, Батюшка сказал: "Эге, это наш!.." И когда приехал владыка Иаков (1947), тоже Батюшка одобрил, сказал, что при этом владыке процветет духовная жизнь нашего города, что и сбылось.

Еще перед войной (1941) Батюшка прямо сказал: "За то, что все делается не по закону, да в праздники, то все стрясется и сгорит. А потом откроются монастыри и люди будут каяться и молиться и Господь по Своей милости даст немного времени, чтобы пополнить число отпавших ангелов". Батюшка любил часто это слезно повторять.

Батюшка имел свои испытания. Бывало, что по зависти сатанинской к нему грубо относился владыка Борис и матушка игуменья. Но он все кротко и терпеливо переносил и с любовью молился за обидчиков и этим победил лукавого, а в глазах верующих и своих чад он становился еще более духовным, великим и любимым.

Около старца в монастыре жили 12 сестер, а его обслуживали две. Трапеза у них была общая, там они и молились вместе. А когда Батюшка не ходил в церковь (по слабости здоровья), то все вычитывали в келлии.

Он непрестанно занимался Иисусовой молитвой и обучал сестер. Указывал, как кому молиться по вдоху и выдоху. "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий" – вдох, а "помилуй мя грешную" – выдох. А одной девушке (на ее просьбу, чтобы благословил четки) сказал: "Молитва – это хорошее дело, Ангельское, а ты по пальцам левой руки. Держи большим пальцем мизинец и читай десять молитв "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную", а потом переходи на безымянный и так по порядку. И вот будет у тебя навык к молитве. Ум нужно непрестанно вправлять в молитву, а то он ходит, где попало".

Хором управлял Батюшка искусно. Делал он две спевки в неделю. Хористки были все его ученицы, только два "баса" были "вольнонаемные" мужчины.

Он с Афона привез много вещей для пения: "Достойно есть" – очень умиленное, "Милость мира" и др.

В Чернигов приезжал Патриарх Алексий. Весь хор ходил в кафедральный Спасо-Преображенский собор и там под руководством Батюшки пели. Патриарх был в восторге от хора и говорил, что "подобное редко где услышишь".

Киевский митрополит Иоанн приглашал хор в Киев, куда и ездили, и тоже имели успех.

Во время войны хотели открыть и Елецкий мужской монастырь, но было мало братии. Батюшка торопился скорее занять Троицкий, говорил, что так указала Матерь Божия.

У Батюшки во дворе монастыря была устроена летняя беседка, где он проводил часы своего досуга, беседовал со своими чадами во время "вечернего чая", а также принимал жаждущих спасения.

Батюшка предсказал свою кончину, еще когда переходил в монастырь, за 8 лет. Сказал: "Ну, здесь кто проживет 8, а кто больше". И когда Батюшка умер, то вспоминали эти слова. За полгода также сказал, "от этого дня я проживу ровно полгода", что тоже исполнилось. И еще сказал: "1950 год свое покажет, а в 1952 году увидите". И действительно, в 1950 году Батюшка умер, а в 1952 году Домницкий монастырь закрыли "на ремонт" и сестры перешли в Троицкий.

При Батюшке стали сестры излишне заниматься рукоделием, делать иконы. Он был недоволен и говорил: "Без Иисусовой молитвы и без церкви делают, монастыри пробудут не столько, сколько нужно", — что и сбылось.

Утром, когда зажигался в какой келлии свет, Батюшка своим прозорливым умом видел, где молятся, а где занимаются житейской суетой. Однажды Батюшка шел в церковь и сказал со-

проводившей его монахини, чтобы заглянула в келлию, которая находилась рядом с церковью, и посмотрела, чем занимаются ее насельницы. Они в это время занимались своими делами, а в церковь никто и не думал идти.

Батюшка очень возмутился и сказал: "Так монастырь долго не протянет", — что и сбылось. Батюшка говорил, что для монаха нужна молитва, как воздух, иначе он уподобляется "черной головешке", которая издает только смрад. Еще говорил: "Счастливы те, которые записаны в Книге Жизни". А на вопрос сестер, кто же записан в ней, ответил: "У кого влечение к церкви, тот записан".

У Батюшки был дар непрестанной Иисусовой молитвы. "Бывало мою коридор, — вспоминала одна монахиня, — а он мимо проходил да и говорит: "Эге, работай, а чтоб была Иисусова молитва", или куда идешь, то он тоже напоминал про молитву".

По батюшкиным молитвам и благословению владыка Борис привез из Ленинграда мощи Черниговского святителя Феодосия. "Я, — сказал Батюшка, — буду молиться и встречать вас". Так и произошло. Мощи были в целости доставлены и с честью положены в кафедральном соборе. И было устроено большое торжество, Батюшка пел "Христос Воскресе".

Батюшка говорил: "Если нужно тебе уйти с Литургии, то уходи после "Отче наш". А если уже вышли с Причастием Тела и Крови, то стой

со страхом и молись на месте, потому что здесь присутствует Сам Господь со Архангелами и Ангелами. И если можешь, то пролей хоть малую слезу о своем недостоинстве. А Ангел твой Хранитель будет рад за тебя. Если кто тебя спросит о чем-либо, ответь ему, но очень кратко. А сама стой, как свеча, в храме”.

Батюшка всех любил, всех уважал, готов был каждому помочь. Это чувствовали все окружающие его. За ним ходили толпами люди, чтобы что-то сказать, о чем-то спросить. Он иногда устраивал обеды, ждя простого народа и сам служил им. Много рассказывал интересного, ближе народ был к нему со своими нуждами и скорбями.

Батюшка говорил, что в последнее время кто призовет имя Божие — спасется. Особенно девственники восполнят число падших Ангелов.

Еще говорил, что Господь такой милостивый, что и истинных евреев, которые живут по заповеди Моисея, в последние дни помилует и вселит их на третье небо. Батюшка призывал всех своих чад к миру и любви. Он говорил: ”Если которая сестра ”горячая”, вспыльчива характером и не может сдержаться в слове, то прежде чем подымать скандал, сними с себя пояс, подрясник, положи четки и тогда уже начинай доказывать свою правоту. Если так будете поступать, никогда не будете ругаться”.

”Если кто в течение дня не сдержал себя в

мире и любви к ближнему и поссорился с кем-либо и имеет на кого неприятное чувство, до заката солнца должен обязательно примириться, то есть попросить прощение”.

Батюшка имел дар прозорливости.

Однажды (во время послевоенной разрухи, 1945 г.) владыка Борис не был дома. Вдруг Батюшка благословляет немедленно готовиться к встрече Владыки. Сестры говорят, что мосты разрушены, он скоро приехать не может. А Батюшка на своем настаивал. И верно, случайно на какой-то дрезине Владыка в тот день приехал. Все удивились прозорливости старца.

Батюшка матушке Афанасии (регентше) предсказал быть регентом. Один раз за обедом надел ей большой крест и сказал: ”Вот будешь регент”. Ее потом и крестом наградили.

Еще при жизни Батюшки заболела матушка Афанасия. Ноги болели. Пришел Батюшка проведать да и говорит: ”Будем еще жить?” Она ответила: ”Да как вы, Батюшка”. А Батюшка ответил: ”Ну еще поживем”. И она стала поправляться.

Рассказывала одна монахиня Е. Однажды во время войны многие сестры стояли около бани у окна и смотрели вниз на луг. А батюшка шел мимо, да как закричит: ”Убегайте, а то сейчас

снаряд прилетит". Так и было. Только отскочили, и сразу же ударил снаряд.

Приезжал митрополит Иоанн в гости к Батюшке. Побеседовали, попили чайку и митрополит собирается ехать домой и спрашивает благословения у Батюшки. А батюшка предлагает ему з а в т р а уехать. А митрополит настаивает на своем. И уезжает. Прошло немного времени, а Батюшка говорит, чтобы шли встречать митрополита. Ему говорят: "Батюшка, митрополит уехал давно домой". А он: "Я говорю, идите, открывайте ворота". Они вышли, а митрополит смущенно стоит под воротами, говорит: "Дорогу размыло и нет проезда до завтра". Митрополит удивился прозорливости Батюшки.

Ремонтировали церковь, нужен был материал, а его негде было достать. Батюшка говорит экономке: "Беги на базар скорее". Она побежала, смотрит по сторонам молча. Вдруг подходит из села председатель. Спросил, чего стоит, она объяснила печаль свою. Он предложил садиться в машину, и они приехали на вокзал, нагрузили извести полную машину. Она заплатила и привезла в монастырь. Батюшка вышел, поблагодарил его и все прославили Бога. Поблагодарили и Батюшку за святые молитвы.

Во время войны, при оккупации, на монастырской земле была посеяна рожь. Землю забрали и разделили на участки и вот не дают жать. Пошли жаловаться в контору, там и слушать не хотели, выгнали со стыдом. Экономка пришла домой со слезами и пошла поделиться своей бедой к Батюшке. Батюшка наутро благословил идти опять туда же. Сестра, уповая на молитвы Батюшки, пошла опять к тем же начальникам. Только Батюшка приказал дорогой ни с кем не разговаривать. Она шла молча, зашла в контору, обратилась, а они все такие обходительные, сговорчивые и дали разрешение жать рожь. Она пришла довольная и Батюшке рассказывает, как они переменились. А Батюшка улыбнулся да и говорит: "Э, вот когда человек злой, то в нем бес, а когда помолишься, то он отскочит и человек становится добрым".

В монастыре была лошадь для нужд. Нужно было сено. Начальник горсовета отказал дать разрешение на сено, прогнал ни с чем. Пришла матушка Е. к Батюшке с жалобой. Он выслушал, ничего не сказал. Прошло два дня. Батюшка сидел в беседке, подзывает к себе матушку Е. и посылает опять идти насчет сена и молвил: "Не тот, так другой, а даст сено". Когда пошла и обратилась, то начальник был другой, а того вчера сняли, и дал разрешение на сено.

Посеяли ячмень, и когда он начал созревать, воробьи все поедали. Пожаловались Батюшке, что делать? Батюшка и говорит: "Отныне воробьи не будут причинять беды. Они прилетят, поцвиринчат, а садиться не будут. У них ножки помлеют, они и улетят прочь".

Назавтра сами убедились в чуде. Вышли и наблюдали, что воробьи тьмой налетят, поцвиринчат и улетают обратно. Все прославляли Господа и поблагодарили Батюшку за молитвы.

Батюшка имел также дар исцеления. Одна матушка рассказывала, что она была далеко в Сибири и когда вернулась, то плохо стало с головой. Поместили ее в "дурдом", а сами обратились к Батюшке за помощью. Он помолился и ей постепенно стало лучше, а потом и совсем выздоровела и живет, сейчас ей 80 лет.

У ее сестры Ф. заболело колено и такая острая боль, что нельзя было ступить. Обратились к Батюшке, он перекрестил больное место и боль прошла.

По благословиению владыки Пахомия Батюшка много постригал в мантию, например, своих односельчанок мон. Ардалеону, мон. Евгению, которые жили в Гамалеевском монастыре (Глуховского уезда). О м. Евгении Батюшка говорил, что она от чрева матери предназначена для духовной жизни.

Рассказывает далее М. М.

”Когда умирал отец, я просила его, чтобы он, по молитвам о. Лаврентия, приснился мне, и он пообещал.

Один раз приснился: ”Благодарю за булочки. Лучше ничего не надо, они помогают мне. Я знаю, что ты в долгах, но без ”булочек” я погибну”, — сказал мне покойный отец во сне. Я пошла и рассказала Батюшке. Батюшка сказал, что это не булочки, а просфоры, которые подаются на проскомидию. Ими смываются грехи человека. После сорока дней приснился опять. Я спрашиваю: ”Ты мертв?” Он отвечает: ”Я и мертв и живой”. Я спрашиваю: ”Где твое место? Куда ты определен?” Он отвечает: ”Я еще никуда не определен”.

Пошла к Батюшке, рассказала сон, а он и говорит, что отец еще не прошел мытарства. Бывает, проходят за три дня, 20 дней, 40 дней, год, два и 40 лет, смотря какие грехи. Где на каком мытарстве задержат, то много надо подавать милостыни и просфор на проскомидию. А 40 лет проходят мытарства те, за которых некому молиться и кто имеет за собой большие грехи.

Одна Домницкая монахиня рассказывала: ”Когда жила я в мире, была супружная, имела мужа и дочь. Брак был законный (венчаны). Но супруг был самый скверный мужчина: выпивал, дрался, горя набралась с ним. И вот однажды

приехала в Чернигов и зашла к Батюшке. Рассказываю свое горе и вся обливаюсь слезами, что никто не может помочь, потому что законный брак и нужно терпеть. Это я знаю хорошо, но уже не хватает терпения. А Батюшка посмотрел на меня с сожалением, да и говорит: "Бросай да убегай в монастырь. Лучше пусть один погибнет, а две спасетесь. Нежели вы все трое погибнете". Я так и сделала".

И она была примерной келейницей у матушки игумении Домницкой, а потом кухаркой у митрополита Гурия, а перед смертью приняла "схиму". А дочь умерла девицей верующей. Так исполнилось батюшкино предсказание.

Одна сестра рассказывала, что читала правило Батюшке и задремала, а потом испуганно взглянула на Батюшку, а у него глаза как огненные. Он молился.

Одна сестра просила у Батюшки поговеть (церквей не было). А Батюшка говорит: "Тогда я позову".

"Вот живу я и живу, вдруг на Вербной неделе в субботу мне так захотелось к Батюшке, я оставляю все и иду, да уже и запоздала. А Батюшка молился, читал утреню, потом правило, а правило — ко причащению. Батюшка сказал: "Немного подождем". В это время я постучалась в окно. Все так и ахнули. "Ах вот кого Батюшка ожидал!" — произнесли молящиеся. И я прославила Бога и сего великого праведника".

Однажды, побывав в Черниговском Троицком монастыре и насладившись беседой с Батюшкой, матушка игуменья Киевская Флавия возвратилась в свой монастырь Киевский Флоровский, да с восхищением и рассказала своим сестрам о великом старце Лаврентии. А казначея, м. Антония, уязвившись завистью от врага, пробормотала себе под нос: "Нашли какого-то деда, да и восхищаются! Что он знает?". Матушка игуменья заметила ее недовольство, да и говорит: "Вот свезу вас к нему, да хоть исповедаетесь хорошенько". И свое слово исполнила. Привезла несколько сестер, в том числе и казначею м. Антонию.

Вот сели за стол вместе с Батюшкой. Матушка игуменья и говорит: "Батюшка, расскажите нам что-нибудь". А Батюшка: "А что там этот дед знает?". Матушка казначея сразу поняла, что Батюшка обличил ее помыслы. И потом просила прощения, и уже с любовью относилась к прозорливому старцу.

Однажды пришла женщина к Батюшке за благословением, чтобы поехать к сыну. Батюшка приказал посадить ее за стол обедать. Женщина рвется из-за стола, потому что опаздывает. А Батюшка сказал, что торопиться не нужно. Пусть даже не поедет. И она не поехала в тот день. А потом узнали, что было крушение поезда. И все прославили Господа и верного Его раба Лаврентия. А Батюшка только сказал: "То Ангел хранитель известил".

М. Ф. рассказывала, что когда-то о. Н. привез в Троицкий монастырь целый воз девочек: "и я там была самая меньшая. Батюшка всех благословил, а меня — как не видит. Как ни старалась я обратить на себя внимание, все равно Батюшка как не замечает. Я стала плакать, а Батюшка протянул руку, погладил по голове, да и говорит: "Не плачь, ты же тут жить будешь. А что тебе мама сказала?" А мама страшно не соглашалась, говорила: "И не думай". А Батюшка прозрел будущее". Она потом была в монастыре певчей, даже регентшей первого клироса.

Любил Батюшка коровку, давал ей хлебец из руки, любил котика, кормил его лакомым кусочком, а когда умер Батюшка, то котик не уходил от гроба, а когда похоронили в усыпальнице, то ходил под окошко и там днями лежал, и с тоски скоро пропал.

Любил Батюшка кормить птичек. Вынесет зернышек, налетит стая воробьев и хватают, дерутся. Батюшка прикажет им разлететься и прилетать по два-три, они так и делали. А когда выносили гроб с телом Батюшки из келлии, то такое умильное зрелище было. Все птички стайкой летали над гробом и жалобно чирикали, провожая в последний путь своего кормильца.

Рассказывала одна боголюбивая сестра М.: "Однажды я пришла к Батюшке, чтобы помянуть своего отца в 40 дней. Сестры охотно пропустили в келлию Батюшки, так как у него никого не было. Я по своей неопытности без молитвы приоткрыла дверь келлии. А Батюшка слезно молился и лицо его сияло неземной благодатью. Я очень испугалась и поняла, что я не вовремя пришла и хотела закрыть дверь и убежать. Батюшка подозвал к себе и спросил: "Ты поминать отца пришла? Ах, эти "батьки". Попробуй теперь их отмолить, мне, да и тебе еще хватит". Благословил меня, и я поспешно ушла, поняв, что еще отец не на своем месте.

Однажды привели к Батюшке девочку очень быструю и поведением своим не совсем отличную ("драчунку"). Все подошли к Батюшке, а она стояла в стороне и только исподлобья посматривала на него. Батюшка посмотрел на нее с любовью, ее подвели к старцу. Батюшка обнял ее, прижал ее головку к своей старческой, полной любовью к людям груди, дал ей просфору и сказал: "Походишь, походишь, да будешь наша". Что и сбылось. Она потом вступила в монастырь и была примерной инокиней, очень способной на все дела, а особенно искусна в иконной живописи. Так вот Батюшка прозрел будущее этой инокини А.

Во время войны, при оккупации, в монастыре нечего было есть, и Батюшка благословил поехать в село, чтобы раздобыть кое-что. По дороге было страшно ехать, потому что все забирали. А мы везли целую подводку продуктов. Сильно боялись, но довели все благополучно. Когда привезли, то рассказали Батюшке о своем страхе во время пути. А Батюшка и говорит: "Раз я благословил и помолился, то бояться нечего". Такие сильные молитвы этого старца.

Пришла одна девушка из села О., молодая, интересная, взять благословение выйти замуж. Поисповедовалась у Батюшки и рассказала ему свое намерение. А Батюшка спросил, не больна ли она. Она ответила, что сейчас уже все нормально, а раньше немного болела. А Батюшка и говорит, что сейчас нужно подождать, и парень согласился ждать. Она приезжала к Батюшке. Прошел год, приехал парень жениться, а девушка лежала при смерти. В скором времени умерла. Вот такая прозорливость отца Лаврентия.

Одной матушки сестра пришла к Батюшке, да и жалится на мужа, что такой негодяй, иконы бьет и ее выгоняет. Батюшка сказал, чтобы его не медля привести к нему в монастырь. Долго думала она, как это сделать, а потом обманом привела к Батюшке. Еле втащила в келлию, а Батюшка к нему, посадил за стол, угостил, посидел с ним до вечера, и он переменялся полностью. Уехал довольный домой. К Батюшке

часто приезжал, и иконы почитал, и жену любил. Вот так святыми молитвами Батюшка обращал заблудших.

И. М. рассказывала о себе:

”Божьими судьбами попали мы в Чернигов. Я стала верующей, привыкла ходить в церковь Троицы. Однажды знакомая девочка повела впервые меня к Батюшке о. Лаврентию. О жизни его я уже кое-что слышала. Как зашла к нему, он ласково принял меня, посадил возле себя. Я как-то села нечаянно ему на подрясник да и стараюсь поправиться. А он это заметил да и говорит: ”Он же тебе не мешает?” И я успокоилась.

”Вот с нынешнего дня начинаются цветы, а потом будут ягодки”, — сказал Батюшка мне. Я сижу и думаю: ”Вот опять будет горе”. А он прозрел мои мысли да и говорит: ”Не горе теперь. Вот мы будем знакомы. Ты будешь меня знать”. А потом встал, помолился Матери Божией и произнес: ”Матерь Божия, сохрани сию рабу и возьми ее под свой Покров”. Потом благословил и прижал мою голову к своей старческой груди, исполненной уже при жизни благодати Духа Святого. И на прощанье сказал: ”Ходи в Церковь и ко мне заходи”.

Девочку, которая сопровождала меня, тоже благословил, и мы торопливо ушли. И вот когда я вышла, то казалось все во мне перевернулось. Мне было радостно, приятно... Мне хотелось

и всех людей сделать такими же счастливыми, как я сейчас.

Потом я стала размышлять: мне же нужно жить иначе. Ведь Батюшка по своей доброте ничего у меня не спросил ни про молитву, ни про пост. Но мне самой нужно понимать, что нужно свою жизнь в корне изменить (сразу). И когда я пришла домой, то маме заявила, что буду соблюдать посты, в чем со стороны матери возражений не было...”

Та же: ”Был пост 1943 г. Мне сильно хотелось исповедаться у Батюшки о. Лаврентия. Исповедь была в келлии вечером. Народа было очень много — и монашествующих, и мирян. Я стояла в длинном хвосте, в самом конце. Стояла, сокрушалась, не жалея горючих слез, все перемыслила, во всем желала исправиться, сделаться лучшей. И вот время истекло, Батюшка закончил исповедь, и казалось, что все по-исповедовались, а только я одна осталась...

Я была в большом недоумении и скорби. Мной овладел дух уныния. Помолившись, я легла в постель. И вот когда уснула, то вижу сон:

Пришла я в церковь и вижу, что Батюшка исповедует. Но на дороге стоит матушка-схимница, высокая, строгая и спрашивает меня, что мне нужно? Я ответила ей, что хочу исповедоваться у Батюшки о. Лаврентия. Она ответила: ”Исповедоваться все равно у кого, лишь бы чистосердечно. Но если ты сильно

желаешь у Батюшки, то я пропущу только тебя одну. Но ты должна поправить лампадку около свят. Николая. Я исполнила, и она пропустила меня к Батюшке. Я подошла к нему. Он исповедовал сидя. Я нагнулась над Евангелием и вижу хартию в виде грифельной доски, которая вся была записана моими грехами. Я стала рассказывать свои грехи, и когда грех говорила, он сразу же исчезал. И к концу исповеди все записанное исчезло. Мне стало легко и радостно. И я хотела поискать маму, чтобы и она исповедовалась, чтобы и ей так же было хорошо, но Батюшка сказал: "Нет, ты последняя". И я проснулась...

Утром рано я ушла в церковь с радостным чувством, будто совесть моя очищена от всего скверного. Опять я пробираюсь к Батюшке и стою в числе последних. И когда подошла, то говорю, что хочу исповедаться, я еще первый раз. Он говорит: "Как первый. Я же тебя исповедовал хорошо за твою скорбь". Я ему открываю свои грехи, а он и слушать не хочет, а говорит, что разрешил от грехов и простил все. "Сложи только руки на разрешительную молитву". И еще сказал: "Лучше ты старайся, чтоб замуж не выходить, да иди скорее причащайся".

Тогда я поняла, что Господь по Своему милосердию принял мою искреннюю исповедь во сне через верного Своего служителя батюшку Лаврентия. И я от всей души поблагодарила

Господа за Его милость ко всякому кающемуся грешнику.

Я потом спрашивала Батюшку о сне, так он сказал, что так бывает, если человек чисто-сердечно кается”.

Та же: ”Мне хотелось узнать день своего Ангела. Вот пришла однажды к Батюшке, а он и спрашивает:

– Сколько тебе лет? Когда ты именинница?

– А вот и горе мое, что я не знаю, – ответила я с болью в душе.

– А ты спроси маму.

– А мама говорит, не знает. Знает только, что летом, – сказала я.

– А тогда установим сами. Ты – Мария Магдалина.

Тогда я упала в ноги Батюшке и воскликнула:

– Кто вы?

– Я Лаврентий, – ответил Батюшка.

– Батюшка. Ваши слова на небе золотыми буквами записаны, – воскликнула я в избытке радости. И была так рада, так довольна, что забыла, зачем приходила я к Батюшке.

В скором времени приблизился мой День Ангела. Я пошла исповедоваться к Батюшке. В день моего Ангела Батюшка спросил: ”Это инокиня пришла?” А я говорю, что нет, я грешная мирянка. А Батюшка: ”А ты говори, ”помолитесь за меня, чтобы быть инокиней”. Исповедовал меня, прочитал разрешительную молитву, как над

инокиней. Я со страхом и трепетом ушла от него в надежде, что слова его не проходят даром”.

Та же:

”Я часто спрашивала у Батюшки за своего отца, что давно не причащался. А только говорит, что ”кается”. А в том году, когда потом умер, встает отец утром и говорит: ”Мне нужно причаститься. За меня кто-то помолился”. Рассказал сон: ”Будто я лежу в могиле и на мне земля. И пришел какой-то батюшка и стал меня откапывать и говорит: ”Вставай, Иван!” И я встал и иду”...

Из воспоминаний И. М.

”В войну мы жили в коридоре полуразваленного дома, но и оттуда нас прогнали, потому что стали ремонтировать дом. Мы остались совсем без крова, под открытым небом. Пошла я за помощью к Батюшке. Со слезами рассказала ему наше семейное горе, что некуда деваться ”бедному Ивану”. Батюшка выслушал внимательно да и говорит: ”Ну, что с вами делать? У вас же и денег ни копейки? Да вот переходите да стройтесь под горой, где пещеры”. И показал рукой, словно здесь рядом. ”Пусть отец хотя с дикта собьет ”хибарочку”, а ты поедь в Прилуки да привези хоть макухи” (а там работала моя двоюродная сестра).

Я так и сделала. Приехала обратно на третий день, а семейство уже переехало, и временно

соорудили декоративный домик. А капитально строиться не с чего было. Пожаловались Батюшке. Он говорит, чтобы я спросила на работе, чтобы кто вместо дров выписал крупные отходы (чурбанчики). Я многих спрашивала, никто не может. Батюшка говорит, еще спроси. Я спросила, и одна мне пообещала, и я привезла материал, хоть скудный. Начали домик в закидку, потом поштукатурили, сделали печку, кое-как потолочек почти глиняный, а сверху толем покрыли, а крышу уже потом. Так по благословению старца о. Лаврентия я и поныне проживаю с мамой в том же домике. И уютно мне, и тепло, и молитвенно, даже просторно”.

Рассказывала М. П.

”Заболели зубы у меня так сильно, что нельзя было терпеть. Уже несколько дней боль не унималась ни днем, ни ночью. Я такая была недоверчивая по своей природе. Не верила ни себе, ни людям. Думаю себе: ”Разве он врач? Кто там мне поможет?” Но меня заставили сходить. Я согласилась. Но приказали, чтобы молчала, ни слова не говорила.

Захожу я после молитвы в келлию. Там шла оживленная беседа. При моем появлении все замолчали. Я поклонилась, села молча в углу келлии и руками обеими держала зубы. Голову опустила и не помню, как задремала, потому что выбилась из сил без сна от боли. Батюшка помолчал, а потом говорит: ”Спросите, болят

зубы?" Меня толкнули. Я очнулась и от радости оскалила зубы. Спрашивают сестры: "Ну как зубы?" А Батюшка говорит: "Да не болят, потому что показала зубы". А потом укоризненно сказал, что раб Божий тот, кто Господу служит. И чем усерднее он служит, тем Господь его и больше слушает. Вот и этот "недоверок" пришел за помощью. Но это я ей на память".

Я упала в ноги и просила прощения за свое малодушие и безверие.

У одной матушки "ущемилась" грыжа. Прибежали к Батюшке просить о помощи, то есть святых молитв. Он вылез из-за стола, вышел во двор и смотрит на грушу, что росла тут рядом, а дочь стоит да плачет. Он посылает ее узнать, не легче ли больной. Она побежала, а грыжа стала на место и больная успокоилась. Все прославили Бога и слезно благодарили Батюшку.

На капусту напала гусеница, совсем доедает капусту. Никакие меры не помогали, и золой обсыпали и пр. Пошли к Батюшке за помощью. Батюшка помолился и вся гусеница вползла во вблизи находящееся озеро. Утром все увидели это чудо.

Рассказывала матушка благочинная М. В.

Началась война 1941 года. Приближался фронт. Нужно было немедленно выезжать из Чернигова в село Синявку. Договорились, что при получе-

нии известия приедут с лошадьми и заберут Батюшку и тех, кто с ним жил.

Мне поручили, чтобы доставила лошадей. Я спрашиваю у Батюшки благословения известить брата, чтоб приехал и всех забрал, а он говорит, чтобы не торопилась. "Пусть, когда будет 'трах-тарарах' ". Все горит, все гудит. Батюшка спокойно отвечает: "От еще сядем да пообедаем, а тогда и поедем". Я думаю, чем же поедем, нечем ехать. Мы не извещаем, и никто не приедет. Вдруг стук в окно. Это приехал с подводой О. Н. за всеми нами. И мы пообедали, собрались и выехали. Но ехать было невозможно, немного проехали, а тут как шарахнет. Столбы горят. Батюшка говорит: "Немного подождем". А потом линия фронта прошла, а мы за ней. Возница усомнился, что может вернуться, а Батюшка говорит: "Погоняй" и еле в три часа ночи приехали в село за 60 км от Чернигова.

Один мужчина пришел к Батюшке за благословением ехать в какой-то город. Батюшка задержал его разговором. И тот был недоволен, что опоздал поехать. А потом узнали, что его поезд попал под откос. И он пришел и поблагодарил Батюшку, который спас его от смерти.

Одна женщина была в тяжелом положении. Ошибочно попала под суд. Ей грозило тюремное заключение. Подошла к о. Лаврентию, который помолился и сказал: "Иди и молчи. Если не

помолиться Матери Божией и угодника Николая не попросить, то можно и не вернуться”.

Когда пришла туда, ее спросили, сколько детей. Их было пятеро, о чем она и сказала со слезами. Их сердце так смягчилось, что начальник сказал: ”Выведи ее отсюда, чтоб она больше не попадала”. И так она осталась невредимой по молитвам старца Лаврентия.

”Когда-то в молодости, — рассказывала одна мон. Р., — я была богатой красивой девушкой и пошла к Батюшке за благословением выйти замуж.

Батюшка выслушал да и говорит: ”Кони выдохнут, сады высохнут, а монастырь пребывает во век. Пока не выходи”.

В скором времени началась война, и все опрокинулось вверх дном. Жениха забрали на войну, а я пожелала идти в монастырь”.

И сбылось Батюшкино предсказание. Она жила в монастыре и была хорошей певчей-монахиней.

Рассказывала одна монахиня С.

”Попала ”на переселение”. А Батюшка перед этим провел беседу и предсказывал случаи: ”Когда будут нападать, то кричи и меня умственно призывай. Скажи: ”Батюшка, помоги”. И я всегда помогу”.

Однажды в лагере убирала в комнате, куда зашел мужчина и начала заводить нечистую беседу и применять насилие, а я призвала на

помощь Батюшку, да как закричу, а его пере-
крестила. Он так и остался стоять на месте,
испугался и спросил: "Что ты со мной сде-
лала?" Так меня Господь и спас по молитвам
великого старца.

А перед отъездом я дружески спросила его,
много ли жертв. Он сказал: "Все, кроме тебя", а
было человек 50 женщин.

Рассказывала та же.

"Работала я на хлебозаводе (возила хлеб). И
там работал экспедитор, который был ко мне
неравнодушен. Я была не хуже других наружно-
стью, отчего много терпела. Я пошла к Батюшке,
упала в ноги и говорю: "Помогите, погибну". Он
говорит: "что-то придумаем". Я пошла на ра-
боту, а экспедитора через два дня сняли. И я
поблагодарила своего избавителя. При исповеди
со страстями, Батюшка говорил, что враг
завидует последним девственникам, потому что
они восполняют отпавшее число Ангелов".

Батюшка никогда не оставался на венчание. А
однажды остался, молился и сказал, что эта
пара была настоящих девственников. Видел, как
Дух Святой переходил от одного к другому.

Одна монахиня рассказывала, что, когда она
была еще инокиней в монастыре, у нее обнару-
жен был зуб, очень тяжелый, внутренний. Врач
сказал: "Ничего нельзя сделать и более трех лет

не проживешь". "Я расстроилась, плакала и обратилась к Батюшке со своим горем". "Не скорби, по-ихнему не будет", — сказал старец и положил свою благословляющую руку мне на горло (на зуб) и произнес молитву, слова которой я уже забыла. И сказал: "сколько времени нарастал, столько времени будет и уменьшаться". И еще по батюшкиным молитвам я увидела во сне святителя Феодосия, который тоже благословил меня и произнес такие же слова, какие произнес Батюшка, и помазал горло маслом.

И действительно, зуб начал постепенно уменьшаться и за три года совсем исчез, и я стала здоровой и прославилась свят. Феодосия, и поблагодарила нашего великого старца о. Лаврентия за его благодатную помощь. Сейчас мне 62 года и я пою в хоре.

Рассказ М. Е.

"Был случай в монастыре. Нечаянно я упала с чердака и травмировала себе ногу. Вся чашечка в колене была раздроблена. Врач сказал, что нога сгибаться не будет. Буду ходить только на костылях.

По молитвам Батюшки достали "дорогой мази". Батюшка помолился, и нога стала заживать. А что будет сгибаться никто не надеялся. Батюшка успокаивал: "Будешь бегать". И действительно — чудо. Нога поправилась совер-

шенно, стала нормальная — только по святым молитвам великого нашего старца о. Лаврентия”.

Одна девушка часто бывала у Батюшки, потом заболела на голову. Родные пришли к старцу за благословением, чтобы положить в больницу (психиатрию). Батюшка сказал, пусть дня два побудет дома, а потом побачим (посмотрим). Она на второй день стала здоровой и больше не болела.

Рассказывала монахиня Е.

”Еще молодыми девушками ходили к Батюшке. Потом у меня появились нарывы, а подруга заболела глазами. Пришли к Батюшке и пожаловались своей беде. Он послал нас сходить в с. Седнев, помыться в источнике и прочитать акафист Матери Божией. Мы так и сделали. Через несколько дней стали здоровыми. Мы пришли и с радостью поблагодарили великого старца за его святыя молитвы”.

Рассказ той же.

”Прошло некоторое время, мы стали взрослыми девушками и стали ходить гулять. Но не забывали Батюшку. Батюшка прозрел, что мы занимаемся не тем, чем нужно, и послал о. Михаила сходить в наше село и посмотреть, как мы живем, чем занимаемся. На прощанье о. Михаил сказал, чтобы мы гулять не ходили, а приходили петь в хор. Нам было и неудобно, но

гулять тянуло. Мне было тяжело на душе. Ночью в постели я долго плакала и молилась Матери Божией, чтоб послала мне болезнь "чахотку". Потом пошла к Батюшке и тоже так сказала. Он мне ничего не ответил, но только в скором времени я заболела. Стала идти кровь горлом. Я пришла к старцу за благословением лечь в больницу. Он не благословил, а только посоветовал обратиться к верующему доктору. И он мне помог. Мне стало лучше. И я в корне изменила образ жизни. Господь сподобил меня пожить в монастыре, принять Великий Ангельский образ. Сейчас мне 84 года, и я еще потихоньку живу. Все это по молитвам великого нашего старца о. Лаврентия. А моя подруга вышла замуж".

Рассказывала монахиня А.

"Когда мне было 10 лет, старшая сестра, которая дома пела (в селе), привела меня к Батюшке. Было воскресенье и все ушли в церковь. Сестра оставила меня внизу, а сама пошла на "хоры". Батюшка велел ей привести и меня на "хоры" и сказал: "Она будет петь и управлять хором". Уже прошло 50 лет с тех пор, и все сбылось. Я не только пою, но в селе управляю хором и знаю устав. Все это по молитвам Батюшки о. Лаврентия.

Однажды была беседа с Батюшкой. Он предсказывал: "Будет вас повсюду и по городам и по селам, но меня уже не будет". И это исполнилось. Мы рассеялись и по городам и по

села. Еще говорил: "Будут из вас некоторые петь и в Москве артистами (было и это), поэтому учите хорошо ноты. Они будут петь по знанию, а вы с благодатию. И вас будут любить". И строго наказывал, чтобы учили ноты. И мы старались. По молитвам Батюшки все сбылось. И нас всюду любят..."

Рассказ монахини той же.

"Однажды на правиле читали Евангелие. Батюшка сказал, что мне крест придется нести тяжелый за мое невнимание. Но я и не думала, что мне придется попасть "на переселение" (в ссылку). Батюшка не смог предотвратить его от меня. Он мне говорил, чтобы я уезжала домой. А мне не хотелось, и я не послушалась, за что жестоко поплатилась. Потом меня вызвали и спросили "кое о чем". К Батюшке добиться нельзя было, а потом, когда пришла, то он прижал меня к своей груди и со вздохом сказал, что я попала на учет, меня возьмут "на переселение". И еще раз повторил, что нужно было немедленно уезжать домой. Нужно слушать старца, если не понимаешь, то нужно переспросить. А что теперь уже поздно. И дал мне свое наставление: "Ты слабая, но по своей натуре очень добрая. Смотри, если кто "подвернется", то сама не соглашайся, хотя будет и много обещать... А если не по своему желанию, то Бог будет судить иначе. Конечно, тебе видно не миновать". Он меня благословил, заплакал и

укоризненно произнес: "Как плохо, что не слушаете меня"...

Дня через три меня отправили "на переселение". Там мне было очень тяжело. Я была вдали от своих. Меня некому было поддержать. К работе я относилась добросовестно. Во всем была аккуратна. И вот не избежала я взора "завистника". Навязался мужчина... Предлагал замуж, обещал вывезти оттуда. Но я всегда помнила Батюшкины слова: и ни на какие "сделки" не соглашайся. А потом сложились обстоятельства, что не по своей воле грех был совершен... Родился сын. Работала я до срока (8 лет).

Я все вспоминала прошлое и хранила глубоко в своем сердце, со слезами воспитывая своего малютку. Горькими слезами обливалась, вспоминая утешительные Батюшкины слова: "будешь монахиней". Думаю: куда мне там до монахини, когда инокиней таких дел натворила.

Время истекло. Отбыла я свой срок и вернулась со стыдом на родину. У нас открылся монастырь. И я дерзнула переступить порог своего старца.

Первые его слова были: "Вот и хорошо, что без твоего согласия. Случай не хороший, но без твоей воли".

Батюшка немного побранил, а потом предложил мальчика отвезти домой к отцу, а самой вступить в монастырь.

Я упала в ноги старца и обливала их горькими слезами раскаяния и слезами радости. Батюшка тоже плакал и говорил: "Ты мое чадо, я хочу, чтобы Господь простил твой грех". И все сестры плакали и восклицали: "Прости ей, Господи, по Своей великой милости!"

Я сразу же отвезла ребенка, а сама стала жить в монастыре. Батюшка сказал: "Будешь жить у меня". И я жила, работала, каялась.

Со временем старец сказал, чтоб надеть монастырскую одежду, чтобы я подошла к Владыке и, упав ему в ноги, объяснила ему о своем грехе, случившемся "в неволе". И по молитвам старца Владыка благословил мне подрясник и четки, и рясофор. Прошло немного времени и стали постригать в мантию. Набрали одну партию. А когда набиралась другая, то Батюшка сказал, чтобы и меня постригли. До этого я была на послушании у Владыки, где очень много и добросовестно трудилась. И когда Батюшка спросил Владыку, то он согласился, то есть уже знал меня и судил меня по работе.

И когда нас исповедовали, то все сестры оказали большую любовь. Все рыдали о моем падении. И тогда я вспомнила и поверила Батюшкиному предсказанию, которое было сказано за много лет перед этим. Помяни его, Господи, в Царствии Твоем за его святые молитвы".

Плохой муж был у одной женщины: пил, изменял и бил ее. На ее жалобы Батюшка увещал ее, чтобы потерпела и не уходила от него. В скором времени его взяли "на переселение" (в тюрьму). Со слезами пришла она к Батюшке, чтоб посетить мужа. У батюшки было закрыто, ответили, что Батюшка принять не может. Долго она стояла и слезно молилась. Вдруг Батюшка говорит сестре: "Пойди и открой, там женщина плачет". Ее пустили, и Батюшка ее с радостью принял, дал ей просфору и сказал: "Поедь к нему, тебе дадут свидание, и ты ему расскажи, что все это за грехи наши". И на побыла у него, как могла вразумила его. Батюшка ей предсказал, что он вернется и будет жить чисто, что и сбылось. Отбыв срок, он вернулся, сделался другим человеком, верующим. И сейчас они живут и благодарят Бога за святые батюшкины молитвы.

Рассказывала сестра И.

"Однажды я получила от своих родственников посылку, раскрыли, а это оказалось для Батюшки о. Лаврентия — мука. Мы сильно голодали. Мама предложила взять горсть муки, чтоб сварить жидких "галушек". Голод превысил боязнь греха, и я согласилась.

Потом я понесла посылку Батюшке. Он поблагодарил и сказал: "Мука сдалека, но к Царствию Небесному они близки". А я в душе волнуюсь за тайный грех, что взяла горсть

муки. Он засуетился, дал хлеба и говорит: "Я знаю, что вы бедные. Но не бойся, не будет греха. Я даю хлеб, чтоб он никогда не выбывал". И дал еще кусок туалетного мыла. А я как зарыдаю, да говорю: "Батюшка, простите". "Да я давно простил. Теперь не будете голодать". И так по молитвам его святым да по милости Божией все дело наладилось и по сей день".

Я хотела выйти замуж и пошла к Батюшке за благословением. Батюшка сказал: "Самой лучше, а если выйти, то такие условия, вот я расскажу: в посты "не жить", среда, пятница – тоже, воскресные дни, праздники большие и малые. От Христова Воскресения до проводов Пятидесятницы "не жить". Когда его и "жить"? – Рожать детей столько, сколько будет. Чистой ходить в церковь. Повиноваться мужу во всем, в страхе Божиим воспитывать детей. Если все это выполнишь, то выходи, я благословляю. А нет, то лучше живи одна". Я ответила: "Помолитесь, Батюшка, и благословите жить мне одной, с Богом". И так по его святым молитвам я и поныне живу и благодарю старца за его назидание".

"Сильно мне хотелось побывать у о. Лаврентия, но никак не могла попасть к нему. Одна сестра взялась проводить меня. Я стала в углу и молчу. Страх напал на меня. Батюшка спросил: "Что ты хочешь?"

– Да я хочу спросить, как жить?

– А у тебя голова есть на плечах? – спросил опять Батюшка.

Потом отошел и что-то написал на бумаге и показал мне, и говорит: "Вот примерно бумага. А ты скажи: "Я не хочу замуж, а буду сама". А Ангел Хранитель записал уже".

И она действительно стала монахиней. Так рассказывала о себе М. И.

Однажды попала к Батюшке на исповедь. Рассказала грехи, а Батюшка не накрыл епитрахилью и не дал приложиться, ответил "в другой раз". Я заплакала, отошла. А потом почувствовала свою "естественную нечистоту" и была поражена, что и Батюшка ее прозрел.

Рассказывала одна благочестивая женщина, что ее дочь хотела устроиться на работу на конфетную фабрику.

"Я послала ее к Батюшке за благословением, который сказал: "Там-то хорошо работать, но тебя отзовут"... Она не поняла, о чем сказал старец, и пошла. Но произошло изменение. Ее подготовили идти в лагерь военнопленных. Она пошла, со временем стала кладовщиком. Получилась неурядица. Сгнили бурты картошки. Получилась большая растрата. Дело дошло до Ревтрибунала, что угрожало смертью (расстрел). Дочь в отчаянии и говорит, что сама себе смерть сделает. Я с мольбой привела ее в церковь. Отслужили акафист Матери Божией "Елецкой".

Да и Батюшку вспоминаю, а пойти боюсь, потому что ослушалась. Молюсь, прошу "Прости, Матерь Божия, нашу неопытность". Стало легче. Пошла на работу, а там смертное наказание заменили уплатой на какую-то сумму и уволить с работы.

И она тогда пошла на конфетную фабрику. Там было хорошо по молитвам Батюшки. С питанием было хорошо. И ее оттуда направили на бухгалтерские курсы и пошла опять к Батюшке за благословением. Он сказал: "Надо было сразу туда идти, по благословию. Ну, а по неопытности, то Господь дал вразумление".

Рассказ той же.

Когда я пришла первый раз исповедоваться к Батюшке, он назвал меня "инокиней". Я сказала, что "вдова" и "мирская". Но Батюшка при разрешительной молитве назвал вдовой и инокиней. Я смутилась, что мне делать. Меня подучили попросить у старца одежду и четки. Я так и сделала, но он возразил: "Нет, потом, потом и мантия будет. Читай Иисусову молитву".

Прошло много времени, и по молитвам Батюшки о Лаврентия я получила Великий Ангельский образ. А я неграмотная, то все выполняю Иисусовой молитвой.

Где-то достала я книгу на славянском языке, принесла ее к Батюшке, да и говорю: "Я неграмотная. Дочка, хотя и грамотная, но таких

книг она и не видела, то пусть эта книга будет вам". А Батюшка сказал, что будет читать дочь. Тут же прочитал тропарь Святой Троице: "Благословен еси Христе Боже наш" и вернул мне книгу со словами: "Будет читать еще и как!"...

Я пришла домой, отдала ей книгу и рассказала, что сказал старец. И по святым его молитвам появилось такое желание у дочери к чтению церковных книг, что по милости Божией да по святым молитвам старца она читает сейчас в церкви.

Батюшка неоднократно повторял, что в ад идут души, как люди из церкви в праздник, а в рай — как люди в церковь в будний день.

Батюшка часто сидел и плакал, что жалко людей, которые погибают. "Сколько набито в пекле, как сельди в бочке", — говорил он.

Его сестры утешали, он отвечал сквозь слезы: "Вы не видите, а если бы видели, то как жалко".

Рассказывала И. М.

Пошла к Батюшке, да и говорю, что ходит "босая" и у нее многие берут благословение. Когда я подошла, то она что-то про себя ворчала. И у меня душа не лежит к ней. А Батюшка сказал: "О ней в моей келлии и говорить нельзя. Нужно быть осторожным. Идет такое

время, что таких "праведников" будет полно. Их нужно избегать". Читай молитву Иисусову, да и "Богородичных" не забывай.

Однажды матушка экономка принесла саженцев яблонь (щепы) и просила у Батюшки благословения посадить для сада. Батюшка отказался, сказал: "Не нужно. Будет детям на поругание, нам их не придется кушать".

"Батюшка, так и храмов и корпусов не нужно ремонтировать", – спросила монахиня. "Нет, – возразил Батюшка, – то нужно. Мы дали обязательство, что все будет в порядке, поэтому ремонты производить нужно. А в келлиях богатство не нужно. Дорогих кивотов тоже не нужно. Много одежды не справляйте, а только две. Одна тебе, а другая чистая. Все чтоб было попроще, потому что все это ненадолго". Что и сбылось. "Занимайтесь больше молитвой Иисусовой".

Однажды привела монахиня А. к Батюшке сельскую женщину и просит (по ее согласию) тайно одеть подрясник. "Она такая верующая и молиться любит", – утверждала сестра.

– А у нее муж есть! – сказал Батюшка.

– Да он далеко, осужден на 10 лет, – отвечала монахиня.

– Ну так что же, придет, будет жить с ней. Не нужно никакой одежды, пусть так молится, – ответил Батюшка и не стал больше слушать.

Не удовлетворившись таким ответом, сестра

А. повела свою "духовную" к другому батюшке. Рассказала ему все: что и как. И тот будто дал ей благословение.

Прошло некоторое время, вернулся муж той женщины. И она согласилась жить с ним. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Рассказывала монахиня П.

"Когда мне было лет 15, жила я в Каменском монастыре. Там было много девиц из нашего села и соседних сел.

И вот одна, послушница И., которая уже прожила там некоторое время, впала в сильное уныние и хотела бросать монастырь. Она сильно томилась душой, ее тянуло в мир, к родным. Пошла она с жалобой к старцу Максиму, который там проживал и был друг Грица "Золотюсенского" (Христа ради юродивого). Он ей сказал: "Никто тебе не поможет, кроме Черниговского Губернатора (так он называл о. Лаврентия)".

Но эта послушница не хотела ехать к нему, чтобы обратиться за помощью. Ее насильно сестры привезли к Батюшке. И здесь все еще она упрямствовала, потупив глаза вниз.

Батюшка сам вышел навстречу, ласково приветствовал со словами: "Вот кто пришел! А я тебя давно жду. Вот так девочки! Кто бы мне 100 рублей давал, я бы не взял. А сказал бы: "Мне лучше эти девочки". И такая улыбка засияла на его лице, что все уныние нашей послушницы куда и девалось. Поисповедовал ее, прижал к своей

благодатной старческой груди, у нее полились слезы раскаяния и радостного благодатного умиления.

Так вовремя была спасена душа от "завистника врага". Потом она жила и в Черниговском женском монастыре, была клирошанкой, хорошей чтицей.

Рассказывала одна тайная монахиня.

"Отправили меня на Донбасс. Я пришла к Батюшке за благословением. Он мне сказал: "Едь, поездишь туда да сюда, и приедешь обратно. Будет неплохо". Эти слова исполнились. Я поехала да и назад вернулась. По его святым молитвам.

Когда Батюшка умер, то меня не было здесь. Я очень скорбела, что ничего у него не спросила о своей жизни. После сильных слез и уныния приснился мне Батюшка (вскоре после смерти его). Будто иду я к нему за благословением и несу гостинец. Попала я в великолепный сад необыкновенной красоты. Пение такое умирительное, что я и сейчас в восторге. Вижу, домик стоит. Я поняла, что это Батюшкина келлия, и я пошла к нему. И тут я увидела Батюшку, который благословил меня, а потом взял мою голову и туго крестообразно прижал к груди. Я подумала, что это потому, что я грешная, так он так туго взял за голову. Потом я Батюшке помогла выйти из келлии, около которой было две дороги: одна широкая, ровная, другая узкая,

каменистая, неровная. Я хотела вести Батюшку по широкой дороге, чтоб удобней идти. Но он свернул направо, на узкую дорогу и сказал: "Вот иди по узкой дорожке. Это тебе благословение". И я проснулась.

Так я теперь и живу. Сложилось обстоятельство так, что я попала к духовному сыну Батюшки отцу Никифору. И он меня направил на этот узкий путь. И я молюсь, чтобы дойти этой дорогой до конца".

Рассказ одной еврейки.

Накануне войны три еврейские девочки решили посетить "дедушку", о котором они много слышали интересного. "Он много говорит наперед и бывает весело на душе".

Они взяли гостинец: по поллитровой банке меду, две из них по сдобному калачу с маком, а третья — яблоки.

Попасть в это время было трудно им к Батюшке. Так он на их счастье в это время выглянул на улицу, и они встретились. А перед этим одна из них, у которой были яблоки, смутилась, что они "дедушке" несут большой гостинец, куда он будет его девать, и стала есть яблоки и угощать подруг, но те отказались. Так мол нечестно делать. И Батюшка ("дедушка") двоих обнял и сказал, какие хорошие девочки, что пришли проведать "дедушку". "За вашу любовь и искреннюю милость Господь в тяжелом обстоятельстве спасет вас от

смерти. А ты (третья) упадешь и уже не вернешься”.

И они ушли, двум было хорошо на душе и по сей день осталось что-то незабываемое. А третья ничего не ощутила. В скором времени грянула война. Они вспомнили ”дедушку”. Все эвакуировались. Попали под бомбежку. Тех девочек вместе с другими засыпало землей. Этих двух спасли, а третья умерла со многими. Так исполнились предсказания старца.

И когда умер Батюшка, одна из этих бывших девочек, она уже женщина, обращалась к своей сотруднице на работе и говорила: ”Какое горе Чернигову, потому что умер такой дорогой человек арх. Лаврентий”, и поведала о своей встрече с ним в детстве. Рассказывала, что она вышла замуж за русского, почитает русские праздники и восхищается жизнью и делами этого дивного старца. Поражена его прозорливостью, что он даже вышел тогда им навстречу, иначе бы они его не увидели.

Рассказ одной благочестивой сестры, дочь которой была келейницей у м. игумении Домницкого монастыря.

”Жила я в селе, но душа моя жаждала другой среды, духовной, монастырской. Пошла я к матушке игумении Домницкого монастыря. Она соглашается принять меня и послала меня в Чернигов к о. Лаврентию за благословением.

Пришла к Батюшке, упала в ноги, плачу,

объясняюсь. Батюшка выслушал меня и говорит: "Нет. Живи дома. Что монастырь? Мы собрались на время помолиться. Дома живи, "где 2—3 собрались во имя Мое, там и монастырь". — "А я же мирская", — сказала я. — "Когда муж придет, ты проси у него расписку, что он не против того, что ты идешь в монастырь, а игумения тебя оденет".

Я так и сделала по его благословению да святым молитвам. Действительно, муж вернулся с войны. Я потребовала от него расписку. Он не отказал мне в этом, и сам уехал далеко от этих мест. Став свободной, я попросила м. игумению одеть меня. Она вначале отказала, как семейной. Я показала ей расписку от мужа, и она согласилась, одела меня. И я так и живу по благословению этого великого прозорливца.

При беседе матушки игумении Домницкой с Батюшкой о. Лаврентием он сказал: "Когда вы будете в Троицком монастыре, а потом его закроют на "длительный ремонт", то не забудьте (обратился он к келейницам), а нас тогда не будет, передать всем, чтобы не соглашались ехать на села к родственникам. Оставайтесь, по возможности, в городе. В селе служба 1 раз в неделю, а то и реже, и работы много. Вам будет не до молитвы. Еще раз повторяю, чтоб этого не забыли".

Так и случилось: "Мы прожили 10 лет и переехали в Троицкий монастырь, и потом и

отсюда ушли. И я думала к маме, — вспоминает одна келейница матери игумении, — а потом вспомнила эти слова Батюшки и всем сестрам передала. И многие переписались на город. А кто остался в селе — жалеет”.

Так исполнились слова старца.

Батюшка очень уважал Домницкую матушку игумению, сестрам ее говорил, что есть им у кого поучиться. У нее идет молитва Иисусова непрестанно, и приговаривал: ”Она чаек пьет, а молитва в сердце бьет”. И призывал учиться у нее и спрашивать, потому что не все время будет с ними. ”Можете не всегда ко мне обращаться. Если будете в унынии, то обращайтесь к ней. Она сама была борима. И ее молитва сильная”, — говорил Батюшка о Лаврентий сестрам. И так было после смерти Батюшки. Она нам помогает — схиигум. Архилая, — говорили сестры.

Келейница м. игум. Архилаи спрашивала, как она переносит всякие огорчения, напасти, которые враг-завистник наносит ”во сне”, да еще будучи постельно больной. А м. игумения ответила, что эти скорби ее нисколько не задевают. У нее идет молитва непрестанная (сердечная), а только сердце побаливает от непрестанной сердечной молитвы Иисусовой.

Женщина обратилась к Батюшке со своим горем: родился сын ”калечка”, она принесла его к Батюшке и сильно плакала. Батюшка перекрестил

и сказал, что это Господь заберет, а еще будут двое, то будут для утешения. Так и сбылось.

Батюшка любил точность и аккуратность в церковной службе. Владыка Борис любил изменять устав: вместо простой службы — полиелей, вместо полиелея — бдение. И это было неоднократно. В одно из таких нарушений Батюшка расстроился, бросил книги и сказал: "Зачем уставы написаны и по ним книги?" И гневно воскликнул: "Такой Владыка больше двух с половиной лет не будет здесь". Что действительно и исполнилось.

Батюшка был недоволен, когда не вычитывали кафизмы. "Лучше солнцу перестать светить, чем кафизмы перестать читать", — гневно говорил Батюшка. И при владыке Борисе перед праздниками кафизмы вычитывали перед Вечерней, а в будние дни все в свое время.

На приходе один маститый батюшка, о. Ф., благословил сокращать "Погребение". Об этом сказали Батюшке. Он с гневом ответил: "Если не будет на Страшном суде отвечать, то пусть сокращает!" Тот испугался и отменил свое благословение.

Когда открылся монастырь, настоятель был протоиерей Д., который не любил сестер. Все ему было не так. Пожаловались Батюшке. Он сказал, что это он нервничает: или отсюда уедет или умрет.

При другом Владыке его послали на приход, где через год он умер. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Однажды монахиня М. пришла к Батюшке, чтоб он благословил ее запечатать сестру, которая пострадала от немцев. Все село было сожжено, и много людей погибло, по-видимому, и сестра. А батюшка спросил: "Помогала ли она тебе?" – "Да, помогала, давала хлеб и молоко", – ответила монахиня М.

"Тогда она ни в огне не сгорит, ни в воде не утонет", – сказал Батюшка. Монахиня опять за свое, чтоб благословил запечатать.

"Иди, тебе сказано. Не мешай мне работать", – еще раз повторил старец и занялся своим делом.

Она не поверила словам Батюшки, пошла к другому священнику и тот ей благословил. И она исполнила свое намерение ("запечатала"). Назавтра приходит сестра жива-невредима проведать свою сестру в монастырь. Батюшка очень огорчился, что спрашивать идут, а делают по-своему.

Одна женщина пришла к Батюшке за благословением поехать по какому-то делу. Батюшка не благословил. Ей очень хотелось выполнить свое намерение, и она поехала. В дороге случилась большая беда, и она чуть не погибла. Потом пришла к Батюшке, плачет и просит прощения. А Батюшка сказал: "Это тебе за не-

послушание. Идешь за благословением, а делаешь — по-своему”.

Одна девица из села В. пришла к Батюшке за благословением поступить в монастырь. У нее была мать и брат. Батюшка сказал, что у нее есть мать, за которой нужно ухаживать. А девица утверждала, что у нее еще брат есть.

”Нет, — сказал решительно Батюшка, — живи с матерью и молись, непрестанно читай молитву Иисусову”.

Началась война, брат не вернулся, и она с матерью живет сейчас. Так исполнились слова прозорливца.

Одна девушка пришла к Батюшке за благословением в монастырь. Но старец сказал: ”Нет, твой путь в мире жить и чад растить. Не все спасутся в монастыре и не все погибнут в мире. Живи благочестиво, и Матерь Божия поможет спастись”. Так все и сбылось. Вышла замуж. Муж рано умер. Осталась вдовой. Жить старается благочестиво.

Рассказывала одна женщина: ”С мужем я имела неприятности. Не хотела с ним ”жить” под праздники и в посты. Он был недоволен, ругался. Я не знала, что делать. Плакала, молилась.

Приснился мне Батюшка о. Лаврентий и сказал: ”Иди к о. Никифору и все дело наладится”. Так и сбылось. Батюшка о. Никифор по-

молился, передал пирожок, и все у нас наладилось. Он стал слушаться меня”.

Назначили в Германию. Забрали на сборочный пункт. Мать с отцом в селе. Я стою и молюсь Божией Матери, чтобы молитва о Лаврентия помогла мне. Вдруг подходит полицейский, который охраняет, и говорит мне: ”Что ты такая скучная, заплаканная. Мне очень жаль тебя. Я уйду за угол, а ты по трубе спустишься и беги. Я тебя не буду видеть”.

Он еще не успел за угол зайти, спустилась одна впереди меня (она слыхала наш разговор), а за ней и я. Подошел другой полицейский, и я у него под рукой прошла. И пошла прямо к Батюшке. Документы мои остались там. Говорю Батюшке: ”Теперь могут всю семью расстрелять, что делать?” Он говорит: ”Не бойся, иди прямо в село, живи, пока не получишь повестку. Если получишь повестку, то говори, что я пошла к маме взять кое-что на дорогу и попрощаться, а эшелон уже ушел, и ничего не будет ни тебе, ни им. Не волнуйся”.

Так и случилось. Дождалась повестки и приехала к ним. Они спросили: ”Почему убежала?” Я говорю: ”Нет, я не убежала, а пошла с мамой попрощаться”. Они накричали и отправили меня. И ничего мне не было по святым молитвам Батюшки.

Один мужчина пришел к Батюшке с жалобой на сильные головные боли. Батюшка сказал ему: "Иди, копай пещеры у преподобного Антония, возьми камень оттуда и приложи на голову". Недели две он копал пещеры и голова перестала болеть. Пришел к Батюшке и говорит: "Голова уже не болит". Батюшка ответил ему: "Господь помог тебе. Больше не будешь болеть". И теперь ему уже 85 лет и никогда не бывает головных болей.

Глубоко верующая и почитавшая старца Лаврентия женщина пришла к Батюшке за благословением: что ей делать? Муж попал в ссылку. У нее трое малых детей. Ей советуют отдать детей в детдом, чтобы легче было прожить. А у нее материнское сердце обливается кровью от скорби.

Батюшка выслушал ее внимательно, потом посмотрел вверх, да и говорит: "Одному место есть. А дочь у тебя будет монашкой, а вот где же третьему место?" И Батюшка словно глазами отыскал третьему место, а потом сказал: "А вот и третьему есть место".

Она ушла утешенной. Действительно пророческие слова исполнились. Вскрости самый маленький сын умер. Лет через пять умер и второй. А дочь подросла и ушла в монастырь.

Рассказывала одна сестра П.

Пошли мы с сестрой Н. к Батюшке проситься в монастырь, который недавно открылся в Чернигове. Батюшка сказал, что позже, тогда все вместе (трое). А теперь не время.

Через некоторое время я опять пришла к Батюшке. Он благословил и сказал: "Давай скорее, все трое приходите". Это были две мои сестры. И начал беседовать о трудном положении, "что хороших келлий нет, а есть одна не весьма оборудованная, там будет и холодно, может, и вода будет замерзать. Но все нужно терпеть".

Я выслушала, а в душе никак не соглашаюсь. И думаю, как бы послушаться и не переходить в эту келлию. И ушла. Но Батюшка вернул меня со словами: "Я сказал переходите". И мы послушались, поселились в этой келлии. Сестры мои живут, трудятся, ходят в церковь, молятся. А я совсем занемогла, слегла в постель, а в душе такой ропот и на квартиру и на Батюшку.

А он в один из таких дней подошел под окно нашей келлии и заглянул, молча, но строго. Я, увидев его, смутилась и в душе почувствовала себя виноватой. Я собрала все силы и поднялась с постели, пошла по келлии. Мне стало легче и с того дня я стала поправляться, начала ходить в церковь и включаться в монастырское послушание. У Батюшки попросила прощения и больше не роптала.

Одна женщина пришла к Батюшке с жалобой на свою болезнь. И спрашивает, что когда уже душа очистится, чтоб болезнь оставила ее. А Батюшка сказал, что болезни бывают разные, что есть болезни за прародительские грехи. И эти болезни освобождают их от уз.

Рассказывала одна монахиня П.

”После смерти Батюшки на душе было тяжело, не было любви к сестрам и какая-то внутренняя неудовлетворенность.

И снится мне Батюшка: такой молодой, во всем белом; келлия такая богатая, вся сияет. От страха я проснулась. Потом закрыла глаза и опять вижу то же самое. И проснулась. И думаю себе, чего же я просыпаюсь и не нагляжусь на Батюшку и не поговорю с ним.

Опять снится та же красота. Батюшка будто позвал меня и еще двух сестер. Мы взяли благословение, а он и говорит: ”Любить нужно всех. Любовь – великое дело. Никого не обижать и за зло платить добром. А мысли – это ветер”. Я проснулась и была утешена”.

Пришла женщина к Батюшке и жалуется, что сильно ее томит дух уныния, что не спасется. А Батюшка утешил ее, сказавши: ”Чего ты не спасешься. Ты записана в ”книге жизни”.

А другая, стоявшая рядом, спросила, что ей делать, чтобы быть записанной. Батюшка ответил:

”Нужно читать молитву Иоанна Златоустого ”Господи, не лиши мя небесных Твоих благ” и т. д. ежедневно утром и вечером, и ходить в церковь, и Господь спасет, если будешь умом беседовать с Ним”. И они ушли утешены.

Одна мать пришла к Батюшке пожаловаться, что долго ничего нет от сына. Батюшка говорит, что не успеешь прийти домой, как получишь письмо. ”Да знай, что материнская молитва ни в огне не сгорает, ни в воде не тонет”.

И она шла улицей, а ей почтальон отдал письмо. Так исполнилось предсказание старца.

Один мужчина отрезал кусочек облачения свят. Феодосия, когда его вывозили из Петрограда. Когда пришел он домой, то его сильно мучило, он бросил этот кусочек в колодец. А когда исповедовался у Батюшки, то все грехи исповедовал, а этот забыл, а Батюшка прозрел этот грех и сказал каяться. Он каялся и стал глубоко верующим человеком, поражался прозорливости старца.

Батюшка говорил, что священнослужители станут сокращать службы, вначале Псалтирь, а потом часы. Господь не потерпит, да как шархнет, как колоколья в высоту, так будут вниз падать. И от страха многие призовут имя Господне и по вере спасутся.

Одна женщина отрезала кусочек тела от мощей свят. Феодосия. У нее появились раны по телу, а врачи ничего не могли сделать. Все тело было покрыто гноем. Привели ее к Батюшке, а он спрашивает: "А куда ты девала тот кусочек тела от мощей свят. Феодосия, который отрезала". Она сказала, что бросила в колодец. "Так вот, если поймашь тот кусочек, выздоровеешь, а если нет, то умрешь". И она умерла, как в наказание за грех.

Мать одного священника, еще будучи девушкой, пришла к Батюшке за благословением в монастырь, так как ее многие сверстницы получили благословение на это, а Батюшка посмотрел на нее, да и говорит: "Ты иди замуж". Она стала возражать и не соглашаться, а Батюшка ответил: "А кто ж будет рожать батюшек и архиереев?" Предсказание исполнилось, у нее родился сын, сейчас он протоиерей.

У Батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром сердечной молитвы, прозорливости и даром исцелений.

Батюшка сильно плакал, когда кающийся грешник открывал свои смертные грехи, такие, как "детоубийство во чреве матери". Он говорил, что той матери нужно много слезно молиться, чтоб Господь простил этот страшный грех. Он говорил, что этого греха нужно бояться

хуже, чем огня. "Сохрани Бог делать этот грех", — строго говорил старец Лаврентий.

Рассказывала матушка благочинная (она же и певчая), как была она еще девочкой-подростком и поехала в Чернигов к Батюшке, взяла с собой сестричку — малолетку тоже, у которой болела нога от пореза стеклом. Вот она сестричку Е. оставила в стороне, а сама подошла к Батюшке, а Батюшка сразу подозвал меньшую, благословил и пригласил петь "на хоры". Она смутилась, покраснела, а Батюшка всем сказал, что это будет самая лучшая из всех певчих, даже солистка. Все улыбнулись.

Прошло время, девочка выросла, была хороша собой и обладала очень красивым, нежным сопрано и была первой солисткой в батюшкином хоре. Этому мы все свидетели, перед кончиной она сподобилась облечься в великую схиму.

Рассказывала матушка благочинная, что общили из дому в монастырь, что отец тяжело болен и чтобы немедленно приехала. "Я пошла к Батюшке за благословением, да и хочется мне знать, долго ли он проживет. А Батюшка назвал только цифру 9, а дальше я ничего не поняла и уехала. Отца я застала уже совсем слабым. Он прожил всего 9 минут и скончался. Я удивилась прозорливости старца".

Рассказывала одна (духовное чадо Батюшки, она же и хористка). "Во время войны, когда была малолеткой, при оккупации, в день праздника Георгия Победоносца, во время акафиста, Батюшка пальцем подозвал меня к себе, дал просфору и благословил немедленно бежать домой. Я еще в нерешительности думала, что делать, а он строго настоял на своем: "Беги домой".

Прихожу домой, открываю дверь. Дома никого не было. Вдруг стучатся три человека, спрашивают, кто здесь живет, какой состав семьи. Нас было трое детей, отец и мать. Они постояли, подумали. Один из них махнул рукой и сказал: "А, ладно, пошли дальше!" И ушли.

А вечером мы узнали, что ходили и забирали коров, и почти у всех соседей забрали, а нашу сохранил Господь, по молитвам великого старца, который прозрел и подал руку бедному семейству.

"В монастыре я была на послушании огородницы.

Послали меня к архиерею, где назначили зарплату 300 р. (т. е. 30 р.). Я спросила у Батюшки, как мне быть. Старец Лаврентий не благословил брать деньги, а сказал: "Тебе Господь пошлет. А если будешь работать за деньги, то награды не будет. И если в церкви поют за деньги, тоже ничего не приобретают для души".

Я так и поступила, как говорил старец, и Господь никогда меня не оставляет”, – рассказывала о себе сестра А.

Во время домашней келейной молитвы кто-то сильно постучался в дверь к Батюшке. Когда открыли, то увидели мужчину, который укоризненно кричал, что он приехал издалека и ему не хотят открыть. Батюшка вышел на шум, да и говорит: ”на поляницы” (хлеб) позавидовал. Но если у престола будешь не по правде, то можно, как говорится, и двух лет не прожить и сгореть”.

”Да, я хочу на священника”, – сказал мужчина.

”То иди к архиерею. Пусть он, как хочет. А я не хочу”, – резко ответил Батюшка.

Он обратился к Владыке Борису, который его рукоположил во священника. И он двух лет не прожил и умер, как и предсказал старец. Батюшка с сожалением и слезами вспоминал о нем: ”Он ничего не может, а только погибнет душа его”.

Батюшка часто повторял: ”Жалко неопытных священников, потому что у них времени не хватает вычитывать все. Записки не читают на проскомидии, а в будущей жизни будут за спиной носить. Если бы были опытны, то непрочитанные записки аккуратно сложили бы в столбики, да со страхом перекрестили, да ска-

зали бы: "Помяни, Господи, всех здесь написанных и не прочитанных по немощи человеческого естества", и они бы не отвечали по человеколюбивому Богу нашему. А они неопытны, частицы вынут, а записки везде валяются по окнам, а за это будут нести ответ", — так говорил добрый старец и обливался горькими слезами.

Когда началась Отечественная война и открылись монастыри, у меня явилось сильное желание посвятить свою жизнь Богу. Я просила мать, чтобы она дала согласие уйти мне из родного дома в монастырь.

Мать колебалась, так как была слаба здоровьем и решила обратиться к старцу Лаврентию, как он скажет, так и будет. Батюшка одобрил мое намерение и сказал матери: "Вот и правильно она делает, что решается на эту жизнь, только она еще молода, пусть годик поживет дома, а тогда придет". А мать говорит: "Их у меня две, а кто же мне помогать будет?" — "А вот она и будет помогать. Будет и молиться и доставлять тебе все, и садить, и убирать", — сказал Батюшка. Мать успокоилась и дала свое благословение идти мне в монастырь. И действительно сбылись слова старца Лаврентия. Я с монастыря всегда приезжала матери на помощь, так как м. игуменья сочувствовала бедственному положению моей матери.

По благословию о. Лаврентия владыка Б. ходатайствовал за мощи черниговского святителя Феодосия. И когда он уехал, то Батюшка слезно ежедневно служил акафисты святителю Феодосию с молебнами и коленопреклонными молитвами, а с ним и многочисленный народ.

И когда привезли святые мощи, то он радостно воскликнул: "Христос Воскресе" и сказал: "Теперь свидетель будет в нашем граде до скончания века и град будет избавлен от глада. Если не уродит озима, то будет яровой урожай. Он великий молитвенник и заступник, кто с верою притекает к нему". И действительно мы ощущаем его святую благодатную помощь.

Одна сестра пришла к Батюшке в сильном унынии и говорит, что она томится душой, что не спасется. Батюшка ответил: "О тебе нет речи, что спасешься. И все люди, кто истинно кается и говееет, спасутся, только обители будут разные и люди будут не в одном месте".

Матушке игумении А. нужно было поехать в Киев. Она пришла за благословением к Батюшке. Но он не благословил, сказал: "Не нужно ехать", и повторил трижды. Матушка настояла на своем, без благословения поцеловала руку старца и уехала.

Когда стали подъезжать к Киеву, м. игумении стало ломать все кости. Приехав на квартиру, она пять дней пролежала в тяжелом

состоянии в постели и еле жива вернулась домой. Каялась в своем самочинстве и рассказывала всем сестрам для назидания, чтобы ничего не делали без благословения старца.

Матушка Д. пришла к Батюшке и рассказала свой сон. Ей приснилось, будто она отреклась от Евангелия. Батюшка ответил, что это бывает за какой-то грех: или поругалась, или обидела кого, может, кого не пустила переночевать.

Она ответила: "Да, Батюшка, вчера я своей знакомой женщине отказала в ночлеге, так как она была не одна, а с сыном подростком". – "Зачем ты так сделала?" – спросил Батюшка. – "Я не люблю мужчин", – ответила монахиня. – "Э, нет, нет, так говорить нельзя. Душа одинакова, что мужская, что женская. И вот ты заповедь не исполнила и будешь отвечать на Страшном суде! Они приехали поговорить и не смогли спокойно помолиться", – так строго наказал старец м. Д.

Она каялась, просила прощения и ушла со слезами.

Рассказывала матушка П.

"Однажды начальник вызвал меня к себе и спросил, пою ли я. Я ответила, что пою и светское и церковное (так Батюшка учил нас говорить). Меня Бог одарил голосом. "А ты пой только наше, светское", – сказал начальник. Я ничего не ответила ему, а когда рассказала Батюшке, то он благословил немедленно выез-

жать куда-либо. "Ты слабая здоровьем, "переселения" не перенесешь. А скоро откроются монастыри, нужны будут певчие. Ты будешь нужным человеком. Будешь солисткой. Немедленно нужно выезжать", — строго увещевал старец.

Мне сильно не хотелось уходить от старца. И я, слезно упав в ноги, попросила благословения и святых молитв, пошла странствовать, в душе храня великие слова старца. И действительно прошло немного времени, началось страшное время войны. Открылись церкви, монастыри. И все те слова, которые говорил Батюшка, исполнились на мне грешной. Я пела в хоре, была солисткой и сейчас пою в хоре, чем зарабатываю себе кусок насущного хлеба".

"Мы жили вдвоем с м. Т. при м. игумении, — рассказывала инокиня П., одна из близких келейниц при м. игумении А., — нам было очень тяжело. А тут еще начался ремонт, то уж совсем невыносимо было наше положение. Случайно вышла я во двор. Вижу Батюшку ведут сестры в церковь. И побежала за благословением, а слезы так и катятся из глаз. Батюшка остановился, благословил меня и сказал: "Еще три денечка, а там будет легче, так скажи и своей помощнице". И я так обрадовалась этим словам, и мне стало так легко, словно Батюшка снял с моих плеч тяжелую для меня ношу. И действительно, через три дня нас перевели в другую келлию и там стало гораздо легче жить. Так прозрел Батюшка

нашу скорбь и помог своими святыми молитвами”.

”Во время войны, когда Чернигов был подвергнут сильному разрушению, Батюшка временно переживал в селе Синявка, — рассказывала м. П.

На другой день по приезде благословил нас двоих в Чернигов проведать дом, походить вокруг храма, чтобы Господь сохранил, потому что нам он нужен будет, и чтобы наши воины не погибли, чтобы больше их сохранилось. Мы пытались отказаться, было очень страшно. Но Батюшка настоял и ободрил — ничего не бояться и идти той дорогой, которую указал, и той же возвращаться в тот самый день.

Для нас это все было почти невозможным, но мы, надеясь на милость Божию и на батюшкины молитвы святые, пошли в путь и с успехом вернулись. Батюшка был очень рад нашему послушанию и сказал, что теперь все останется в целости и двор, и дом, и церковь. И действительно все сохранилось, и нигде бомба не упала, где обитал Батюшка. Все село от старого до малого бежали за благословением к старцу и воины и раненые. Батюшка сам подходил к раненым, крестил их раны, исцелял и ободрял их своими прозорливыми словами, что они не погибнут, что вернутся с победой домой. Что враг будет недолго, потому что он злой. И

молился утром и вечером со слезами, с поднятыми вверх руками за нашу русскую землю.

И так сбылось все. Многие воины писали письма и благодарили "дедушку" за хорошие пожелания, что они действительно остались живы по предсказанию старца, и многие из них возвращались домой глубоко верующими людьми.

Батюшка часто повторял, что идет злой враг он будет села сжигать, женщин с малыми детьми в огонь бросать и сильно плакал. "Это идет наш бич. Но он будет недолго: года два с половиной, — говорил Батюшка. — Потом люди в воскресенье не будут работать, и церкви будут и монастыри. Молитесь за нашу святую Русь. Она как роза цвела. А иностранцы ввели содомские грехи. Чревоубийственные, венерические болезни, чем осквернили ее и оскорбили", — так говорил старец, болезнью о прошлых и грядущих событиях.

"Я приболела и не могу выйти на работу, чтоб начислить зарплату (она работала бухгалтером)", — сказала одна благочестивая женщина Ю. Батюшке. "А ты к врачам обращайся, и лечись травами. Врач, если верующий, то он, как Апостол. А к шептухам не ходи, это бесовское дело. От них отнимается благодать. Они к молитвам да прибавят еще слово "свое". Вот если в бочку меда да влить ложку керосина, то и не будешь есть. И с такими не дружи, — про-

должал Батюшка, — которые не верующие. Если поставишь бочку с керосином и сам походишь около нее, то пропитаешься его запахом. Так, если будешь дружить с неверующими, то согрешишь. Господь сказал: "со избранным избран будешь". Держись верующих людей, то будет легче", — так увещевал Батюшка своих чад.

"Заболела у моей дочери нога. Лечили мы и сами всякими народными средствами, а нога все хуже становилась. Обратились к медицинской помощи. Врачи сказали, что дело серьезное: загнила кость, нужно ампутировать ногу, чтобы сохранить жизнь девочки.

Я со слезами обратилась со своим горем к Батюшке о. Лаврентию, — рассказывала одна боголюбивая женщина. — Батюшка сказал: "Да, у врачей ножи острые, а благодати нет. Не скорби, — утешал Батюшка, — она выздоровеет. В больницу не ложите, а пусть здесь в монастыре с неделю поживет". И я оставила ее у одной монахини А., а сама уехала домой в село.

Ее каждый день утром и вечером носили в церковь. А Батюшка после службы подходил к ней и своей благодатной рукой крестил ногу и поглаживал.

Через две недели дочь выздоровела и пошла своими ногами, оставив костыли. Я пришла к Батюшке уже со слезами радости и благодарности. Не знала, чем и как отблагодарить старца. А он только улыбнулся и сказал:

”Хотел бы я, чтоб она не только физически исцелилась, но и духовно...”

Одна верующая женщина рассказывала о себе:

”Во время войны была я в больнице с ребенком. Когда немец стал отступать, то и мы разбежались, кто куда. Я стояла на вокзале, прижав к груди ребенка, и плакала. Немец кричал: ”weg, weg!” Я не знала, к кому обратиться за помощью. Из людей никого не было знакомого, а к Богу — я была неверующая.

Вдруг ко мне подошла знакомая монахиня П. Она из нашего села. Я рассказала ей свое горе. Она сострадательно отнеслась ко мне и посоветовала обратиться к старцу Лаврентию. Я согласилась и последовала за ней в монастырь с ребенком в руках.

Батюшка как увидел нас, то воскликнул: ”Кого ты принесла ко мне, да это Ангел, его место на небе!”

Потом накормил нас. Девочке моей дал большую просфору. А меня спросил: ”Ты будешь приезжать ко мне?” Я ответила, что не знаю. ”Будешь, будешь”, — уверенно ответил старец. Дал мне в сопровождение мою знакомую мон. П. и отправил домой в село, указав, какой дорогой нужно идти и что нужно отвечать, если спросят: ”Это я веду свою сестру”. И мы благополучно добрались до своего села. Мать, как увидела меня, то воскликнула: ”Христос Воскресе!” Я рассказала ей, что побывала у старца о. Лав-

рентия. Мать моя была верующая и очень чтит Батюшку. Тогда она радостно сказала: "Значит, ты будешь верующей!" О девочке я рассказала, как Батюшка Ангелом назвал. Мать, помолчав, печально заметила: "Наша девочка, наверное, умрет, потому что Батюшка ничего не говорит напрасно". И действительно, дочь моя года через три умерла. Муж был убит на фронте.

Я стала верующей и часто приезжала к Батюшке.

Был такой случай: однажды я по делу приехала к Батюшке, а он говорит: "Если ты будешь выходить замуж, то смотри повенчайся". А мне находились хорошие люди. "Но лучше было бы, если бы ты не выходила замуж, потому что ты и так уже блудница. А если не выйдешь и будешь жить в чистоте, ходить в церковь, молиться, то через 18 лет будешь причислена к "девам". Останется только небольшой шрам на душе. Так вот смотри, как хочешь".

Я упала в ноги старцу и слезно произнесла: "Помолитесь, Батюшка, чтобы мне устоять и не выходить замуж". "Если у тебя есть желание не выходить замуж, то и не выйдешь", — сказал Батюшка. И по милости Божией да по святым молитвам старца я осталась одна. Читаю свое правило, и день и ночь благодарю Господа за Его милость".

"Прихожу я на работу, — рассказывала та же боголюбивая женщина, — а меня ставят в из-

вестность, что должны перевести на другую работу, более ответственную, которая не по мне, так как я малограмотная. Я попросила 1 час для обдумывания и пришла к Батюшке за советом: как мне быть. А я стояла в раздумье, что лишюсь куска хлеба, так как не смогу работать, и горько плакала.

Расспросив обо всем, Батюшка благословил идти на эту работу и ничего не бояться. Но только пророчески сказал: "Иди и работай, 10 лет проработаешь, а потом найдешь другую. Я помолюсь, то Бог поможет. А после 10 лет, когда будут увольнять, то говори только правду и тебе Бог поможет".

Я работала исправно. Прошло 10 лет. Батюшки уже не было. Меня обвинили в каком-то незаконном деле. Начальник уговорил меня взять вину на себя, а что он меня потом выручит из этого положения; подсунул мне бумажку для подписи. Я согласилась, подписала, а сама мучаюсь совестью. А потом вспомнила вдруг слова старца, чтобы говорила только правду. Я зарыдала и стала мысленно призывать на помощь Батюшку. Мне явилась мысль, чтобы забрать тот документ ложный, который я подписала. Нашла момент, когда начальник куда-то вышел. Я быстро нашла в папке документ и уничтожила, сказав начальнику, что я ничего подписывать ложного не буду. Буду говорить только правду. Начальник сильно расстроился. При комиссии я дала верные показания, но с

работы я немедленно ушла и поступила на другую. Так исполнились прозорливые слова великого старца”.

Во время разрухи Батюшка благословил двум сестрам поехать в Иверскую страну. “Там бес не воссядет, гонения не будет, а в ”другое время” будет незначительное, так как Матерь Божия охраняет это место”, – сказал старец. Они поехали по благословию Батюшки и были довольны.

Однажды встретил Батюшка на монастырском дворе одну свою духовную дочь А., которая жила в селе с матерью, да и спрашивает: “Ты приехала?” – “Приехала, Батюшка, да уж больше и не поеду в село. Брат сильно недоволен на меня, гонит из дому, хочу оставить ему свою часть дома”, – со слезами сказала А.

“Нет, от хаты нельзя отказываться. Хата наша, монастырская. Об этом золотыми буквами написано на небе. (Батюшка протянул руку и показал смущенной сестре на небо.) Твой отец пред смертью дал завещание матери, что хата – на монастырь и материал, который во дворе, – тоже на монастырь. И Гаша пусть там живет. А если ты боишься там жить, – Батюшка взял свой крест и осенил им все четыре стороны и проговорил: ”вот, наша победа, а не ”его”. Ты потом продашь и купишь себе, а брату отдавать нельзя”, – настаивал Батюшка.

”У нас двор негодный и три тысячи не дадут, за что же мы купим?” — ответила А. — ”Мать умрет, тебе дадут 18 тысяч”, — сказал старец. ”Я приехала домой, — рассказывала сестра А., да и спрашиваю мать: ”Что говорил отец пред смертью по поводу нашего жилья?”” Мать к моему удивлению повторила слова Батюшки: что все на монастырь. И я рассказала мою беседу со старцем.

По молитвам Батюшки брат стал убегать от меня. Со временем мать умерла. Рядом с нами жил начальник (председатель), очень хороший человек. Однажды он пришел и сказал, что хочет купить нашу хату и дает 18 тысяч и кладет мне на книжку, и свой двор соединяет с нашим.

Материал я предложила одному священнику в соседнее село для построения дома, дала ему как жертву. Когда приехала и рассказала обо всем Батюшке, он похвалил меня и сказал купить за эту цену домик в городе. Я жила в монастыре, а домик воздерживалась купить. Но Батюшка беспокоился за меня, я по его благословиению купила за ту самую цену, где живу и теперь.

”Батюшка, благословите не есть сала”, — просила одна женщина. ”Как говорится: сало можно есть, а людей нельзя”, — ответил старец. Через некоторое время она опять за обедом повторила свою просьбу. Батюшка повторил тот же ответ. Сестры потом узнали, что она очень

плохо жила со своей снохой, очень тихой, терпеливой и богобоязненной женщиной.

Одна женщина рассказывала случай из своей жизни:

”Жила я в селе и на свои нужды одолжила у соседки 6 руб. денег и пообещала ей отдать сразу, как съезжу с торгом в город. В тот же день собрался и сосед продавать корову. Мы договорились возвращаться вместе вечерним поездом. По дороге я зашла за благословением к Батюшке. Старец благословил меня и сказал немедленно ехать домой, дав мне денег и сказавши: ”Это отдашь долг, а рубль на дорогу. Езжай сейчас же этим поездом”.

Я не смела послушаться старца, молча побежала на вокзал, а в голове разные мысли, что дескать что-то не так. В волнении прибыла домой. Дома все в порядке. Меня спрашивают, что так быстро вернулась. Я молчу. Наступил вечер, соседа нет. Наутро нашли его убитым в лесу и деньги забрали. Я приехала к Батюшке и рассказала о происшедшем. Батюшка ответил: ”Ангел-хранитель вас спасает”. По молитвам старца я была спасена от наглой смерти”, — так кончила свой рассказ боголюбивая женщина.

”Как, Батюшка, спаслись”, — спрашивает женщина старца. — ”Ходи да пой: ”Слава в вышних Богу и на земле мир”. Нужно, чтобы в душе был мир. Спасение не тяжелое, но мудрое.

При этом времени нужно быть мудрым и спасешься”, – сказал старец.

Одна сестра А. пришла к Батюшке за благословением поехать в Киев помолиться. Батюшка одобрил благое дело и благословил посетить маститого старца арх. Иону.

”Побывали мы по святым местам и зашли к о. Ионе, – рассказывала сестра А. – Келлия заперта. Стучали, стучали, никто не отворяет. Сестры говорят мне: ”Постучи ты, тебе же было благословение зайти”. Я постучала, и старец отворил, благословил всех, а мне сказал подождать, пока напишет письмо о. Лаврентию.

Я подождала. Он вынес мне письмо, да бух в ноги мне земным поклоном. ”Это я не тебе, а вашему старцу. Великий он у вас молитвенник. Вот передай ему от меня”, – сказал о. Иона.

Я простилась и поспешно уехала домой, оставив своих еще на богомолье, чтобы скорее отвезти поручение старцу от старца.

Прибежала к Батюшке о. Лаврентию, да в ноги ему земной поклон. Это, говорю, так велел о. Иона передать Вам земной поклон, и подала ему письмо. Батюшка был очень рад. Оглянулся вокруг, нет ли кого, да и говорит: ”Я его знаю только по духу, а в лицо не видел”.

”Когда я была еще совсем молоденькой девочкой, но грамотной, – вспоминает о себе одна сестра, – я пришла к старцу о. Лаврентию,

то он благословил меня и велел пойти к одному батюшке И. и попросить у него 1-й том "Добротолюбия" и читать его.

Я пошла и попросила от батюшкиного имени. Он подал мне книгу, но был очень удивлен, чем смутил и меня. Ведь я еще не знала тогда, что это за книга.

Спустя много лет я их очень любила, эти книги, много раз их читала, делала выписки для себя. Еще задолго до монастыря Батюшка предсказал, что я буду жить в монастыре, а потом прогонят, что в свое время сбылось".

"Работала я среди образованных людей. Работы было много и притом умственной. При беседе Батюшка меня спросил, читаю ли я Иисусову молитву во время работы. Я ответила — нет. "Нужно читать", — строго сказал старец. Эти слова для меня были непонятны. Я мысленно хотела возразить Батюшке, что в шумном обществе это невозможно. Но, смилив себя, начала приучаться и по молитвам старца со временем уже осуждала себя за строптивость. "Где хочет Бог, там побеждаются естества уставы", — так рассказывала о себе м. М.

"Батюшка, моего сына осудили на 25 лет и имущество должны конфисковать. Осталась невестка с малыми детками, — со слезами рассказывала о Лаврентию пожилая женщина о своем горе. — И хата еще не достроена. Обвиняют

его за халатность, за подписку документов. Он и не виноват, а так за свою доброту пострадал. Плачут детки и жена не знает, что делать”.

”Ничего, он долго там не будет, – утешал старец, – скоро вернется. – Батюшка сказал трижды, что придет, да и будет верующим. – А вы хату заканчивайте, а крышу кройте не железом, а рубероидом, чтобы меньше зависти было. Они придут, посмотрят, да и уйдут”.

И действительно, все слова батюшкины сбылись. Имущество все осталось на месте, и сына оправдали. Он через три года вернулся. И стал верующим и пособоровался и причастился.

”Заходила я к Батюшке да и решила спросить его о своей младшей дочери И. ”Батюшка, что мне делать со своей дочерью. Она у меня самая младшая, но какая-то такая, как бы мне не хотелось. Плачу я о ней день и ночь, чтоб Господь вразумил ее хоть немного, потому что она у меня совсем неразумная. В церковь мало ходит и то, когда умолишь со слезами. А это еще в каком-то художественном кружке готовят для выступления ”инсценировку” беседа ”Евы с Богом”. Я как послушала ее репетицию, то совсем занемогла от скорби, что все это ни на что не похоже. Только бесу служат да и все. Лучше бы мне ее похоронить, чем видеть такое кощунство”, – так со слезами изливала я свою душу старцу о. Лаврентию. А Батюшка внимательно слушал мои слова, опустив голову. А потом

поднял голову, улыбнулся, да и говорит: "А ты не плачь так горько. Твоя плохая дочь И. будет лучше всех твоих детей. Она будет еще молитвенница за весь ваш род и за всех православных христиан. Она обратится к Богу и будет монахиней, как и ты. И тебя досмотрит и с честью похоронит и будет молиться, и из-за нее и другие будут молиться за тебя. А то дело, что они затеяли, разрушится и не будет доведено до конца. Ты молись, и я буду молиться", — сказал Батюшка и благословил меня большим крестом, от чего у меня родилась надежда на будущее.

И действительно, по батюшкиным молитвам дело начало идти по-другому. В скором времени заболела моя дочь И. сильно, забрали в больницу. Признали тиф. Выдержала карантин, стала немного поправляться, заболела повторно тифом, чуть было Богу душу не отдала. И уже когда поправилась и вернулась домой, то я ее не узнала. Она изменилась телесно, а главное стала хорошесть духовно. Моя старость нашла отраду, наблюдая, как моя дочь стала ходить в церковь, молиться дома, читать душеспасительные книги и вести совершенно иную жизнь. Я прославила Бога и великого старца о. Лаврентия".

Одна глубоковерующая женщина Е. рассказывала:

"Во время Отечественной войны получила я

извещение, что сын погиб. Я как верующая мать решила "запечатать". Но мне приснился сон, что будто сын мне прекословит в чем-то и говорит: "не нужно, мама". Я со своим сомнением пришла к Батюшке о. Лаврентию спросить, что делать. Батюшка сказал, что печатать не нужно. "Ты должна еще получить от него известие. А если второй раз будет извещение, тогда и запечатаешь", — так успокоил меня старец.

Его слова исполнились. Через некоторое время сын прислал письмо, что был ранен, а теперь опять посылают в бой, и не знает, вернется ли. Он не вернулся, а там и сложил свою голову. Пришло второе извещение, как и предсказал старец. Я со слезами пришла опять к Батюшке. Он благословил печатать. При выходе я встретила двух женщин, которые спешили к старцу. Я, любопытствовав, остановилась и услышала голос Батюшки: "Какой я вам "ворожбит"? Я не "ворожбит", я ничего не знаю. Иди доедай свои пампушки со свежей сметаной, а ко мне не обращайся". — "Да я хочу знать за своего мужа", — сказала женщина. — "Я ничего не знаю", — строго ответил Батюшка и закрыл дверь. Я потом узнала, что одна из этих женщин была совершенно неверующая и шла действительно как к "ворожбиту", так его и называла. Напекла "пампушек", взяла сметаны, да по дороге их поела, приговаривая: "Что он там знает, сама поем". А Батюшка все прозрел и не принял ее.

”Дочь моя работает медсестрой, — рассказывала одна верующая женщина Батюшке. — Но она похоронила мужа и детей и находится в большом горе. А вера очень слабая. Часто заводит речь о самоубийстве, когда я помру. Я очень боюсь заранее. Прошу помолиться за нее, чтобы ее Господь вразумил, обратил ее душу”.

”Она обратится в день твоей кончины, — сказал Батюшка, — похоронит тебя по-христиански, и помянет, и будет молиться за тебя”.

Я поблагодарила старца и с радостной надеждой ушла от него.

”Когда умерла мать, — рассказывает дочь, о которой была речь выше, — я твердо решила покончить с собой, применив медицину. Решила сделать себе соответствующий укол и усыпить себя навсегда. Когда мать мертвая лежала на одре, я взяла ампулу, шприц и подошла к одру матери, чтобы в последний раз взглянуть на нее и проститься. Только я нагнулась к ней, а ее мертвая, но еще не остывшая рука как хлопнет меня по рукам, да так сильно, что все из рук упало и разбилось вдребезги. Я сильно испугалась и только воскликнула: ”Мама, не буду больше!” И с этого времени как зажегся огонек в моем сердце. Так уж по молитвам старца, да по милости Божией теплится и поныне. Я поняла цель своей жизни. Только каюсь слезно о своем прошлом и молюсь за свою спасительницу мать”.

Так закончила свой рассказ уже глубоко верующая женщина.

Инокня М. вспоминала:

”Однажды мне выпала честь вести Батюшку под руку в церковь. А он такой слабый, идет да спотыкается. Я со всей силы держу его. Стало мне жаль нашего Батюшку да и думаю себе: ”Была бы у меня такая мощь, взяла бы я дорогого Батюшку и отнесла на хоры и посадила бы за пульт, пусть бы управлял своим хором”. Только я так подумала, а старец в ответ мне: ”Эге, если была бы сила. Да силы нет. Спаси тебя Господь, что так подумала”. Так старец Лаврентий прозрел мои мысли.

Подошла я однажды к Батюшке, — продолжает сестра М., — спросить о своем брате. Дело было во время Отечественной войны. Он был взят на фронт. Долго не было никакого известия о нем. Кто-то пришел из товарищей и сказал, что он находится в плену у немцев в г. Гасбурге. Но тот город был сильно потом разрушен, и много людей погибло... И мы, потеряв всякую надежду на жизнь брата, решили обратиться к старцу. Я со слезами объяснила ему свое горе. Батюшка надел епитрахиль, помолился, пристально посмотрел вперед, вроде всматриваясь во что-то, да и говорит: ”Ты права, что все разбито, ничего не осталось. Американцы всех забрали в плен. Но брат твой живой”.

Позже мы действительно узнали, что он жив

и все так произошло, как говорил великий старец о. Лаврентий.

”В монастырь я ушла совсем еще молоденькой девушкой, лет восемнадцати, — вспоминает о себе воспитанница о. Лаврентия м. М., — была очень ревностной, решила своим даром голоса послужить Богу. В один из праздничных дней подозвал меня Батюшка к себе, да и говорит: ”Вот внимательно послушай, что я скажу тебе. Жизнь человека бывает такая, как взять кусок веревочки и завязать на ней три узла отдельно один от другого, то есть поделить на три части. Первая — это пылкая юность, когда человек живет с Богом и только Ему служит. Вторая — это средние года, когда у человека бывает такой напор от врага (по попущению Божию), что он отказывается от Бога, не словом, а делами, и живет, как неверующий. Третий — преклонный возраст, когда человек приходит в себя, чистосердечно раскаивается и опять живет с сильной ревностью к Богу, как в юности”. Я умилилась от этого рассказа, заплакала, но своего не избежала. Все это исполнилось с моей мятежной душой. Я часто со слезами вспоминала роковые слова великого старца”.

”Во время оккупации немцев я получила повестку ехать в Германию. Расстроенная я побежала к Батюшке, — вспоминает м. А., — который успокоил меня словами: ”А там ты не

нужна, а здесь нужна. Успокойся, никто из моих чад никуда не поедет. Будешь здесь". Назавтра я, надеясь на милость Божию, да на батюшкины молитвы, пошла на "пункт", а со мной еще трое. Тех троих "забраковали" сразу и отправили домой, а меня оставили (на вид я была молодая, высокая). Закрыли меня в отдельное помещение в ожидании комиссии. Я твердо надеюсь на батюшкины молитвы и верю его словам, что я никуда не поеду. А сама сильно молилась и клала множество поклонов, так, что стало мне не по себе: сильно билось сердце и сама не могла стоять на ногах. В это время открыли дверь, чтобы я шла к врачу на проверку. Немец как взглянул на меня, то громко закричал "weg", — "негодна", — сказал врач и меня отправили домой.

Я с радостью прославила Бога и Его служителя о. Лаврентия".

"Была я у о. Лаврентия по какому-то делу, а он спросил о моем здоровье. Я поблагодарила да и говорю, что все хорошо, — рассказывала та же м. А.

"А мне твое здоровье не нравится, — возразил Батюшка, — ведь ты больная". Я опять утвердительно ответила, что все в порядке.

Прошло время, и я почувствовала колотье в лопатке. Пошла с жалобой к Батюшке. Он сказал: "У тебя легкие больные. Пей сок бураковый".

Я стала применять его лекарство, но организм никак не принимал его: позыв на рвоту не давал мне проглотить и глоток сока. Я со своим лекарством пришла к Батюшке и жалею, что не могу пить. Старец надел епитрахиль, помолился, перекрестил сосуд с лекарством, выпил сам половину, а остальное подал мне. Я как поднесла ко рту, так у меня опять позыв на рвоту. Батюшка сказал оставить это лекарство. Назначил другое: алоэ с маслом и медом перетопить и по столовой ложке принимать три раза в день.

Я натопила целую банку лекарства, но принимать опять не могла. Со слезами пришла опять к Батюшке просить помощи. Он надел епитрахиль, помолился и ложку себе, а ложку мне и ласково приговаривал: "не нужно рвать, не нужно".

И понемногу я стала глотать, и со временем привыкла и употребила все лекарство, и сама поправилась и живу до сего дня, не жалею на легкие. Так мне помог этот великий старец своей любовью да святыми молитвами", — закончила свой рассказ м. А.

Рассказывала монахиня А. о своем прошлом:

"Были тяжелые годы Отечественной войны. Мне было 15 лет. Люди, как овцы, искали пастырей: ходили в Чернигов на богомолье в Троицкий женский монастырь, основателем которого был всем известный старец о. Лаврентий, у

которого и находили все утешение в эту трудную годину жизни.

Я была совершенно духовно заброшенная девочка, очень быстрая и большая проказница. Но в меня закралась искра любопытства сходить в Чернигов в монастырь и присмотреться к жизни насельниц его.

И когда люди верующие собрались идти, решила и я следовать за ними пешком 45-километровую дорогу. Прибыв в Троицкий монастырь, мы поместились по келлиям знакомых матушек. Насладив душу прекрасным пением и молитвой (в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Феодосия), мои паломницы, которых было человек 20, благоговейно собрались уходить домой, побывав не раз у Батюшки на утешительной беседе и, конечно, на исповеди. Я была лишена всего этого, а только молча наблюдала, как они сговаривались идти за напутственным благословением к старцу, а меня оставляли сзади незамеченной. Это меня огорчило, но я держала себя, как могла. Одна матушка — Аполлинария имя ее (упокой, Господи, душу ее) — заметила мое смущение и пригласила следовать за ней. Мы подходили последними. Когда я подошла за благословением, Батюшка положил свою руку мне на голову, поцеловал меня в голову и ласково произнес: "Вот умница, что пришла! Походишь и будешь наша". Благословил меня большой просфорой, а всех крестиками.

На меня напал какой-то неведомый мне доселе радостный трепет. С этого момента я начала как бы духовно формироваться. Начала ходить в церковь, петь на клиросе. Меня тянуло в Чернигов, где я устроилась со временем на работу. Жила в монастыре и руководилась Батюшкой.

Однажды мой начальник по работе предложил мне переходить в школу ФЗО. Я спросила у Батюшки, как быть. Батюшка утвердительно сказал: "Валяй! Бегом беги и переходи в школу!" Я, получив благословение, не спеша отошла. А Батюшка все свое: "Я тебе сказал: беги бегом!" Ощувив какое-то беспокойство на душе, я немедленно прибежала к начальнику и изъявила свое желание поступить в школу.

Недели через три пришел приказ нашему участку выехать на Урал в Свердловскую область. Все мои сотрудники уехали, а я осталась на месте. Тогда я поняла, почему Батюшка сказал мне "бежать".

Рассказ той же.

"Живя в монастыре и выполняя монастырские послушания, я работала на производстве. По какому-то случаю мне нужно было съездить домой в село к матери. Директор отпустил, а матушка игуменья Антония не благословляла ехать. Тогда я уехала самовольно. Пробыв три дня, я вернулась. Но м. игуменья за "самочинство" велела мне уходить из монастыря и немедленно освободить квартиру. Я просила

прощения со слезами, падая в ноги, несколько раз повторяя. Но матушка была очень строгая и не хотела со мной разговаривать, а только грозно повторяла свой приказ: "Убирайся вон!"

И я, связав свои вещи в узлы, решила уходить из монастыря, забыв даже взять благословение у Батюшки. Но мать благочинная, увидев мои узлы, спросила, брала ли я благословение у Батюшки на уход из монастыря. Я ответила, что нет. Она немедленно направила меня к Батюшке, которому я рассказала слезно о своем горе и своем намерении.

Старец Лаврентий выслушал меня внимательно и дал такой назидательный ответ: "Вот смотри, когда лежит на дороге кусок древесины (палка) кривой, суковатый, ее все переступают, обходят, она никому не нужна. А когда хороший столяр поднимет ее, даст ей соответствующую обработку, тогда эта палка или какая-нибудь деталь всем нужна, каждый хотел бы взять ее. Вот так и матушка игуменья тебя испытывает... Иди еще раз попроси прощения, если не простит, тогда уйдешь на квартиру".

Я взяла благословение, попросила святых молитв у старца и со страхом еще раз подошла к матушке игуменье. На этот раз гнев был переложен на милость по молитвам великого старца Лаврентия. Матушка расположилась ко мне, простила, напутствовав меня душеспасительной беседой".

”Однажды вызывает меня владыка Борис, — рассказывала ин. А., — и предлагает рассчитываться, увольняться с работы, чтобы помогать ему.

Я спросила у Батюшки. Он не благословил уходить с работы, а сказал: ”Как говорится, нужно еще поработать”. А с работы тогда было трудно уйти.

Владыка Б. взял мой адрес и сказал, что сам заедет к директору. Батюшка на это ответил: ”Если заедет, тогда и будет дело, а пока работай”. Владыка Б. три раза брал адрес и три раза терял его. А когда уехал владыка Б., то Батюшка при встрече спросил меня: ”Ты ушла с работы?” — ”Нет”, — ответила я. — ”А почему нет? Ведь здесь много работы, нужно здесь работать”, — сказал Батюшка.

Я немедленно уволилась с работы. Тогда я поняла, почему Батюшка не разрешил уходить с работы, — потому что тогда бы владыка Борис забрал меня с собой”.

”Послушания у меня были разные, — продолжает свои воспоминания ин. А., — но больше я работала по ремонту и строительству. Однажды я подошла к Батюшке за благословением лезть на купол. А Батюшка и говорит: ”Купол-то, как говорится, куполом, а вот как ты с правилом справляешься? Читаешь правило?” К моему стыду, я не всегда выполняла правило: поэтому я промолчала на этот вопрос. А Батюшка строго и

громко сказал: "Я тебя спрашиваю, ты каноны читаешь? Нужно читать правило", – еще раз повторил старец.

В другой раз брала у Батюшки благословение лезть на купол, а он спросил: "А ноты ты знаешь? Нужно учить ноты, потому что пение в церкви – это самое дорогое послушание. Мать Божия любит певчих".

И почти всегда вспоминал Батюшка о пении. Он благословлял всех ходить на клирос, даже "безголосых" и "бесслухих", но по его молитвам они приучались петь. Мне казалось, что я одна из таковых, но по его святым молитвам я ходила на клирос и пела".

"Заболел мой брат от испуга пожара и так сильно, что лежал на одре. Мать послала меня к Батюшке о. Лаврентию за благословением обратиться к "шептухе". Она, дескать, молится, читает молитвы и помогает.

Я пришла к нему и рассказала о своем горе и что мать предлагает делать. А Батюшка говорит: "Она-то молится, да как говорится, одно словцо вбросит и пропадает вся ее молитва. Вот как возьми бочку меду да смешай с ложкой дегтя, то есть и не будешь".

"А что же делать с братом?" – спросила я. – "А ты пойди, помолись святителю Феодосию, Черниговскому чудотворцу, он и поправится", – сказал о. Лаврентий. – "Батюшка, ведь я не умею молиться", – возразила я. – "А ты скажи: "Отче святителю Феодосие, исцели моего брата.

Как его звать?” – ”Николай”, – сказала я. Он назвал это имя и благословил меня.

На другой день в семь часов утра я поспешила к гробнице святителя Феодосия и сделала так, как научил меня старец. Когда я вернулась домой, то мать мне рассказала, что ровно в семь часов утра проснулся брат Н. и попросил есть. С того дня он стал поправляться. По молитвам старца Лаврентия болезнь его оставила”, – так закончила этот рассказ ин. А.

”Был такой обычай у нас в монастыре, – рассказывала ин. А. дальше – Именинницы в день своего Ангела причащались Святых Таин, потом брали просфору и шли к Батюшке. Он отламывал маленький кусочек и поздравлял с днем Ангела. Часто оставлял именинниц разделить трапезу. И вот один раз мне пришлось быть на такой трапезе. Нас было человек 12. Батюшка кушал с маленького черепяного горшочка круглой деревянной ложкой. Это была его собственность. Вдруг Батюшка поднимает голову и говорит, обращаясь к матушке келейнице П., она подавала на стол: ”Пойди, посмотри, там кто-то пришел, пусть зайдет сюда”.

Матушка П. посмотрела, увидела женщину, которая стояла и сильно плакала и просила пропустить к Батюшке. Но матушка П., жалея старца, сказала: ”Когда Батюшка покушает, тогда пройдет. Он вас сейчас не примет”. Но женщина продолжала плакать. А Батюшке м. П.

сказала: "Обедайте, Батюшка, там никого нет".

Отец Лаврентий еще взял несколько ложек своей похлебки из горшочка, повернул голову и опять говорит: "Там, как говорится, кто-то пришел, позови ее". – "Да нет там никого, обедайте спокойно", – настаивала на своем м. П. Батюшка взял еще ложку, потом расстроено положил ложку на стол и громко произнес: "Я тебе сказал, что там стоит женщина и плачет, пойди, приведи ее". И сам приподнялся с места, как бы встречая плачущую.

Перед нами появилась женщина средних лет, которая сильно плакала. По-видимому, великое горе привело ее сюда. Батюшка повел ее в свою келлию, побеседовал и минут через десять женщина вышла совершенно другой, с улыбкой радостно поклонилась и ушла.

А Батюшка сел за стол да и говорит матушке П.: "Если бы ты видела, что плачет человек, как бы ты могла кушать?"

Вот такой был великий старец о. Лаврентий, что все мог видеть. Я была этому свидетель в день моего Ангела Симеона Богоприимца и прор. Анны".

У Батюшки была безграничная любовь к людям. Однажды зашел к Батюшке Пимен Никитич, который жил рядом с монастырем. Он был верующий мастеровой мужик. Он принес свою скрипку и хотел показать свое искусство. Начал

играть псалмы. Но у него хорошо не получалось. Он нервничал, расстраивался. Батюшка заметил это да и говорит: "А ну, давай, заиграй 'Казачка' ". Эта вещь у него зазвучала отлично. Похвалил его Батюшка, и тот с радостью ушел домой.

Батюшка часто плакал – и во время молитвы, и во время пения. Не раз слезно повторял такие слова: "Здесь, на этом свете, Господь даровал каждому человеку свободу. Он может слушать пение, наслаждаясь им, хвалить Господа устами и сердцем. А в будущей жизни будет не так. Только тот будет слушать и наслаждаться, кого Господь сподобит, потому что многие за свою грешную и нерадивую жизнь лишатся этого навеки".

Когда рукополагали во священники, Батюшка обливался слезами. Его однажды спросили сестры, почему он так плачет. Батюшка ответил, что многие и многие погибли из этих священников за свою небрежность и нерадивую жизнь духовную. Они не будут думать о своем спасении, а тем более о других.

Но священника о. Димитрия, который был в то время настоятелем Троицкого храма, он одобрил за его искренние проповеди, наставления и правильные исповеди, и говорил, что он за свое усердие не будет отвечать перед Богом за своих чад. И Господь его спасет. Он потом был

рукоположен во архиепископа и до конца своей жизни был большим ревнителем благочестия.

При владыке Борисе была возможность тайно брать подрясники в мир, если Батюшка на это давал благословение. Одна женщина, получив "извещение" о смерти мужа, в скорби пришла к старцу о. Лаврентию за благословением на подрясник. "Да, как говорится, когда придет твой... как его звать, Василь? — (женщина утвердительно кивнула головой) — Вот, когда придет Василь, что тогда будем делать?" — "Да он не придет, он погиб... Я получила "извещение", — со слезами сказала женщина. — "Да, да, а если придет? Тогда что же делать? Нельзя, лучше подождать", — твердо настоял на своем Батюшка.

И действительно предсказание старца исполнилось. В скором времени пришел муж этой женщины, и она стала жить семейной жизнью.

"Во время моей жизни в монастыре пришла мне в голову греховная мысль: "Как Бог узнает грехи всего человечества? Ведь умерло неисчислимое количество людей и сейчас умирает и будет умирать? Как же сможет Господь определить каждого, кто чем грешен?"

И вот однажды я вижу такой сон, — рассказывает о себе ин. А. — Иду я по улице незнакомого мне города и захожу в большое здание. Внутри здания — большая церковь, вроде

собора. Прямо передо мной — алтарь. Царские врата раскрыты. В алтаре яркий свет — белый, посреди престол — тоже светлый, как бы хрустальный.

На правую сторону посмотрела я и увидела длинный как бы зал, похож на трапезную.

Вдруг в этом зале появилось трое, то есть душу ведут два Ангела в виде иподиаконов. Мне будто кто-то говорит: "Смотри, это ведут праведную душу". Душа эта казалась мне девочкой лет 15-16. Она была светлая, как бы прозрачная, на голове платочек беленький, в руках зажженная свеча. Подойдя к алтарю, иподиаконы остановились, девочка поклонилась, и вошли все они в Царские врата. Мне кто-то говорит: "Эту душу повели в рай". Они повернули на правую сторону, и мне не стало их видно. Потом я поворачиваю голову и смотрю в тот самый зал. Вижу опять идут трое. Два иподиакона, а посредине девочка, но вся черная, и по ней как бы написаны тонкие полоски, молниеобразные. Мне кто-то говорит: "Это ведут грешную душу". Ее доводят до алтаря и вводят в ворота рая и поворачивают направо.

Я смутилась, что и грешную душу повели туда же, и мне захотелось пойти вслед и посмотреть, какой рай. Прижавшись к стене за спиной иподиаконов, я забежала на правую сторону, но увидела только стволы деревьев, которые были, как хрусталь, белого цвета.

Потом я остановилась и, подняв голову,

посмотрела через плечо одного из этих юношей и увидела большой обрыв, который закрывался небольшими дверцами. Мне кто-то говорит, что там ад. Вдруг меня заметили эти юноши и строго запретили: "А ты чего здесь?" – "Я хочу посмотреть", – сказала я робко. – "Тебе нельзя смотреть. Уходи сейчас отсюда!" – строго сказали мне юноши.

Я только повернулась уходить, как услышала неистовый крик грешницы: "Ай-ай-ай!", который сразу стих. Я в испуге выбежала на прежнее место в церковь, повернулась и увидела Божию Матерь, которая выходила с левой стороны алтаря. На правой руке она держала Богомладенца. Матерь Божия видна была мне сбоку, а Богомладенец сзади. Одежда была на ней вся золотая. А алтарный свет был белокристальный. И было сильное отражение золотой одежды на белом кристалле. От сияния всей этой славы я упала на колени и молитвенно произнесла: "Пресвятая Богородица, спаси меня!" И проснулась в большом страхе.

Наутро я побежала к Батюшке и рассказала свой сон. "Это тебе Господь открыл, – сказал старец, – чтобы ты никогда не думала, что Господь будет разбираться, кто, когда и чем грешил. Каждый человек добрыми делами и молитвою очищает себя и становится светлым, как эта душа, которую ты видела праведною. А грехи человека делают его черным: так загрязняют его, что он делается как смола черным. И не нужно

допрашивать, чем он согрешил: на нем все будет видно, и он сам себя осудит. От дел своих оправдаешься и от дел своих осудишься". Так разъяснил мне старец это сновидение".

"Приснился мне сон, — рассказывала духовная дочь о. Лаврентия с. А., — где-то я нахожусь вроде как не на земле и слышу необыкновенно красивое пение "Приидите, поклонимся" и "Господи, помилуй" и так мне было приятно и радостно на душе. Я проснулась да и размышляю, чтобы не от врага это было.

Утром побежала к Батюшке. А он радостно меня встретил, да и говорит: "Вот и хорошо, что ты пришла. Давай запишем, что ты там слышала?" Я испугалась от неожиданности да думаю, может, это прелесть бесовская. А Батюшка свое твердит: "Девчата, давайте скорей ноты писать будем. Ну пой, пой, как ты слышала?" А я все забыла, ничего не могла воспроизвести из слышанного во сне. Батюшка поднял глаза кверху и начал молиться, чтобы мне Господь помог. И я стала припоминать и пропела, и Батюшка записал. А сестры спросили, зачем? Он ответил: "Еще будут церкви и монастыри. И у нас будет монастырь и будем петь". И действительно, все это исполнилось, и я потом слыхала в исполнении батюшкиного хора это песнопение, которое я, грешная, по молитвам старца, слышала во сне".

"В другой раз по молитвам старца я видела во сне нечто необыкновенное. Вижу прекрасные

врата, все в золоте с белым сиянием. Вокруг ограда огненная. За оградой много людей стоит, но их не пускают в середину. Около врат стоит привратник с крыльями и никого не пускает. Я со страхом подошла к нему, он пропустил меня, сказав: "Иди".

Я зашла в прекрасный как бы сад, где было много деревьев и цветов. Я заметила прекрасные лилии, которые сильно благоухали. Юноша сказал мне, что это рай: "Хорошо, что тебе разрешили войти сюда". Я спросила: "А что это за люди стоят вокруг ограды и не могут войти сюда?" "Эти люди будут стоять до второго Пришествия, а потом их определит Господь", — ответил мне юноша.

Я вдыхала в себя этот аромат, так что даже родители слышали мое странное поведение во сне. Когда я проснулась, то этот аромат мне ясно ощущался вокруг. Мне казалось, что и одеяло мое пахнет, и одежда, которая на мне. Я испугалась и с большим недоверием отнеслась к этому сновидению. Никому ничего не смела рассказывать, а при первом случае дня через два прибыла к Батюшке, вся взволнованная, чтобы поисповедоваться ввиду вражеского наваждения. А Батюшка мне навстречу вышел такой радостный да и говорит своей духовной сестре: "Елена, давай фасоль на стол, да садитесь все, будем слушать Г. за рай... Ну, рассказывай, что ты там видела? Дома боялась рассказывать, так нам расскажи!"

Я стала отговариваться, что дескать я недостойна видеть рай. Это от врага. "От какого тебе врага. Говорю, рассказывай", — строго сказал старец. И я что смогла по-человечески рассказала. Но всего того нельзя было передать, его только можно чувствовать. Батюшка был доволен и сказал: "Вот так и есть! И нужно рассказывать! А другому приснился ад, где его поведут, и то нужно рассказывать. Все это для вразумления", — заключил старец. Я поняла, что все это по молитвам старца".

"Прошел год, — продолжает свой рассказ инокия А., — и мать отпустила со слезами меня в монастырь.

Идем мы вдвоем с подругой, сестрой М., а я и думаю по дороге: "Марию-то возьмут, а меня, такую некрасивую да неуклюжую, наверно, нет".

Пришли к Батюшке, упали ему в ноги, просимся принять в монастырь. А старец улыбнулся, да и говорит: "Наша игумения любит интересных. И здесь много работы. А вы лучше идите в Домницу. Там вас матушка игумения примет с распростертыми руками. А потом вы вернетесь и сюда, но уже будете людьми, будете уметь петь и читать. Идите быстрее".

Мы взяли благословение, и думали сесть на попутную машину. А Батюшка говорит: "Вы катером по воде. Идите, за оградой вас ожидают попутчики". Мы, ничего не понимая, быстро вышли за ограду. А там о. Никифор и несколько сестер тоже собрались в Домницкий монастырь. И

вот они и нас забрали с собой и мы действительно "катером" добрались до Домницкого монастыря. Прибыв на место, они пошли вперед, а мы вдвоем шли со страхом, да думали, как будет наше дело.

Вдруг у ворот монастыря стоит матушка игумения и спрашивает нас, кто мы такие и чего здесь хотим. Мы ответили, что нам нужна мат. игумения. "А что, вы может в монастырь?" — спросила игумения. — "Да", — робко ответили мы. — "То я вас приму с распростертыми руками", — радостно сказала матушка игумения и протянула нам свои старческие руки. Мы со слезами радости бросились ей в ноги и рассказали, как старец Лаврентий послал нас в этот монастырь и сказал те же слова, которые произнесла матушка игумения при встрече нас.

По батюшкиным молитвам нас обеих благословили на клирос петь, где мы постепенно обучались этому искусству духовному.

Через некоторое время исполнилось прозрение Батюшки, нас действительно перевели в Троицкий монастырь, где мы завершали свой молитвенный путь. И я лично на себе испытала всю силу молитв этого великого старца нашего времени".

"После смерти Батюшки, — рассказывает мон. Е., — в одну из родительских суббот, отстояв заупокойную литургию, я решила пойти на базар, упустив заупокойную службу. Вернувшись, я легла отдохнуть. Вижу во сне Батюшку,

который идет один. Я подбежала с радостью за благословением. А он спрашивает: "А где ты была? Я смотрел, смотрел и никого не видел. Все разбрелись, кто куда. Ты по базару "лазила". Теперь иди зови всех на обед". Я пошла звать и проснулась. Мне стало стыдно за себя и за других, что мы своей житейской суетой оскорбляем память старца. И я мысленно каялась и пообещалась больше никогда не нарушать церковного устава своим отсутствием.

"Мне вспомнился случай из жизни, который для меня очень важный, он говорит о высокой жизни старца о. Лаврентия, которого я чту как великого прозорливца.

В кафедральном Преображенском соборе была торжественная служба в честь праздника свят. Феодосия, где участвовал монашеский хор Троицкого монастыря во главе с регентом о. Лаврентием.

Я готовилась причаститься Святых Таин. С трудом пробралась в конце Литургии к старцу о. Лаврентию, чтобы поисповедоваться. "Ты инокия?" — спросил Батюшка. — "Нет, я мирянка", — тихо ответила я. При разрешительной молитве он назвал монахиней и сказал то имя, которое я ношу теперь как тайная монахиня. (Рассказывала с. А.)

"К Батюшке о. Лаврентию я ходила часто и получала духовное удовлетворение, а спросить о

чем-либо не умела. Мне казалось, что Батюшка всегда будет с нами, и всегда нам будет хорошо. И вдруг Батюшки не стало с нами. На душе у меня была непроглядная тьма, стало томить такое уныние, что я погибала от скорби: как спастись? Во сне я вижу Батюшку. Упала ему в ноги и слезно спрашиваю: "Батюшка, я погибаю! Как мне избавиться от томления душевного?"

"Исповедь и Причащение – в этом спасение. Вот видишь три дороги? А ты иди средней (прямой) и спасешься", – сказал мне строго старец.

Я проснулась с большим облегчением. И ныне я в душе ношу это утешительное слово старца Лаврентия", – рассказывала о себе боголюбивая с. А.

"Я готовился быть священником и пришел за благословением к Батюшке о. Лаврентию. Он помолился и благословил открыть Евангелие и прочесть. Я раскрыл и прочел евангелиста Матфея, как юноша просил Господа, как ему спастись, а Господь ответил: возлюби Господа всем сердцем твоим, всею душою твоею и ближнего твоего, как самого себя. И Батюшка остановил меня и сказал: "Вот таким должен быть священник, и будет хорошо".

Я свято храню в душе эти слова великого старца", – так рассказывал о себе свящ. П-р.

Пришла одна духовная тайная дочь к Батюшке с жалобой, что другая такая же дочь вышла замуж ("приняла примака"). Батюшка очень опечалился, сказал: "Что же она сделала? Ай-ай! Жаль". А потом, помолчав немного, сказал: "Через три месяца его не будет, а она пойдет на покаяние".

И действительно так и произошло, что он через три месяца ушел, так как она стала говорить ему о религии. Он не вынес этого и оставил ее на покаяние. Так исполнились слова старца.

"Моя мать сильно болела (легкими), уже никто не надеялся на ее выздоровление. Всё приготовили к смерти, а также и ее саму. Отец послал меня к старцу Лаврентию. Я пошла, со слезами рассказала свою скорбь. Он выслушал меня, опустив голову, а потом утешил меня, сказав: "Нет, не умрет твоя мать, она еще долго будет жить, переживет и отца". И действительно, по святым молитвам старца мать поправилась и жила до 90 лет", — рассказывала боголюбивая женщина М.

"За весь период Отечественной войны ничего не было слышно о муже. По окончании войны я пошла к Батюшке спросить, как молиться мне о нем. Батюшка сказал: "Запечатая и молись за упокой". Я ответила, что не присылали известия. "Не присылали, так еще пришлют. А сде-

лай, как я сказал". Я неохотно все сделала, а через год получила извещение о смерти. Я пришла и поблагодарила старца за его прозорливость". (Боголюбивая с. А-на.)

"Пошла я к Батюшке за благословением, чтобы поехать срочно к сыну. Батюшка резко сказал, что сегодня ехать нельзя. Я настаивала, потому что так договорились. И я прямо умоляла Батюшку. "Мое не поможет, — строго ответил старец, — поедешь завтра, один выход". Я неохотно согласилась и послушалась Батюшку, отложив поездку до завтра. Потом узнала, что в тот день была авария. И я по молитвам старца осталась жива. По приезде я пошла поблагодарить Батюшку за его любовь к грешным людям". Так рассказала о себе С. М.

"Во время Отечественной войны я еще был малолетним мальчиком и шел по улице с матерью. А чужой мальчик голодный украл хлеб у немца и бежал рядом, а немец за нами. Мальчик испугался и спрятался за юбку моей матери. Немец стал стрелять и убил мальчика и мою мать. Я с перепугу забрался на забор и остался жив, но без матери. На свое попечение взяла меня тетя, которая была глубоко верующая женщина. Она водила меня по церквям. Однажды привела меня к о. Лаврентию. Он благословил меня, погладил по голове и ласково произнес: "Это монах пришел. Когда будешь в Киеве, то

молись. Будешь ты круглым сиротой, но Господь тебя не оставит”.

И действительно, в скором времени убили отца, и я остался сиротой.

Мне нравилось ходить в церковь. Стал подрастать и пришел к Батюшке, который меня благословил ехать в Киев со словами: ”Едь в Киев, там будешь при трапезной и будешь по-немногу обучаться пению”.

Послушался я Батюшку и поехал, как он мне сказал, и прожил до 16 лет. А потом нужен был паспорт. Для этого нужны были справки из дома. Я поехал домой в село, а они и слушать не захотели за справки, а оставляли меня жить и работать в колхозе.

Я пришел за советом к Батюшке. Он благословил еще немного пожить в Киеве. Пожил я с полгода, опять отправляют меня домой за справками. Я приезжал домой, но безуспешно, и решил остаться в колхозе. Пошел к Батюшке, его вели из церкви. Я поклонился старцу и рассказал ему свое решение остаться в селе, работать в колхозе. ”Ты уже монах. Тебе нельзя здесь. Ты спеши, он тебе ”справочку” напишет, ему вечером делать нечего будет”, — сказал о. Лаврентий. ”Батюшка, я только оттуда”, — возразил я. ”Ну едь, я помолюсь и он даст”, — сказал старец.

Я пошел наутро, а председатель ласково мне ответил, что он вчера вечером решил написать, так как делать было нечего. ”Бери справку да

езжай куда хочешь”, — ответил он, подавая мне справку. Я со справкой пришел к Батюшке благодарить за молитвы. ”Ну вот, едь в Киев, там тебе дадут срочный паспорт. Да еще будешь и священником”, — сказал мне Батюшка Лаврентий и благословил меня великим крестом.

Когда я приехал в Киев со справками, то в милиции стали уговаривать меня оставить этот путь жизни, а поступить к ним на работу, и заинтересовались, что заставило меня идти в монастырь. Я им рассказал трагические моменты из моей жизни, что привело меня к истинной вере в Бога, и они не стали прекословить мне и дали мне срочный паспорт.

По молитвам старца Лаврентия я потом был рукоположен во священники. И теперь я всегда молюсь и благодарю Бога, что Он послал мне в жизни такого великого путеводителя старца о. Лаврентия. (Иер. А-й.)

В селе Карильском (на родине Батюшки) живет священник иером. Феодосий (72 г.), который хорошо знает Батюшку о. Лаврентия, с его благословения он женился на сельской девушке Марии и получил послушание ”не касаться жены”. Потом Батюшка благословил рукоположиться во диакона, а во время войны Отечественной во священника.

Ему пришлось понести тяжелый крест заключения (10 лет). Сейчас он живет в своем селе с супругой — сестрой, прихода не имеет, а

помогает читать "записочки" при проскомидии, кто им не гнушается. Живет в большой нестяжательности, в поношении и унижении, чем заслуживает любовь и умиление у верующего человека. Мы побывали в этом семействе и получили тайное (внутреннее) назидание для себя.

Вот небольшой рассказ супруги о. Феодосия (с. Марии было 66 лет).

"Родилась я в селе Карильском в бедной семье. Нас было пятеро детей. Отец уехал "на переселение". Я была старшая в семье, но была непривитая духовно, как зеленая ветка без плодов. Была простая, честная девушка. Когда пришла пора выходить замуж, жребий жизненный мне выпал на Феодосия, который мне очень нравился, но у него была запутанная ситуация со старшей сестрой, что мне получился крест на всю жизнь. Она меня органически и духовно не могла сносить, и дело дошло до того, что я оставила супруга и ушла...

Через некоторое время Феодосий пошел к Батюшке и похвалился своей бедой. Старец строго приказал: "Сейчас же заведи ее домой, а то будете вы через нее в аду". Со временем он забрал меня, и мы теперь живем под одним кровом. Во время войны мы жили в монастыре, он был огородником, а я на кухне. И там я выучилась читать и немного в уставе разбираться и теперь помогаю своему батюшке в домашней молитве". (Записано в с. Карильском.)

Одна девушка вышла замуж (повенчалась). Батюшка приехал в село из монастыря, ему рассказали об этом. Он, увидев ее, спросил: "Зачем выходила замуж? Не нужно было". — "Да я венчана, то уже буду жить", — ответила односельчанка. Но жизнь ее была очень неудачная и тяжелая, о чем и предостерег ее еще молодой в то время старец.

Когда был Батюшка о. Лаврентий еще юношей и жил в родном своем доме, то рассказывал своей невестке Марии, жене брата Варфоломея: "Как трудно жить на свете христианину. Бес не дает покоя. Я иду вечером, а он рядом со мной. Я крещусь и сам, и все вокруг, а он отступит, да и опять приблизится".

Батюшка выучился портняжничать и часто шил у людей заказы. "Сижу, шью, а "он" (бес) под столом лежит. Я не выдержал, да и говорю хозяину: "Ты видишь, кто под столом лежит?" — "А кто?" — испуганно спросил хозяин. — "Бес лежит, разве не видишь?"

Один мужчина из с. Карильского был пономарем в церкви, а потом изъявил желание быть священником. Пришел к Батюшке о. Лаврентию за благословением. А Батюшка взялся за голову, да и говорит: "Уже ад полон таких". И тот ушел ни с чем.

”Эге, вот и хорошо, что пришла, будешь читать и петь на клиросе”, — сказал Батюшка о. Лаврентий м. А., когда она обратилась к нему впервые по вопросу принятия в монастырь, — там тебя научат и сделают с тебя человека”, — заключил старец. ”Батюшка, я хоть и не умею ни читать, ни петь, но хочу научиться и прошу ваших святых молитв и благословения”, — ответила я и поехала в Домницу. Там меня приняли, матушка игуменья благословила читать на клиросе, и я стала приучаться петь. По молитвам старца я и до сих пор читаю и пою в своем храме”. (М. А-са.)

”Я стала ходить на клирос, — рассказывала И. Н., — но у меня плохо шло дело с пением. Никак не давалось. Меня ”тусали” туда да сюда. Никто не хотел приютить или дружелюбно отнестись как к новичку. Я устала от такой обстановки и решила оставить клирос. Был какой-то праздник, я встала незаметно под стеной, в уголочке. Вижу мимо прошел Батюшка, я поклонилась и продолжала стоять. Батюшка дошел до алтаря, потом вернулся, подошел ко мне и строго спросил: ”А ты чего здесь стоишь?” Я начала плакать, что я не способна и только мешаю всем. ”Сейчас же на клирос”, — строго сказал Батюшка. Я поклонилась старцу и бегом побежала на свое место. И с этого времени по молитвам Батюшки дело начало спориться, и я уже никогда не оставляла сво-

его благословения. И сейчас мы поем в своем храме”.

Началась война Отечественная 1941 г. Пришел к Батюшке один верующий мужчина К-ма за благословением идти на фронт, так как на днях должен получить повестку. ”С Богом всюду хорошо, – сказал старец. – Когда получишь повестку, то зайди ко мне”.

”Я так и сделал, – рассказывал К-ма. – Получил повестку, пошел к Батюшке, чтобы взять благословение. Батюшка был болен в тот день. Доложили обо мне. Ввиду срочного дела, как исключение, разрешил Батюшка войти к нему. Когда я вошел, Батюшка совсем больной поднялся с постели, благословил меня, надел епитрахиль, помолился и говорит: ”Будь всегда с Богом и с тобой будет Ангел Хранитель, который будет тебя крылами покрывать от пуль со всех сторон. А ты не сомневайся и ничего не бойся. Старайся в плен не попасть к врагу, потому что гибнут там. И всюду будь первым в деле помощи ближнему. Если что будут возражать товарищи, скажи, что так велело начальство. И главное – не бойся. Тебя ничто не возьмет”. Так увещевал старец меня на прощанье, благословил большим крестом и просфорой, отпустил на брань с врагом.

Я был в большом недоумении от слов старца, надеялся только на его святые молитвы, да на Божью милость и на Его Всемогущую силу ко

мне немощному и грешному. И когда нас послали в бой, тогда я ощутил на себе величайшую чудодейственную силу. Вокруг обстрел, пули, как дождь, а я ползу смело, таскаю раненых на пункт, помогаю товарищам с великодушной любовью, и меня ничего не брало. Прошел всю войну и не получил ни одного ранения, даже ни одной царапины. Может, кто из читающих усомнится, то можете спросить меня, я еще жив... Потом, по окончании войны, вернулся домой и сразу же пошел к Батюшке, упал ему в ноги, слезно благодарил за святые молитвы и рассказал старцу о дивных делах, какие я испытал, будучи немощным человеком, на себе. "Верить нужно и не сомневаться, — сказал старец, — то увидишь и почувствуешь еще большее: то, что на небе, и то, что во аде".

После войны Батюшка благословил ходить мне на клирос. Я немного походил, а потом начал охладевать... Стал реже встречать Батюшку. Пришла мне мысль жениться, но это я скрывал, а в тайне хранил, чтоб никто дескать не помешал...

Две сестры были в монастыре. Но я им не признался. Сказал старшей сестре, которая жила в доме. Она также вовремя не сказала Батюшке. И я обошел старца, женился по своей воле. Об этом услышал Батюшка, велел прийти к нему. Я смущенно переступил порог старца, а он и говорит: "Ай-я-яй! Ну ладно, живи! А когда

заболеет, тогда жить не будешь с ней. Все равно будешь монахом”.

И началась моя мучительная, томительная, 70 раз седмерицею неудачная семейная жизнь. Со всем недолго прожил я со здоровой женой (лет 5), а потом она стала душевно больной женщиной, совершенно не пригодной к семейной жизни. И мне самому нужно было все делать, да еще и с ней возиться лет 30. А когда заболела, то в помещении сделался такой страшный шум, что не знал, куда деваться. Но уже год, как она умерла. А я остался теперь один завершать свой жизненный путь. Все человек несет за свое преслушание...”

У Батюшки было любвеобильное сердце. Он говорил: ”Как можно давать эпитимии? Ведь и так все в скорби. Нужно всех любить, жалеть, прощать и молиться. Я никому не давал эпитимий”.

”Когда мы были еще юными девицами и Батюшка приехал в наше село Синявки, — рассказывала мон. В., — мы втроем пришли к Батюшке взять благословение и послушать его великой беседы. Он ласково принял нас, внимательно посмотрел, да и говорит: ”Ты, Юля, гулять не ходи, тебе это не нужно, ты будешь монашка. А ты, Ганя, выйдешь замуж. А есть такие, что и туда и сюда. А потом как ”вскочат в прорву”, то едва выйдут с Божией помощью”.

Это предсказание сбылось на каждой из нас.

Одна из нас стала монахиней, жила в монастыре. Другая вышла замуж и в законе прожила свою супружескую жизнь. А третья – мудрила, хотела и в монастырь и замуж (за двумя зайцами). Вышла замуж по расчету, за "богатого". А когда пришло время, то осталась и без мужа, и без крова с малыми детьми. И она часто со слезами вспоминала прозорливые слова старца и сожалела, что связалась с мирской суетой, которая тянет душу вниз, но по молитвам Батюшки она духовно крепится".

*

Батюшка при беседе говорил, что будет война, а одна сестра говорит: "хорошо, что война, потому что к числу мучеников будут причислены..." А Батюшка возразил, что не все, а только верующие, а неверующие пойдут в ад. А сестра говорит: "так это и погибнуть можно". А Батюшка сказал: что слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с Ним.

Батюшка часто любил беседовать со своими любимыми чадами о последнем времени; как нужно быть бдительным. "Вот сейчас голосуем, то левой рукой брось – это ничего, да еще и не за одного во всем мире. А если будут голосовать за одного – это уже он самый и

голосовать нельзя". Еще говорил: "Такая будет война, что никто нигде не останется, разве только в ущелье".

И говорил, что будут драться и останутся два или три государства и скажут: выберем себе одного царя на всю вселенную.

И в последнее время будут истинные христиане ссылаться, а старые и немощные пусть хоть за колеса хватаются и бегут за ними.

Батюшка часто повторял беседы об антихристе. Такие говорил слова: "Будет время, когда будут ходить подписывать за одного царя на земле. И будут строго переписывать людей. Зайдут в дом: а там муж, жена и дети. И вот жена станет уговаривать своего супруга: "Давай, супруг, подпишемся. Ведь у нас дети, тогда же ничего не купишь для них". А муж скажет: "Дорогая супруга, ты как хочешь, а я готов умереть, но за антихриста подписывать не буду". "Такая трогательная картина будущего", — заключил старец.

"Приходит время, — рассказывал о. Лаврентий, — когда и недействующие храмы (закрытые) будут ремонтировать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Купола будут золотить как храмов, так и колоколен. А когда закончат все уже, наступит время, когда воцарится антихрист. Молитесь, чтоб Господь продолжил нам еще это время для укрепления, потому что страшное ожидает нас время. И видите, как все коварно готовится? Все храмы будут в величай-

шем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет. Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме с участием духовенства и Патриарха.

Будет свободный въезд и выезд в Иерусалим для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано, чтоб прельстить.

Антихрист будет происходить от блудной девы — еврейки двенадцатого колена "блудодения". Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет 12-ти, гуляя с матерью по саду, встретится с сатаной, который выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: "не бойся, я буду помогать тебе". И из этого отрока созреет в образе человеческом "Антихрист". При его короновании, когда будет читаться "Символ веры", он не даст его правильно прочесть, где будут слова за *Иисуса Христа, как Сына Божия*, он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист и за это будет умерщвлен.

При короновании "антихрист" будет в перчатках. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, то Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а *когти*, и это послужит к большему уверению, что это антихрист.

Сойдут с неба пророки Енох и Илия, которые

также будут всем людям разъяснять и восклицать: "Это антихрист, не верьте ему".

И он умертвит их, но они воскреснут и полетят на небо.

Антихрист будет сильно обучен всем сатанинским хитростям, и он будет делать знамения ложные.

Его будет слышать и видеть весь мир.

Он "своих людей" будет "штамповать" печатями. Будет ненавидеть христиан. Начнется уже последнее гонение на христианскую душу, которая откажется от печати сатаны.

Сразу начнется гонение на Иерусалимской земле, а потом по всем местам земного шара прольется последняя кровь за имя нашего Искупителя Иисуса Христа. Из вас, чада мои, многие доживут до этого страшного времени. Печати будут такие, что сразу видно будет, или принял человек или нет.

Ничего нельзя будет купить ни продать христианину. Но не унывайте. Господь Своих чад не оставит... Бояться не нужно!..

Церкви будут, но ходить христианину православному в них нельзя будет, так как там не будет приноситься Бескровная Жертва Иисуса Христа, а там будет все "сатанинское" сборище...

И вот за это беззаконие земля перестанет родить, от бездождия вся потрескается, даст такие щели, что человек может упасть.

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, а признают Христа и будут царствовать со Христом.

А весь слабый народ пойдет за сатаной, и когда земля не даст урожая, люди придут к нему с просьбой дать хлеба, а он ответит: "Земля не родит хлеба. Я ничего не могу сделать".

Воды также не будет, все реки и озера высохнут. Это бедствие будет длиться *три с половиной* года. Но ради избранных Своих Господь сократит те дни. В те дни еще будут сильные борцы, столпы православия, которые будут под сильным воздействием сердечной Иисусовой молитвы. И Господь будет покрывать их Своей всемогущей благодатью, и они не будут видеть тех ложных знамений, которые будут приготовлены для всех людей.

Еще раз повторяю, что ходить в те храмы нельзя будет, благодати в них не будет".

Одна сестра, слушая эту беседу, спросила: "Как быть? Не хотелось бы дожить до этого времени". "А ты молодая, можешь дожить", — сказал старец. "А как страшно!" — воскликну-

ла сестра. "А вот ты и выбирай одно из двух — или земное, или небесное".

"Будет война, — продолжал Батюшка, — и где она пройдет, там людей не будет. А перед этим Господь слабым людям пошлет небольшие болезни, и они умрут. А при антихристе смерти не будет".

И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления. Сестра спросила: "Так это все погибли?" "Нет, если верующие и омоются кровью, то причтутся к числу мучеников, а если не верующие, то пойдут во ад", — ответил Батюшка. И пока не восполнится число отпавших Ангелов, Господь не придет судить.

Но в последнее время Господь и живых, записанных в книгу Жизни, причислит к числу Ангелов недостающего счета, "отпавших".

"Ремонты храмов будут продолжаться до самого пришествия антихриста и везде будет благолепие небывалое, — говорил Батюшка. — А вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны, в ее наружном виде. Больше молитесь, ходите в церковь, пока есть возможность, особенно на Литургию, на которой приносится Бескровная Жертва за грехи всего мира. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и крови Христовой и вас Господь укрепит".

"Господь милостивый. Он тех евреев, которые откажутся принять печать антихриста, а воскликнут, что это обман, а не наш "мессия", — спасет".

Батюшка беседовал с одним иеродиаконом (Георгием) о последнем времени, горько обливался слезами, говоря: "Много духовенства погибнет при антихристе". О. Георгий говорит: "Как же мне бы не погибнуть, ведь я же диакон?" Батюшка сказал: "не знаю". Отец диакон стал плакать, упав в ноги Батюшке, и просил помолиться за него, чтоб ему избежать ада. Батюшка встал, помолился, да и говорит: "Ладно. Вот так бывает, заболел, умер и в Царство Небесное вошел".

И это предсказание исполнилось. Мы знали этого диакона по Киевской Лавре. Он был очень добродетельный и певчий монах, вдруг заболел на голову и в скором времени умер.

Батюшка часто сокрушался и слезно молился или что-либо рассказывал со слезами. Сестры успокаивали его, на что он возразил: "Да как же не плакать, когда полна бездна людских душ".

У Батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром молитвы сердечной и прозорливости.

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ СТАРЦА, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Осенью 1949 года о. Лаврентий чувствовал себя слабо. В церкви он старался всегда быть и не раз говорил, что кто стремится идти в

церковь, чтоб приобрести благодать, а кто — чтоб не потерять.

Последнее время его подвозили на лошади к церкви. Перед праздником святителя Николая он чувствовал себя плохо. Послал сестру к владыке Иакову, чтоб благословил идти в церковь. Владыка по любви к нему не благословил и на ответ сестры, пришедшей от Владыки, Батюшка ответил: "Если кто думает будущего года дождаться, то пусть не идет". Быстро собрался и его отвезли в церковь. Но это уже было последнее Всенощное бдение. На песнопении "Ныне отпускаеши" Батюшка сильно плакал, плакали и все его певчие, которые так тепло были согреты его ангельской любовью. С поздней литургии его уже принесли на руках в келлию домой. И с постели Батюшка больше не подымался.

Хлеба он не кушал уже с полгода, а питался только овощами. Еще перед праздником свят. Николая сестры просили Батюшку быть снисходительным к своему здоровью. Он шутливо сказал: "До Николая солнце в гору (вверх) и дело пойдет "в гору". А когда на свят. Николая принесли его в келлию, то произнес своим малорусским наречием: "А теперь до Крещения или поправимся, или отправимся".

Во время болезни Батюшку приобщали каждый день св. Тайнами, а в самый день кончины на Крещенье принес игумен о. Антоний св. Дары в чаше из алтаря.

Благословил Батюшка читать монахиню благо-

дарственную молитву. Дело было уже вечером. В церковь пришли сестры и сказали, что о. Лаврентию совсем плохо. Все бросились бежать к Батюшке, чтобы получить последнее благословение и проститься со своим любимым отцом.

Одна сестра (насельница при батюшке) рассказывала, что часа в три ночи слышала прямо наяву необыкновенное пение многочисленного хора. Она прибежала в ту келлию, где лежало тело почившего, а там все было спокойно, тихо мерцали свечи при негромком чтении Евангелия священника Д. Она испуганно рассказала, что слышала пение. Он удивился и сказал, что душу покойного встречают на небе ангелы.

На третий день утром, слезно совершив последнюю панихиду в келлии, духовенство при сопровождении всего клира и вообще народа со многими слезами внесло гроб на руках в малый, теплый храм, который далеко не мог вместить такого количества народа. Гроб стоял посередине храма на возвышенном месте пять дней. Служились вечером парастасы, утром — заупокойные литургии и торжественные панихиды при многочисленном стечении народа. Ярко горели свечи вокруг дубового гроба, который Батюшка приготовил себе еще при жизни, задолго до смерти. Лицо почившего было закрыто "воздухом", как делается по чину. Видны были только руки, которые не застывали, как у умершего, а были мягки, как у спящего, и к которым при-

кладывалось много народа, тысячи. Кто молча со слезами, а кто с воплем и рыданием.

Можно ли изобразить душевное состояние сестер обители, их настоятельницы игумении Антонии. Они прощались с тем, кто был им ближе отца родного. Он принял их в обитель, большинство жили в бедности и суровой обстановке. Батюшка их пригрел, во всем помогал, учил их, руководил ими, питал телесно и духовно.

В день отпевания заупокойную литургию служил епископ Иаков, который был почти постельно больной, с многочисленным духовенством города и приходов. В конце литургии, по благословению Владыки, красноречивый проповедник иерей Д. вдохновенно произнес надгробную речь, которая несколько раз прерывалась громким плачем присутствующих в храме. Сквозь слезы говорил и сам проповедник.

После литургии началось отпевание, весьма умиленное и трогательное. Участвовал владыка Иаков и много священников и диаконов. Вокруг гроба стояли певчие и все сестры обители с настоятельницей игуменией Антонией, а также молящиеся с зажженными свечами. Заполнена была не только церковь, но и двор большой, и даже улицы. "Со святыми упокой" было коленопреклоненно пропето всеми присутствующими при отпевании вместе с хором.

После отпевания и трогательного прощания часов в пять вечера гроб открытый с почившим телом Батюшки руками священников и епископа

был торжественно перенесен в нижнюю церковь — усыпальницу. Трудно передать скорбь его духовных чад при виде этого выноса. Все они плакали навзрыд. Многие даже теряли сознание. Плакали несшие гроб, плакали и все стоявшие на пути печального шествия, сопровождавшегося колокольным звоном.

Гроб с телом поставлен был посередине храма-усыпальницы на 40 дней. И такое было стечение народа, все сестры окружили гроб, склонили на него свои бедные головы и подняли такой рев, что преосвященный владыка Иаков взялся за уши и еле живой мог выбраться оттуда, так как сердце заходилось от жалости.

Гроб стоял 20 дней открытым, а остальные 20 дней был закрыт крышкой гроба.

Ежедневно служились панихиды при многочисленном стечении народа. После 40 дней гроб был торжественно опущен в искусно вымурованную гробницу и заложен большой серой плитой.

Это было 20 февраля 1950 года.

Мы верим и надеемся, что Господь принял ангельскую душу его в светлые обители Свои, и что многие чада и православные христиане имеют в нем молитвенника и предстателя у престола Господня.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, СПАСИ НАС!

Ежедневная молитва старца Оптиной пустыни иеромонаха Нектария	5
Молитва ежедневная иеросхимонаха Парфения	6
Молитвенное возношение родителей за детей своих	9

ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ ЦЕРКВИ

Блаж. Диадок, еп. Фотики. Подвижническое слово. Извлечение	11
---	----

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Преп. Нил Сорский	34
Преп. Максим Грек	53
Свят. Филипп митрополит	65
* * * Старец Аристоклий	86

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

Епископ Игнатий (Брянчанинов). О терпении	93
--	----

Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению. (Из книги "Откровенные рассказы странника своему духовному отцу.)	107
* * * О семи горячностях духа	115
Наставление старца Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения	121

МУЧЕНИКИ XX ВЕКА

Воспоминания об архиепископе Петре (Звереве)	132
---	-----

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Отец Сергей Тревогин. Введение нового календаря на Западе и частично на Востоке. (Из книги "Календарь и календарный стиль", гл. 5.)	156
---	-----

РУССКИЕ ПРАВЕДНИКИ

Вкратце жизнь и труды старца схиархимандрита Лаврентия Черниговской Троицкой женской обители. Воспоминания	185
---	-----

К ЧИТАТЕЛЯМ

После ареста в 1982 году основателя и долголетнего составителя сборников "Надежда. Христианское Чтение" Зои Александровны Крахмальниковой дело ее было подхвачено верующими людьми в России, и мы получили манускрипты №№ 12, 13 и 14. Составители предпочли не указывать своих имен, и только после эмиграции о. Владимира Шибяева в 1988 году выяснилось, что он был составителем этих выпусков "Надежды". №№ 12 и 13 вышли в 1985 и 1986 гг. № 14 задержался в печати из-за недостатка средств. Этот выпуск будет и последним, поскольку мы не получили материалов для новых сборников.

Издание № 14 (печать его) было в большой степени обеспечено деятельным сбором средств среди русских православных людей в различных странах, в особенности в Австралии.

Просим и в дальнейшем всех, кому не безразлично дело распространения духовной литературы, способствовать сбору средств для переправки "Надежды" в Россию. На складе есть еще все номера, кроме № 1, который полностью разошелся.

Издательство

